

**ПРАВО
И
ЖИЗНЬ**

205 (7)

МОСКВА — 2015

ISSN 0868-3900

16+

ПРАВО И ЖИЗНЬ
Независимый научно-правовой журнал
№ 205 (7). Июль

Учредитель: Благотворительный Фонд «Центр публичного права»

Выходит с января 1992 г.

Главный редактор – Ю.А. Дмитриев
Заместитель главного редактора – Н.В. Кроткова
Литературный редактор – Н.В. Кроткова
Выпускающий редактор – Н.В. Кроткова
Верстка номера – М.Н. Таланина
Дизайн номера – М.Н. Таланина
Полиграфия – Ю.А. Никишин

Лицензия ПИ № 77-11959 от 04.03.2002 г.
Интернет-версия журнала: <http://www.law-n-life.ru>

Подписано в печать 05.08.2015 г. Сдано в набор 31.07.2015 г.
Формат 60x90/16 Печать высокая. Объем 7.71 п.л.
Тираж 1200 экз. Заказ № 104

Типография ИП Никишин Юрий Александрович
г. Москва, ул. Сельскохозяйственная, д. 36

*Материал подготовлен с использованием
СПС ГАРАНТ (www.garant.ru)*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Дмитриев Ю.А. – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почётный работник высшего профессионального образования РФ, член-корреспондент Российской академии образования, доктор философии (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон) (**главный редактор**)

info@ydmitriev.ru

Кроткова Н.В. – кандидат юридических наук, заместитель главного редактора журнала «Государство и право» Российской академии наук (**заместитель главного редактора – редактор электронной версии**)

krotkova2012@yandex.ru

Аллотт Пиджей (Allott PJ) – профессор (M.A., LL.M., LL.D.), почетный профессор международного публичного права Кембриджского университета (Великобритания)

allott@law.cam.ac.uk

Ахмедов Г.Г. – доктор педагогических наук, профессор (Азербайджанская Республика)

humeyir@mail.ru

Бордин Ф.Л. – доктор правоведения Кембриджского университета (Ph.D., LL.M., LL.B.) (Великобритания)

bordin@law.ca.ac.uk

Велиев И.В. оглы – доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)

veliev@rambler.ru

Дорфман М. – доктор философии (Ph.D.), судья (Хайфа, Израиль)

maratd@hotmail.com

Измайлов Д.С. - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра исследования промышленной безопасности Российской академии наук

9380752@mail.ru

Исаев И.А. – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой истории государства и права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

kigp@msal.ru

Миндагулов А.Х. – доктор юридических наук, профессор (Республика Казахстан)

Alken-06@mail.ru

Миронов В.О. – доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, доктор философии (Ph.D.) Оксфордского университета, профессор Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина и Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

mironov-vo@yandex.ru

Пылин В.В. – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Санкт-Петербургского государственного политехнического университета

pylin@mail.ru

Скуратов Ю.И. – доктор юридических наук, профессор, генеральный директор Фонда «Юристы - XXI век»

fondpt21vek@yandex.ru

Страшун Б.А. – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

msal_kpr@mail.ru

Хутинаев И.Д. – доктор юридических наук, профессор, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

khidman@mail.ru

Черемных Г.Г. – доктор юридических наук, профессор, нотариус г. Москвы

vara 555@bk.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Князев Ю.В. * Значение этики в профессиональной деятельности юриста 15

Машкова Е.В. * Рецензия на статью «Значение этики в профессиональной деятельности юриста» студента юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Ю.В. Князева 24

Knyazev Yu.V. * The value of ethics in the professional activity of the lawyer 26

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Дмитриев Ю.А. * Конституционный Суд прогнулся 33

Бурмистров А.С. * Рецензия на статью Ю. А. Дмитриева «Конституционный Суд прогнулся» 38

Дмитриев Ю.А. * Политические или юридические приоритеты: что выше? 39

ТЕОРИЯ ПРАВА

Иоффе Л.К. * Методика формирования юридических понятий на основе логико-алгебраической теории государства (территории) и права 44

Дерхо Д.С. * К вопросу о сущности и социальном значении конституционного правотворчества в Российской Федерации 67

Абрамова А.И. * Рецензия на статью Д.С. Дерхо «К вопросу о сущности и социальном значении конституционного правотворчества в Российской Федерации»96

Борисенков А.А. * Понятие индивидуального интереса и его значение для изучения национальных интересов98

Котельников М.Е. * Рецензия на статью доктора философских наук А.А. Борисенкова «Понятие индивидуального интереса и его значение для изучения национальных интересов».....121

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Рустамбеков И.Р. * Основные принципы регулирования сети Интернет (Принципы Интернет политики).....124

ПРАВО И СПОРТ

Опрышко А.Н. * Спортивный кодекс – основа систематизации спортивных правонарушений.....134

Нерсесян В.А. * Рецензия на статью А.Н. Опрышко «Спортивный кодекс – основа систематизации спортивных правонарушений».....179

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Алимов Б.Б. * Роль Президента Республики Узбекистан в процессе отставки Кабинета министров.....181

Исламходжаев Х.С. * Рецензия на статью Б.Б. Алимова «Роль Президента Республики Узбекистан в процессе отставки Кабинета министров».....198

Халмуминов Ж.Т. * Некоторые правовые вопросы экологической безопасности и охраны окружающей природной среды в Республике Узбекистан.....200

Идеи и выводы авторов не обязательно отражают позиции представляемых ими организаций

Независимый научно-правовой журнал «Право и жизнь», издававшийся с 1922 г. и возобновленный в 1992 г., посвящен вопросам теории и практики права в нашей современной жизни. На страницах журнала публикуются различные материалы, отражающие состояние нашей российской правовой системы, развитие законодательства, его строительства и применения на практике.

При использовании материалов ссылка на журнал «Право и жизнь» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах.

Присланные рукописи не возвращаются и не рецензируются. Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

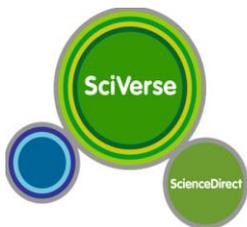
The independent scientific legal journal «Law and Life», published since 1922 and renewed in 1992, is devoted to questions of the theory and practice of the law in our modern life. On pages of the journal the various materials reflecting a condition of our Russian legal system, development of the legislation, its construction and application in practice are published.

When using the published materials the reference to the journal «Law and Life» is obligatory. The materials published in the journal, can be placed in electronic legal bases and help systems.

The sent manuscripts don't come back and aren't reviewed. Edition gets acquainted with letters of readers, without entering into a correspondence. The opinion of edition can no coincide with opinion of the author.

Авторы могут заказать журнал после его выхода из печати.

С 2011 года журнал «Право и жизнь» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU

To whom it may concern

May 10th, 2015

Notice

The journal
Law and Life Charity Fund Center of public law Russian Federation ENGL/RU 1992-ongoing new

is proceed to include in Scopus Database in September, 2015.

Contact us:

North or Central America:

Tel: +1 888 615 4500 (+1 314 447 8068, if calling from outside the USA)

Tel: +1 888 437 4636

authorsupdate@elsevier.com

Secretary

John Berrish

Журнал «Право и жизнь» включен в список авторитетных зарубежных научных изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Кабинете министров Республики Узбекистан, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук.

ПОЛИТИКА ОТБОРА ИСТОЧНИКОВ ДЛЯ ИНДЕКСАЦИИ В SCOPUS

Решение об индексировании нового издания базой данных Scopus принимается по результатам рассмотрения запросов на включение новых изданий *Консультативным комитетом Scopus по отбору содержания (CSAB)*. В этот комитет входят отраслевые специалисты (примерно 20 ученых и 10 библиотекарей), представляющие различные области знания и различные регионы мира. Запрос на включение нового названия издания в базу данных может подать любой учёный с помощью формы на веб-сайте *Scopus Info*. Кроме того, члены *CSAB* могут самостоятельно определять издания, которые необходимо рассмотреть для включения. Решение о включении новых изданий в Scopus (и исключение изданий, которые перестали удовлетворять требованиям) принимаются ежегодно. Конечный срок подачи учёными запросов на включение нового издания в Scopus для индексации в следующем году — 1 сентября каждого года. Издания, принятые до включения в базу данных, появляются в Scopus в начале года, следующего за годом принятия запроса на включение.

Для получения информации об издании, предложенном для индексации в Scopus, эксперты *CSAB* используют данные об издании из запроса на включение, материалы англоязычного сайта издания (если есть) и данные каталога периодических изданий *Ulrich's Periodicals Directory*.

Базовые критерии оценки издания экспертным советом Scopus

Критерии отбора изданий для вхождения в базу данных SCOPUS включают, но не ограничиваются следующим списком:

- издание должно иметь англоязычное название и публиковать англоязычные версии аннотаций всех научных статей (оценивается качество англоязычных аннотаций); полные тексты статей могут публиковаться на любом языке;
- периодическое издание должно публиковать новые выпуски с регулярностью не менее чем один раз в год;
- общее качество издания должно быть высоким;
- оценка качества происходит по следующим критериям:
 - авторитетность, в том числе репутация коммерческого издателя или научного общества; разнообразие мест работы авторов, международный научный авторитет ведущих членов редколлегии и разнообразие мест их работы (среди прочего учитывается цитируемость членов редколлегий и авторов журналов в изданиях, уже индексирующихся Scopus);
 - популярность и доступность, в том числе количество ссылок на издание в базе данных Scopus, количество учреждений, выписывающих издание; базы данных информационных агрегаторов, у которых уже индексируется издание, количество запросов на включение издания в Scopus;
 - политика издания должна предусматривать определённую форму контроля за качеством публикаций (например, научное рецензирование);
 - издание должно иметь собственный веб-сайт с англоязычными версиями страниц (оценивается качество главной страницы издания); наличие на веб-сайте полных текстов статей не является обязательным требованием, но это желательно для обеспечения возможностей беспрепятст-

венного перехода со страниц Scopus к страницам полных текстов статей («Viewat Publisher»).

Экспертным советом CSAB обрабатываются все запросы на включение новых названий изданий в Scopus, но экспертным советом практически всегда отклоняются запросы на включение изданий, не имеющих:

- ISSN (Международный стандартный номер сериального издания);
- стабильной регулярности выхода новых выпусков;
- списков пристатейных библиографий;
- англоязычных аннотаций к каждой статье;
- аппарата рецензирования;
- собственного веб-сайта.

Кроме того, обычно, но не всегда отклоняются запросы на индексацию в базе данных отраслевых изданий, которые не соответствуют критериям выбора по типу документов, и запросы на включение журналов, которые были включены в Scopus в 2004 г. (когда была запущена база данных), но в дальнейшем исключены из неё.

Наукометрический аппарат Scopus

Научные ресурсы, опубликованные после 1996 г., индексируются в базе данных Scopus вместе со списками статей библиографий. Цитируемость в базе данных подсчитывается путем автоматизированного анализа содержания этих списков. Таким образом, в Scopus подсчитывается количество ссылок на все проиндексированные ресурсы, но только в ресурсах, опубликованных с 1996 г.

Профили авторов

Для авторов, которые опубликовали более одной статьи, в Scopus создаются индивидуальные учётные записи — профили авторов с уникальными идентификаторами авторов (Author ID). Эти профили предоставляют такую информацию, как варианты имени автора, перечень мест его работы, коли-

чество публикаций, годы публикационной активности, области исследований, ссылки на основных соавторов, общее число цитирований на публикации автора, общее количество источников, на которые ссылается автор, **индекс Хирша** автора и т.д. База данных предоставляет пользователям возможности использования уникальных идентификаторов авторов для формирования поисковых запросов и настройки оповещений электронной почтой или через **RSS**) по изменениям в профилях авторов.

Возможности поиска авторов и ограниченного просмотра их профилей доступны без абонентской подписки на базу данных Scopus средствами **Scopus Author Preview**.

Профили учреждений

По аналогии с профилями авторов для учреждений, сотрудники которых опубликовали более одной статьи, в Scopus создаются профили с уникальными идентификаторами учреждений (Scopus Affiliation Identifier). Эти профили предоставляют такую информацию, как адрес учреждения, количество авторов - сотрудников учреждения, количество публикаций сотрудников, перечень основных названий изданий, в которых публикуются сотрудники учреждения, диаграмма тематического распределения публикаций сотрудников учреждения.

Профили журналов

База данных Scopus предоставляет широкие возможности получения **наукометрии** и проведения автоматизированного анализа изданий. Инструмент Journal Analyzer позволяет проводить расширенный анализ научного уровня изданий (в том числе сравнительный анализ нескольких изданий) по четырём основным показателям:

- общее число статей, опубликованных в издании в течение года;

- общее количество ссылок на издание в других изданиях в течение года;
- тренд года (отношение количества ссылок на издание к количеству статей, опубликованных в издании);
- процент статей, которые не были процитированы.

Уважаемые авторы!

Напоминаем требования к оформлению статей, представляемых для опубликования.

1. Статьи вместе с отзывами рецензентов направляются по e-mail: **info@ydmitriev.ru**

2. Отзыв рецензента (подпись и печать обязательны) размещается в номере журнала вместе со статьей автора. Статьи, присланные без рецензий, рассмотрению не подлежат.

3. Формат текста:

стиль – Times New Roman;

междустрочный интервал - 1.5;

размер шрифта текста – 14.

Поля страницы:

верхнее - 2 см;

нижнее - 2 см;

левое - 3 см;

правое - 1 см.

4. Перед заголовком статьи указывать инициалы, фамилию, ученую степень, ученое звание, должность, место работы, e-mail.

5. После заголовка статьи даются курсивом аннотация и ключевые слова (междустрочный интервал – 1.0; размер шрифта – 12).

6. Далее идет перевод на английский язык сведений об авторе (пункт 4), заголовка статьи, а также аннотации и ключевых слов.

7. Сноски располагаются внутри текста в квадратных скобках полностью (ФИО автора, название работы, место издания, год, страницы).

8. В конце текста в алфавитном порядке указывается библиографический список (междустрочный интервал – 1.0; размер шрифта – 12).

9. Страницы должны быть пронумерованы.

10. В случае несоблюдения настоящих правил по оформлению статьи (обзора, рецензии) редакция оставляет за собой право не рассматривать ее.

11. За достоверность и точность данных, приведенных в материалах, ответственность несут авторы.

12. Редакция журнала в переписку по вопросам отклонения статьи не вступает.

Ю.В. КНЯЗЕВ,
студент юридического факультета
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова
E-mail: mister.knyazev@yandex.ru

ЗНАЧЕНИЕ ЭТИКИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИСТА

Настоящая статья обосновывает значимость следования этическим нормам в профессиональной деятельности юриста. Помимо знания источников права юрист в силу гуманитарного уклона деятельности должен уметь находить общий язык с коллегами и клиентами, избегать конфликта интересов и руководствоваться иными морально-этическими правилами. Автор приходит к выводу, что в России на фоне относительно невысокого уровня правовой культуры особенно осязательна социальная ответственность юриста перед обществом. В статье проанализировано судебное решение, отражающее практику рассмотрения споров, касающихся профессиональной этики, в судах общей юрисдикции.

Ключевые слова: профессиональная этика юриста, кодекс этики, Международная ассоциация юристов.

YU.V. KNYAZEV,
student of the Law Faculty of Lomonosov
Moscow State University
E-mail: mister.knyazev@yandex.ru

THE VALUE OF ETHICS IN THE PROFESSIONAL ACTIVITY OF THE LAWYER

This article substantiates the importance of following ethical standards in professional activities of the lawyer. In addition to the knowledge of the sources of law, a lawyer by virtue of the humanitarian gradient of activities should be able to reach mutual understanding with colleagues and clients, avoid conflicts of interest and be guided by other moral and ethical rules. The author concludes that in Russia the lawyer's social responsibility before the society is strongly expressed on the background of a relatively low level of a legal culture. In the article the judgment, which reflects the practice of dispute resolution relating to professional ethics in the courts of general jurisdiction, is analyzed.

Keywords: *lawyer's professional ethics, a code of ethics, the International Bar Association.*

«Достоинство частного человека есть личное достояние; достоинство адвоката есть достояние всего сословия».

*Франсуа Этьен Молло (1794 - 1870),
французский адвокат*

С переходом к рыночной модели экономики возникла острая необходимость в квалифицированном юридическом сопровождении общественных отношений. Юрист перестал быть формальной функцией и превратился в активного деятеля, от которого зависят коммерческий успех и правовая защищенность субъектов права. К настоящему времени более-менее сформировались профессиональные стандарты оказания юридических услуг, однако вопросы этики зачастую упускаются из виду.

«Профессиональная этика — это совокупность правил поведения определенной социальной группы, обеспечивающая

нравственный характер взаимоотношений, обусловленных или сопряженных с профессиональной деятельностью, а также отрасль науки, изучающая специфику проявлений морали в различных видах деятельности» [Кобликов А.С. Юридическая этика. 2-е изд., изм. М.: Норма, 2004. С. 23, 24].

Этика неразрывно связана с юриспруденцией, так как юристу постоянно приходится работать с людьми; это в известной степени исключает формализм и требует от него индивидуального подхода к каждой проблеме, причем сказанное применимо не только к корпоративному юристу или юрисконсульту, но в равной степени к судье, прокурору, нотариусу. Задача юриста состоит не только в применении правовых средств, но также в содействии установлению режима законности и поддержанию правопорядка. Наверное, выполнять профессиональные задачи возможно и без оглядки на этические правила, однако ценность и продуктивность такой работы будут невысоки.

Данный эпиграф к статье был выбран не случайно. Необходимо понимать специфику юридической профессии, которая состоит в том, что практикующий юрист неизбежно и прочно связан с профессиональным самоуправляющимся сообществом, предъявляющим требования к своим членам. Эта традиция берёт истоки ещё в период Средневековья, когда юридическое ремесло начало разделяться на специальности: появились судьи, адвокаты-поверенные, обвинители, которые пытались сохранить монополию на совершение юридических действий. Профессиональное сообщество предъявляло к участнику требования, за неисполнение которых следовала санкция вплоть до изгнания, так как по поведению одного человека складывались стереотипы поведения членов всего сообщества. Неповиновение могло пошатнуть монополию юристов, а везде, где есть монополия, должна быть строгая централиза-

ция (как, например, в католической церкви – крупнейшем распорядителе душ Средневековья).

Постепенно этические требования формализовались в кодексах этики. Обратимся к документам, разработанным ИВА (International Bar Association – Международная ассоциация юристов), в которых нашли отражения этические правила. Так, признавая автономию различных юрисдикций, Международный кодекс этики (1988) [International Bar Association International Code of Ethics // <http://ethics.iit.edu/ecodes/node/3460>] настаивает на желательности соблюдения его норм всем юридическим сообществом, т.е. мы наблюдаем интересный феномен формирования универсальных этических принципов, одинаково понимаемых, а значит, признаваемых юристами всего мирового сообщества. Однако неизбежно встает проблема: чем шире масштаб нормы, тем она более неопределённая. Например, ст. 4 предписывает юристам относиться к коллегам с предельной вежливостью и справедливостью. А существуют ли универсальные параметры этой справедливости? Можно ли объективно сказать, был юрист вежлив или нет? Справедливости ради отметим, что по некоторым вопросам Кодекса были приняты отдельные резолюции: так, например, понимание ст. 1 о необходимости юриста подчиняться правилам той юрисдикции, в которой он находится, расширено Заявлением ИВА «Об общих принципах применительно к открытию практики иностранных юристов и регулированию в их отношении» (1998) [Принято Советом ИВА 6 июня 1998 г. в Вене (см.: <http://www.rospravo.ru/files/sites/0a4fcbe0bfff1e908547dcde3432e559d.pdf>); Stephen J. McGarry. *Multidisciplinary Practices and Partnerships: Lawyers, Consultants, and Clients* // Law Journal Press. 2002. P. 3 - 18].

Специфика работы юриста состоит в том, что ему постоянно приходится иметь дело с людьми, у которых разный

темперамент, уровень правовой культуры, политические убеждения и проч. Гуманитарный характер работы обуславливает особую значимость этики. Казалось бы, что может быть проще, чем посмотреть в закон, чтобы дать правовую оценку ситуации? Тогда бы всех юристов давно заменили компьютеры, которые механически по заданным параметрам выносили бы своё максимально объективное решение. Человечество с развитием науки и техники стремится перейти к автоматизации, объективности, а избежать субъективизма в профессии юриста не удаётся – парадокс!

В России, на наш взгляд, особо ощутим социальный уклон юридической деятельности. Большинство юристов получают образование в государственных учреждениях за счёт средств бюджета. В западных же странах большинство студентов оплачивают высшее образование из собственного кармана, что обуславливает выраженную коммерческую ориентированность. Обучая юристов за счёт государства, общество тем самым как бы выдаёт будущим специалистам мандат на представительство в сложных ситуациях, ожидает ответной благодарности, пытаясь компенсировать относительно невысокий уровень правовой культуры граждан. Поэтому быть ответственным юристом в России значит посвящать часть своего времени пробона. Летом 2014 г. автор принимал участие в работе летней школы по изучению основ права США. В рамках программы мы посетили офисы нескольких крупных юридических фирм, представители которых рассказывали о текущей деятельности и организации работы компании. В White&Case, например, практика пробона – это не только обязанность всех юристов, от партнёров до новичков, но и элемент корпоративной культуры. Объект деятельности юриста – человек и его проблемы. Зачастую случается, что совет юриста – последняя надежда для того, кто оказался в

сложной ситуации. Так заведено, что в юридической специальности собственные интересы зачастую отодвигаются на второй план. Для профессионала не должно существовать категории заведомо проигрышных дел, а спекулировать на проблемах клиентов недопустимо. Юрист – священник для своего клиента, уполномоченный посредник между государством и человеком, с помощью права подчас вершащий судьбы людей. Граждане не должны бояться обратиться к юристу, опасаясь быть обманутыми. В противном случае вся правовая система, выстраиваемая ценой неимоверного труда после «лихих 90-х», теряет смысл. Ни о каком гражданском обществе и разумном правовом обороте не может быть и речи, если правовые споры будут решаться по правилам местничества/знакомства/«телефонного права» или будут тонуть в бюрократической волоките.

Иногда случается, что деятельность тех, кто призван осуществлять правовое посредничество, сама становится предметом разбирательства. Так, 15 октября 2013 г. Самарский областной суд вынес Определение № 33-9779/2013 [<http://rospravosudie.com/court-samarskij-oblastnoj-sud-samarskaya-oblast-s/act-490411681/>], отклонив апелляционную жалобу адвоката на решение суда первой инстанции, отказавшего ему во взыскании морального вреда. Суть дела сводится к следующему. Адвокат *L* получил доверенность на представительство от гражданки *N*, однако отказался от представительства, сославшись на состояние здоровья. Гражданка *N* не считала нужным прекращать действие данной доверенности, так как адвокат был близким другом семьи. Через некоторое время возник судебный спор между гражданкой *N* и её родственницей *X*. Оказалось, что представителем интересов *X* является адвокат *L*, который вопреки профессиональной этике юриста перешел на противоположную сторону, не сообщив об этом своему доверителю *N*. Последняя подозревает *L* в не-

добросовестном использовании не отозванной доверенности в интересах противоположной стороны. Здесь адвокат как профессионал допустил конфликт интересов, и доверие к нему будет подорвано.

На наш взгляд, ответственный и этичный юрист – это тот, кто относится к проблемам клиента (не важно – фирмы или отдельного лица), как к своим собственным. Это утверждение – краеугольный камень остальных правил этики. Сохраняй конфиденциальность личной и коммерческой информации так, как если бы она касалась тебя лично. Относись к коллегам так, как ожидаешь, чтобы относились к тебе.

Представляется, что научиться быть ответственным и этичным юристом непросто. Для этого нужно, чтобы у человека было врождённое чувство такта, морали: дикарь не становится интеллигентом, воспользовавшись вилкой. Этика должна пронизывать всю жизнь юриста, его быт и повседневность, а не только служебную деятельность. Встаёт вопрос о соотношении профессиональной и общей морали, однако здесь не скрыта проблема: профессиональная мораль – это высокоразвитая бытовая мораль, когда юрист успешно решает конфликты интересов, возникающие в повседневности. Профессионал должен особо чутко чувствовать неразрывную связь морали и права и квалифицировать поведение людей с позиций их мотивов, а не сухой буквы закона.

Так же хотелось бы уделить внимание вопросу репутации – в конце концов от лояльности клиентов зависит коммерческий успех. Ввиду доступности юридического образования и высокой конкуренции любое неверное действие может навсегда перечеркнуть карьеру: к юристу просто не будут обращаться, если он когда-то разгласил информацию или использовал конфликт интересов для получения наживы. Поэтому юрист должен быть абсолютно аполитичен. Занимаясь

политическим пиаром или хотя бы просто состоя в партии, юрист может снискать себе славу популярного шоумена, но не профессионала. Есть юристы, которые, может быть, неплохо знают право, но в то же время часто являются гостями всевозможных телевизионных шоу, охотно общаются с прессой, едва выйдя из зала судебного заседания, где только что был оглашён приговор по громкому делу, и занимаются только резонансными делами. Конечно, кому интересны, например, проблемы рабочего, которого уволили с предприятия, или пенсионера, у которого мошенники отбирают квартиру. На таких делах славы не сделаешь. То ли дело тяжба Pussy Riot или летчицы Савченко, дело Развозжаева или защита интересов главы крымских татар Джемилёва – это у всех на слуху.

Кроме того, из делового общения юриста следует устранить суждения и оценки, которые могли бы ущемить честь и достоинство сослуживцев. Недопустимо пренебрежительное отношение или проявления превосходства к представителям других служб или младшим коллегам. Понятно, что невозможно полностью отказаться от оценочных суждений, в том числе критического содержания, однако каждое слово юриста должно быть взвешенно. Решая повседневные профессиональные задачи, юрист пытается добиться исполнения моральных предписаний (справедливости, чести) правовыми средствами. Хорошо, когда этика является образом жизни. Конечно, экспертами в этике не становятся просто так, и ключевую роль в формировании моральных стандартов призвано сыграть образование. Юрист, обладающий глубокими знаниями предмета и возможностью органично применить их на практике, несомненно, добьется успеха.

Библиографический список

1. Кобликов А.С. Юридическая этика. 2-е изд., изм. М.: Норма, 2004. С. 23, 24.
2. Международный кодекс этики, разработанный Международной ассоциацией юристов // <http://ethics.iit.edu/ecodes/node/3460>
3. Stephen J. McGarry. Multidisciplinary Practices and Partnerships: Lawyers, Consultants, and Clients // Law Journal Press. 2002. P. 3 - 18.

РЕЦЕНЗИЯ
на статью «Значение этики в профессиональной
деятельности юриста»
студента юридического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова
Юрия Владимировича Князева

Статья посвящена обоснованию значимости соблюдения правил профессиональной этики представителями юридического сообщества. В силу гуманитарного характера деятельности юрист должен обладать выдающимися личностными качествами и строго следовать морали, так как от этого во многом зависят успешность осуществляемой деятельности и в конечном итоге деловая репутация.

Актуальность темы не вызывает сомнения. Отечественная юриспруденция практически не занимается проблемами профессиональной этики юриста, тогда как с переходом к рыночной модели экономики потребность во всестороннем и квалифицированном сопровождении общественных отношений многократно возросла; отсутствуют более-менее серьезные исследования, посвященные данному вопросу. Формально пробелы в изучении данной области можно проиллюстрировать следующим образом: в англоязычном сегменте поисковой системы Google по запросу «legal ethics» больше 45 млн результатов, а в русскоязычном аналоге по запросу «правовая этика» - чуть более 1 млн ответов.

В статье убедительно анализируется зарубежный опыт формализации и применения правил профессиональной этики, а также практика российских судов общей юрисдикции по разрешению возникающих конфликтов. Достоинством статьи является наличие варианта на английском языке, что позволит расширить аудиторию за счёт иностранной научной об-

щественности. Содержание работы логически взаимосвязано и подтверждено ссылками на авторитетные источники.

Рассматривая деятельность юриста в свете правил профессиональной этики, автор формирует образ профессионала, востребованного как в публичных, так и в частных структурах, и подчеркивает роль образования в формировании его моральных стандартов.

Статья Ю.В. Князева соответствует требованиям актуальности и научной новизны и может быть рекомендована к публикации.

**Ассистент кафедры международного права
юридического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова**

Е.В. Машкова

YU.V. KNYAZEV,
student of the Law Faculty of Lomonosov
Moscow State University
E-mail: mister.knyazev@yandex.ru

THE VALUE OF ETHICS IN THE PROFESSIONAL ACTIVITY OF THE LAWYER

*“The virtue of a private person is private property;
the virtue of a lawyer is the property of all estate”.*

*Francois Etienne Molla (1794 - 1870),
French lawyer*

With the transfer to a market model of economy, there is an urgent need for qualified legal support of the social relations. The lawyer ceased to be a formal function and became an active figure, on which the commercial success and the legal protection of rights depend. To date the professional standards of legal services were more or less formed, but the issues of legal ethics are often overlooked.

“Legal ethics is the minimum standards of appropriate conduct within the legal profession. It is the behavioral norms and morals which govern judges and lawyers. It involves duties that the members owe one another, their clients, and the courts” [Koblikov A.S. Legal ethics. 2-e Izd., am. M.: Norma, 2004. P. 23, 24].

Ethics is inextricably linked with the jurisprudence as a lawyer constantly have to work with people; it is to some extent eliminates the formalism and requires a lawyer an individual approach to each problem, and this applies not only to corporate lawyer or counsel, but equally to judge, prosecutor, notary. The task of the lawyer is not only to use the legal means, but also to

promote a regime of legitimacy and the maintenance of the rule of law. Probably professional tasks are possible to be performed without regard to ethical rules, but the value and productivity of such work will be low.

This epigraph to the article was not chosen by chance. It is necessary to understand the specifics of the legal profession, which consists in the fact that a practicing lawyer is strongly associated with professional self-governing community which imposes the certain requirements for participants. This tradition originates in the period of the Middle Ages, when ‘the legal craft’ began to divide into legal specialties: judges, lawyers, attorneys appeared, and they tried to maintain a monopoly on the committing the ‘mysterious’ legal action. For failure to fulfill the requirements of the community the sanctions followed, including expulsion, because a) by the behavior of one person the stereotypes of behavior of all the community develops; b) any deviation can shake the belief in a monopoly on the legal action (and therefore the same strict centralization existed, for example, within the Catholic Church – the greatest souls monopolist of the Medieval).

Gradually the ethical requirements were formalized in codes of ethics. Refer to documents developed by IBA, which reflect the ethical rules. Recognizing the autonomy of the various jurisdictions, the Code of Ethics insists on the desirability of its provisions to all the legal community. That is, we observe an interesting phenomenon of formation of universal ethical principles, which are equally understood and, therefore, recognized by lawyers of entire world community. However, here we are faced with the problem: the wider the scope of the norm, the more uncertain it is. For example, art.4 instructs lawyers to treat colleagues with the utmost courtesy and fairness [International Bar Association International Code of Ethics // <http://ethics.iit.edu/ecodes/node/3460>]. Are there any universal

criteria of this fairness? Is it possible to say objectively, was a lawyer polite or not? In fairness, I note that on some issues of the Code the separate resolutions were adopted: for example, an understanding of the need to obey the rules of the jurisdiction in which the lawyer operating (art.1 of the Code) is concretized by the IBA Statement of general principles for the establishment and regulation of foreign lawyers, 1998 [<http://www.rospravo.ru/files/sites/0a4fcbe0bff1e908547dcde3432e559d.pdf>]; Stephen J. McGarry. Multidisciplinary Practices and Partnerships: Lawyers, Consultants, and Clients // Law Journal Press. 2002. P. 3 - 18].

The specifics of a lawyer is that he constantly has to deal with people who have different temperament, level of legal culture, political beliefs, etc. Humanitarian nature of the work causes particular importance of ethics. What, it would seem, may be easier than to look through the law to give legal assessment of the situation? Then we would replace all lawyers on computers that would mechanically, according to set parameters, adjudicate its most objective decision. Humanity with the development of science and technology tends to move towards automation, objectivity, but it's impossible to avoid subjectivity in the legal profession - a paradox!

In Russia, in my opinion, the social gradient of legal profession is particularly noticeable. Most of the lawyers are educated in public institutions at the expense of the budget. In Western countries, the majority of students pay for a college education out of pocket, which leads to greater focus on commercial activities. Educating lawyers at the expense of the state, thus society gives to future professionals mandate for representation in complex situations. It is waiting for a response gratitude trying to compensate the relatively low level of legal culture of citizens. Therefore to be the responsible lawyer in Russia means to devote part of private time to Pro Bona. In summer, 2014 the author took part in the

summer school on the law and legal system of the United States. As part of the program, we visited the offices of several major law firms, whose representatives spoke about the current activities and the organization of the company. In White & Case, for example, Pro Bona is not only the duty of all lawyers, from partners to beginners, but also an element of a corporate culture. Object of activity of the lawyer is a man and his problems, and often happens that the legal advice - the last hope for someone who is in difficult situation. So instituted that in the legal profession the own interests are often pushed on the second place. For the lawyer the category of wittingly unwinnable cases should not exist, and to speculate on the problems of clients is not acceptable. Lawyer is a priest for his client, an authorized mediator between the individual and the state, sometimes rules the fate of people with the help of the law. Citizens should not be afraid of contact with an attorney for fear of being cheated. Otherwise, the entire legal system, which was built at the cost of incredible efforts after dashing 90s, is meaningless. The idea of civil society and rational civil turnover is out of the question if in fact legal disputes will be settled by the rules of localism/dating/'phone law' or will drown in bureaucratic red tape.

Sometimes the activities of those who are called upon to provide legal mediation become the subject of litigation itself. So, 10/15/2013 Samara Regional Court issued the Determination 33-9779/2013 [Appeal determination of the Samara Regional Court in the case № 33-9779/2013 // <http://rospravosudie.com/court-samarskij-oblastnoj-sud-samarskaya-oblast-s/act-490411681/>], rejecting lawyer's appeal at the decision of the first instance which failed the lawyer in compensation for moral damages. The essence of the case is as follows. The lawyer *L* received a power of attorney for representation from *N*. However, *L* refused the offer, citing poor health. *N* considered it was not necessary to termi-

nate this power of attorney as the lawyer *L* was a close friend of the family. After a while there was a legal dispute between *N* and her relative *X*. It turned out that *L* was representing the interests of *X*. Contrary to professional ethics *L* moved to the opposite side without informing his principal *N*. *N* suspected *L* in the unfair use of power of attorney, which was not withdrawn, in the interests of the other party. Here the lawyer committed a conflict of interest and lack of diligence. Naturally, his credibility was undermined.

In my opinion, a responsible and ethical lawyer is a person who refers to problems of the client (it does not matter - the company or individual) as to his own. This statement is the cornerstone of the other rules of ethics. Keep confidentiality of personal and commercial information as it touches you personally. Treat your colleagues the way you expect them to treat you.

I believe it is difficult to learn how to be responsible and ethical: the savage does not become an intellectual just using a fork. Ethics must permeate the entire life of a lawyer, not just the professional activity. The question of the relationship between professional and general morality rises, however, there is no problem here: professional morality is a highly developed household morale, when the lawyer successfully solves the conflicts that arise in everyday life. Professional should be particularly sensitive to feel the inextricable link between morality and law and to consider the behavior of people in terms of their motives, not naked letter of law.

I would also like to pay attention to the issue of the reputation. Eventually the commercial success or failure of a lawyer depends on the client loyalty. In view of the availability of legal education and the high level of competition, any false action can erase the career forever. Nobody just would visit the lawyer if once he divulged an information or used the conflict of interest for the financial gain.

Therefore, a lawyer must be completely apolitical. Pursuing political PR or even participating in the party, a lawyer can gain a fame of popular showman, but not professional. There are a number of lawyers who may be well aware of law, but consistently attend TV shows, willing to communicate with the press, just coming out of the courtroom, where the verdict on high-profile case had just been announced, and deal only with the resonant cases. Of course, who are interested in, for example, the problem of a worker, who was fired from the factory, or a pensioner, who was deprived of the apartment by scammers. You will not become popular dealing with such cases. Another pair of shoes – the litigation of *Pussy Riot*, or *Savchenko case*, representing of interests of the Crimean Tatars leader *Dzhemilev* or oppositionist *Razvozhzaev* - it is on everyone's lips. Show business.

Moreover, all judgments and estimates that could infringe the honor and virtue of colleagues should be eliminated from business communication. The dismissive attitude or manifestations of superiority to the representatives of other agencies or younger colleagues are also unacceptable. It is clear that it is impossible to abandon the value judgments completely, including the critical content, but every word of the lawyer could cost him his career. Solving everyday legal problems, the lawyer tries to enforce moral precepts (justice, virtue) by legal means. It is good, when an ethics becomes a habit. Of course, not all lawyers are experts in ethics - a huge role in this education is to be played. Lawyer with deep theoretical knowledge and ability to apply them in practice certainly succeeds.

Bibliographic list

1. Koblikov A.S. Legal ethics. 2-e Izd., am. M.: Norma, 2004. P. 23, 24.
2. International Bar Association International Code of Ethics <http://ethics.iit.edu/ecodes/node/3460>
3. Stephen J. McGarry. Multidisciplinary Practices and Partnerships: Lawyers, Consultants, and Clients // Law Journal Press. 2002. P. 3–18.

Ю.А. ДМИТРИЕВ,
доктор юридических наук, профессор

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД ПРОГНУЛСЯ

Статья посвящена критике решения Конституционного Суда РФ.

Ключевые слова: Конституционный Суд, Совет Федерации, Государственная Дума, постановление.

YU.A. DMITRIEV,
Doctor of Law, professor

THE CONSTITUTIONAL COURT CAVED

The article is devoted to criticism of the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Keywords: Constitutional Court, Council of Federation, State Duma, the resolution.

В последний день работы весенней сессии - 3 июля 2015 г. Государственная Дума приняла в окончательном (третьем) чтении Закон о переносе даты выборов в Думу в 2016 г. с декабря на третье воскресенье сентября. Неожиданностей в этой части не произошло. Дата, на мой взгляд, выбрана не случайно: думское большинство хотело избавиться от дальнейших споров с "красными несогласными" в лице КПРФ. Как известно, часть спорящих была нейтрализована принятием Конституционным Судом Постановления по

делу о толковании ст. 96 (ч. 1) и 99 (ч. 1, 2 и 4) Конституции РФ от 1 июля 2015 г. № 18-П [СЗ РФ. 2015. № 28. Ст. 4335]. Остановимся более подробно на анализе деталей этого юридического акта.

Во-первых, предмет обращения. Указанный выше законопроект был принят Думой в первом чтении 19 июня 2015 г. и в период рассмотрения Судом вопроса по существу не мог быть предметом анализа в нём, поскольку даже в момент написания настоящей статьи законом ещё не стал. Поэтому существо запроса в Суд было сведено к толкованию двух статей Конституции, а не к существованию нарушения Основ конституционного строя, о чём автор писал ранее [Дмитриев Ю.А. Выступление на "круглом столе" Движения в защиту прав избирателей "Голос" (17 июня 2015 г.) // Право и жизнь. 2015. № 204(6). С. 15].

Во-вторых, удачно, на мой взгляд, был избран субъект запроса - Совет Федерации, который представлял собой нейтральный орган власти, в тот момент не участвовавший в спорах по существу переноса дня голосования. Правда, объективности ради следует отметить, что тактическая уловка федеральных парламентариев вовсе не исключает в будущем возможное обжалование в тот же Конституционный Суд уже самого Закона о переносе дня голосования кем-то из участником будущих выборов в Думу.

В-третьих, разночтения в электронном комментарии решения Суда и официальном его тексте. В электронном варианте позиция заявителя изложена весьма конкретно: *"допустимо ли однократное незначительное сокращение срока полномочий действующей Государственной Думы в конституционно значимых целях"* (курсив мой. - Ю.Д.) [KSRF Decision200550.pdf (По сост. на 2 июля 2015 г.)]. В официальном тексте Постановления Суда эта формулировка значительно смягчена. Правда, есть основания предполагать, что

электронная версия воспроизводит реальный текст заявления Совета Федерации, а в Постановлении - её восприятие Судом.

Однако обратимся к анализу фактов, установленных самим Конституционным Судом. В п. 1 Постановления, излагая заявление Совета Федерации, Суд, на мой взгляд, безосновательно ссылается на его (Совет Федерации) вывод о том, что "полномочия Государственной Думы могут быть прекращены до истечения срока, на который она была избрана". При этом он аргументирует этот вывод ссылками на ст. 111 и 117 Конституции, которые к рассматриваемой ситуации никакого отношения не имеют. И опять ссылается (уже Суд) на абстрактные "конституционно значимые цели", не поясняя ни здесь, ни в других разделах Постановления, что он под этим подразумевает.

А в п. 2 решения Суд использует ещё более сложную для понимания фразу: "вопрос является принципиальным с точки зрения конституционной допустимости, т.е. самой идеи, того или иного законодательного решения". При этом Суд не пытается выйти за пределы предмета запроса и обратиться непосредственно к толкованию ст. 3 Конституции об источнике власти в стране в лице народа и способах её решения - выборы и референдум. Из смысла этой статьи с очевидностью следует, что для решения вопроса переноса выборов должен быть назначен референдум. А ст. 3 в соответствии с ч. 2 ст. 16 имеет приоритет над остальными статьями Конституции. Правда, Конституционный Суд в том же решении указал, что он связан предметом запроса и принимает решение "только по предмету, указанному в запросе". Однако, по моему мнению, если Суд получил запрос на толкование статьи Конституции, он должен сделать это в полном объёме, чтобы не оставлять неопределённости в понимании этой статьи у иных участников правоотношений. Тем более

что сам Суд в п. 3 решения вопреки сказанному им же выше обращается к толкованию ст. 10 Конституции, о чём Совет Федерации его не просит. А в конце п. 3 Постановления Суд вообще приходит к абсурдному выводу: "Взаимосвязанные положения статьей 96 и 99 Конституции Российской Федерации по их смыслу в нормативном единстве с другими конституционными положениями (!) - не исключают возможность расхождения конституционно установленного (нормативного) и реального (фактического) сроков полномочий Государственной Думы и тем самым - изменения даты проведения её выборов". Такое заявление, с моей точки зрения, означает, что судьи Конституционного Суда забыли аксиому права: "Закон суров, но это - закон".

Далее в п. 4 Постановления Суд делает вывод о том, что изменение даты очередных выборов в Думу "может иметь место лишь в качестве исключительной, экстраординарной меры, не превращаясь в организационно-правовое обыкновение". Если вспомнить, что поводом для переноса даты выборов стало обычное принятие очередного Государственного бюджета, к чему каждый состав Думы обращается десятки раз за время своих полномочий, то что же может стать "экстраординарной мерой"? И как исключить возможность повторения этой "меры" в будущем, не превращая перенос даты выборов депутатов Госдумы в будущем в систему? Если считать сегодняшнюю ситуацию форс мажором, то как в целях защиты Конституции исключить её повторение в дальнейшем?

Такое вольное со стороны Суда обращение с толкованием Основного Закона, по мнению коммуниста-депутата В. Соловьёва, "абсолютно невысказано для юристов" и объясняется тем, что "КС пошёл навстречу партии власти" [Голубкова М. С думой о выборах // Росс. газ. 2015. 2 июля. С. 2].

Да бог с ними, выборами в Думу. Подождём ещё более важного решения Конституционного Суда по вопросу о возможных противоречиях между решениями ЕСПЧ и Основным Законом России, которое Суд "примет на закрытом заседании" [Козлова Н. Чей вердикт важнее? // Там же. С. 4]. Если и здесь Конституционный Суд прогнётся перед политическим заказом, он потеряет всякий авторитет в российском обществе. А жаль!

Библиографический список

1. Голубкова М. С думой о выборах // Росс. газ. 2015. 2 июля. С. 2.
2. Дмитриев Ю.А. Выступление на "круглом столе" Движения в защиту прав избирателей "Голос" (17 июня 2015 г.) // Право и жизнь. 2015. № 204(6). С. 15.
3. Козлова Н. Чей вердикт важнее? // Росс. газ. 2015. 2 июля. С. 4.

РЕЦЕНЗИЯ

на статью Ю.А. Дмитриева «Конституционный Суд прогнулся»

Как известно, в мае 2015 г. Государственная Дума в лице её спикера С.Е. Нарышкина выступила с предложением о проведении досрочных выборов в Государственную Думу VII созыва. Одним из первых юристов, принявших участие в споре политиков по этому неоднозначному вопросу, стал Ю.А. Дмитриев. Первое его публичное выступление с критикой этого решения с позиции конституционно-правовой науки состоялось 28 мая 2015 г. Между тем события развивались стремительно: в третьем чтении Думой принят соответствующий Закон, а спорящие политические силы пришли к соглашению разрешить противостояние путём обращения в Конституционный Суд, критике решения которого и посвящена рецензируемая статья. Несмотря на резкость и неоднозначность позиции её автора, необходимо согласиться с ним, что само Постановление Суда несёт в себе ряд противоречий и спорных суждений.

В любом случае это неожиданное предложение нижней палаты российского парламента требует прежде всего научно-правового обсуждения среди учёных-юристов. В этом отношении рецензируемая статья вносит определённый вклад в эту дискуссию и заслуживает того, чтобы быть опубликованной.

**Кандидат юридических наук,
доцент**

А.С. Бурмистров

Ю.А. ДМИТРИЕВ,
доктор юридических наук, профессор

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЛИ ЮРИДИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ: ЧТО ВЫШЕ?

Политическая воля в отдельных, но необходимых случаях может стать выше любого закона, даже Основного. Остаётся только сожалеть, что эта позиция выражена в решении той судебной инстанции, которая призвана обеспечивать верховенство Конституции всеми законными способами!

Ключевые слова: Конституция РФ, Конституционный Суд РФ, верховенство Конституции, Европейский Суд по правам человека.

YU.A. DMITRIEV,
Doctor of Law, professor

POLITICAL OR LEGAL PRIORITIES: WHAT IS HIGHER?

Political will in a separate, but necessary, can be above any law, even the Main one. We only regret that this position expressed in the decision of the court, which is to ensure the supremacy of the Constitution by legal means!

Keywords: Constitution of the Russian Federation, the Constitutional Court of the Russian Federation, the supremacy of the Constitution, the European Court of human rights.

14 июля 2015 г. Конституционный Суд РФ принял Постановление № 21-П, которое кратко может быть названо так: вопрос о приоритете норм Конституции России над решениями Европейского Суда по правам человека [http:

[//www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx](http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx) (По сост. на 18.07.2015 г.)). Поводом для рассмотрения дела в Конституционном Суде стал запрос группы депутатов Государственной Думы. Основанием - "обнаружившаяся неопределённость в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые в запросе законоположения".

Казуистика запроса, с моей точки зрения, состояла в том, что депутаты напрямую не поставили вопрос о том, имеют ли решения ЕСПЧ на территории России юридическую силу без дополнительного подтверждения решениями отечественных судов, и имеют ли эти решения приоритет над нормами Конституции РФ. Они оспорили положения Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней" [СЗ РФ. 1998. № 14. Ст. 1514]. Депутаты-заявители справедливо, на мой взгляд, полагают, что нормы оспариваемого Закона "фактически обязывают Россию, её органы законодательной, исполнительной и судебной власти к безусловному исполнению постановлений Европейского Суда по правам человека - даже в случае, если оно противоречит Конституции Российской Федерации". Однако Конституционный Суд, по моему мнению, не подтвердил этого очевидного вывода и своим решением придал юридические основания для правомерности иного суждения.

Предлагаю вниманию читателей иной взгляд на проблему, основанный на непосредственном прочтении соответствующих статей Конституции. Так, ч. 1 ст. 15 даёт непосредственное толкование принципу высшей юридической силы Конституции: "*Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации* (курсив мой. - Ю.Д.), не должны противоречить Конституции Российской Федерации". Кстати, на эту особенность конституционного верховенства автор настоящей статьи уже обращал внимание ранее [Конституция

Российской Федерации. Доктринальный комментарий (Постатейный) // Под ред. Ю.А. Дмитриева и Ю.И. Скуратова. М.: "Статут", 2013. С. 54]. Однако Конституционный Суд не обратил (случайно или намеренно) внимания на эту норму. На самом деле в Государственной Думе звучали рассуждения по этому вопросу со ссылками на зарубежный опыт. Американцы, мол, ставят свою Конституцию выше всего на свете. Действительно, законодательство США, включая Конституцию, основано на принципе приоритета национального (американского) законодательства над всем иным. Но этому есть объективное обоснование. Законодательство США, включая Конституцию, было создано ещё до появления международного права, в отличие от российского, которое появилось позже, в том числе после принятия оспариваемой международной Конвенции. Не секрет, что многие нормы российского Основного Закона 1993 г. формулировались уже с учётом положения данного международного акта. В этой связи нельзя не согласиться с очевидным выводом: "Россия ныне выступает за примат международного права над внутригосударственным" [Там же. С. 266].

Продолжая рассуждения о приоритете норм международного права над национальным (к слову, впервые в зарубежной юстиции применённом в Основном законе ФРГ 1949 г., принятом не без участия США), следует указать ч. 4 той же ст. 15 Конституции РФ: "*Общепризнанные* (курсив мой. - Ю.Д.) принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью её правовой системы". Следовательно, международная Конвенция о защите прав человека и основных свобод, на нормах которой основаны все без исключения решения ЕСПЧ, является частью правовой системы России. Ис-

ключают её из этой системы только некоторые политически ангажированные депутаты Госдумы.

Объективности ради следует отметить, что Конституционный Суд не согласился с этой частью депутатского корпуса, подтвердив в постановлении по анализируемому решению следующее: "Обеспечивается применение Конвенции о защите прав человека и основных свобод как многостороннего международного договора Российской Федерации в качестве составной части её правовой системы".

В завершение конституционной аргументации по рассматриваемому вопросу следует обратиться к ч. 3 ст. 46 Основного Закона: "Каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты". Признание приоритета юрисдикции решений ЕСПЧ, сделанное обжалуемым депутатами Государственной Думы Законом, на мой взгляд, прямо вытекает из смысла данной нормы Конституции, а на условие "исчерпанности всех конституционно установленных внутригосударственных средств судебной защиты" специально обращает внимание Конституционный Суд в постановляющей части рассматриваемого решения.

Однако, признавая в целом нормы обжалуемого депутатами Закона "не противоречащими Конституции Российской Федерации", Конституционный Суд всё же наделяет государственные органы правомочием "обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации для решения вопроса о возможности исполнения постановления Европейского Суда по правам человека" и всё-таки оставляет возможность для неисполнения отдельных постановлений ЕСПЧ. Это же противоречие заложено и в интервью судьи-докладчика Конституционного Суда РФ по данному делу С. Маврина. Он утвер-

ждает, что наша страна в случае коллизии между Конституцией РФ и решением ЕСПЧ "будет вынуждена отказаться от буквального следования постановлению Страсбургского суда" [Козлова Н. Свой закон – главное // Росс. газ. 2015. 15 июля. С. 3].

Сама того не желая, интервьюер судьи-докладчика выразила основной смысл рассматриваемого решения КС РФ в названии статьи. А вывод напрашивается очевидный: политическая воля в отдельных, но необходимых случаях может стать выше любого закона, даже Основного. Остаётся только сожалеть, что эта позиция выражена в решении той судебной инстанции, которая призвана обеспечивать верховенство Конституции всеми законными способами!

Библиографический список

1. Козлова Н. Свой закон – главное // Росс. газ. 2015. 15 июля. С. 3.
2. Конституция Российской Федерации. Доктринальный комментарий (Постатейный) / Под ред. Ю.А. Дмитриева и Ю.И. Скуратова. М.: «Статут», 2013. С. 54, 266.

Л.К. ИОФФЕ,
кандидат технических наук, инженер,
изобретатель СССР
E-mail: leonid.ioffe2014@yandex.ru

МЕТОДИКА ФОРМИРОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ НА ОСНОВЕ ЛОГИКО-АЛГЕБРАИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА (ТЕРРИТОРИИ) И ПРАВА

В статье предлагается методика формирования юридических понятий на основе логико-алгебраической теории государства (территории) и права. Отличие предлагаемой теории от существующей выражается в том, что абстрактные понятия алгебры логики наполняются юридическим содержанием (логико-юридические понятия), над которыми производятся логические сложения и умножения. Зависимость искомого юридического понятия от исходных отображается не перечнем исходных понятий, а их логическим сложением или умножением. Кроме того, понятие государства ограничивается только одним признаком государства - территорией государства. Использование предлагаемой методики показано на примере формирования и классификации личных законов физических лиц в праве и на территории РФ. Установлено требование к формированию юридических понятий и категорий. Показано, как с помощью алгебры логики можно выполнить эти требования. Использование алгебры логики при формировании юридических понятий облегчит пользователям понимание и выполнение личных законов выбранных государств, а юристам облегчит формирование юридических понятий и категорий.

Ключевые слова: методика, формирование юридических понятий, логико-алгебраическая теория государства (территории) и права.

L.K. IOFFE,
candidate of technical sciences, engineer,
inventor of the USSR
E-mail: leonid.ioffe2014@yandex.ru

THE METHOD OF FORMATION OF LEGAL CONCEPTS ON THE BASIS OF LOGICAL-ALGEBRAIC THEORY OF THE STATE (TERRITORY) AND THE RIGHT

In the article the method of formation of legal concepts on the basis of logical-algebraic theory of the state (territory) and law. Unlike the proposed theory from the existing reflected in the fact that abstract concepts of algebra of logic filled with legal content (logical-legal concepts), which are made of logical addition and multiplication. The dependence of the required legal concepts from the source is not a list of initial concepts, and their locally by addition or multiplication. Moreover, the notion of the state is limited to only one symptom of the state territory of the state. The use of the proposed method are illustrated by the example of the formation and classification of the personal laws of individuals in law and Ter the territory of the Russian Federation. Established requirement for the formation of legal concepts and categories. Shows how to use Boolean algebra to meet these requirements. The use of the algebra of logic in the formation of legal concepts will facilitate the user's understanding and implementation of personal laws of selected States, as lawyers would facilitate the formation of legal concepts and categories.

Keywords: *methodology, formation of legal concepts, logical and algebraic theory of the state (territory) and law.*

* Статья дана в авторской редакции.

1. Место алгебры логики в юриспруденции.

Расширение области применения алгебры логики в юридической деятельности (Л1) позволило найти алгебре логики место (нишу) в юриспруденции. Таким местом является теория государства и права. Использование алгебры логики в этой теории привело к возникновению двух отличий:

— в существующей теории государства и права все искомые юр. понятия определяются перечнем исходных юр. понятий. А в теории на базе алгебры логики все искомые юр. понятия определяются логическими умножениями **И** или логическими сложениями **И Л И** исходных юр. понятий.

Например, в (Л2) место постоянного нахождения юридического лица МПН ЮЛ определяется как перечень мест (государств) регистрации (У), нахождения органа управления (О), осуществления деятельности (Э): „ 1. Для целей настоящего Регламента для компании или другого юридического лица или ассоциации физических или юридических лиц постоянное место нахождения определяется как: а) место регистрации; б) место нахождения органа управления; с) место осуществления деятельности “.

А в теории на базе алгебры логики МПН ЮЛ определяется как результат лог. умножения **И**, то есть как конъюнкция У, О, Э: $МПН ЮЛ = (У) \text{ И } (О) \text{ И } (Э)$.

МПН ЮЛ будет достоверным, когда достоверными будут одновременно У, О, Э. Среди искомых юридических понятий есть понятия, допускающие разновременную достоверность исходных юридических понятий. Поэтому, требование одновременности или разновременности достоверных исходных юридических понятий для получения достоверного искомого юридического понятия является существенным, чего нет в существующей теории государства и права.

Использование алгебры логики позволяет устранить этот недостаток;

— понятие государство ограничено его основным признаком — территории.

Использование алгебры логики в теории государства и права означает, что используются логико-юридические (абстрактные понятия алгебры логики, наполненные юридическим содержанием) понятия для формирования общих для всех юридических наук понятий и категорий. Получаемые логико-алгебраическ. формулы искомым логико-юридических понятий затем преводятся в привычную текстовую форму юридических понятий и категорий.

Отсюда и понятно место логико-алгебраическая теория государства (территория) и права в юриспруденции, как часть теории государства и права, которая использует алгебру логики и ограничивает понятие государства понятием его основного признака — территории.

2. Доступность, достоверность, упрощение в понимании и использовании ПОЛЬЗОВАТЕЛЯМИ юридических понятий, сформированных логико-алгебраической теорией государства (территории) и права.

Для достижения поставленной в этом разделе цели, введем и используем логико-юридическую триаду (лог. юр. триаду) (Л 1, Разд. 8), как структурное триединство (ЛЗ):

Лог. юр. триада : Пользователь (П), Право (Пр), Территория (Т).

Пользователи ПРАВА на определенных ТЕРРИТОРИЯХ это ФЛ с разными статусами или ЮЛ, как статус организации. Пользователь — дизъюнкция ФЛ с разными статусами или ЮЛ:

(Пользователь) = [(ФЛ с разными статусами) И Л И (ЮЛ)]

Государство — единство Права и Территорий, их конъюнкция, структурное двуединение (Нет Право без Территории, нет Территории без Права):

(Государство) = (Право) **И** (Территория)

(лог. юр. триада) П, Пр, Т — конъюнкция Пользователя и Государства.

(лог. юр. триада) Пользователь, Право, Территория =

[(ФЛ с разными статусами) **И** Л **И** (ЮЛ)] **И** [(Право) **И** (Территория)]

Такая триада лучше усвоится, если использовать аналогию с инженерной психологией, основной задачей которой является приспособление техники

(заменяем на юридические понятия ПРАВА и ТЕРРИТОРИИ) к возможностям человека (Пользователя). Только не ПРАВО приспособляется к Пользователю, а наоборот Пользователь должен выполнять ПРАВО (Законы), свои обязанности и использовать свои права на территориях своего постоянного места нахождения (ПМН) или на территории РФ при различных видах нахождения ФЛ (ВН ФЛ РФ).

Естественно, что право в своем развитии должно учитывать потребности Пользователей.

ПМН ЮЛ уже рассматривалось как конъюнкция У, О, Э в разделе 1 настоящей статьи.: ПМН ЮЛ = (У) **И** (О) **И** (Э).

ВН ФЛ РФ —рассматривался в (Л 4) как перечень (Вр. Пр.), (Вр.МЖ),(П М Ж), а в (Л1,гл. 4, разд 4) как дизъюнкция: временного пребывания (Вр.Пр), временного проживания (Вр.МЖ), постоянного проживания (П М Ж):

ВН ФЛ в РФ = (Вр.Пр) **И** Л **И** (Вр.МЖ) **И** Л **И** (П М Ж)

Определение вида нахождения физического лица, имеющего статусы „Иностраный гражданин“ или „Лицо без гражданства“ в РФ (ВН ФЛ в РФ) в (Л 4) классифицируются по признакам временного (Вр.) или постоянного (П) пребывания (Пр.) или проживания (МЖ): (Вр.Пр), (Вр.МЖ), (П М Ж).

Для того, чтобы выполнять Пользователям законы ПМН ЮЛ и законы РФ для ФЛ, имеющих разные виды нахождения на территории РФ, эти законы (право) должны быть для ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ доступными, простыми, достоверными и понятными. Отсюда вытекает требования к формированию юридических понятий:

Юридические понятия должны быть доступными, достоверными, простыми для понимания и использования Пользователями.

Применение алгебры логики в теории Государства (территории) и Права и предназначено для этих целей.

3. Формирование понятий и категории общих для всех юридических наук в логико-алгебраической теории государства (территории) и права.

Рассмотрим определение теории Государства и Права, данное в (Л 5), (слова жирным шрифтом выделены автором): „**Теория государства и права**— это фундаментальная юридическая наука, которая изучает сущность, наиболее общие закономерности и тенденции происхождения, развития и функционирования государства и права в их постоянном взаимодействии, а также **формирует общие для всех юридических наук понятия и категории.** Без её усвоения проблематично разобраться в более конкретизированных, эмпиричных знаниях о государстве и праве, используемых основными юридическими науками. Научное исследование в теории государства и права ведётся не по отдельно взятой стране и не за какую-то одну историческую эпоху, а с ориентацией на наиболее развитые в настоящий момент формы права и государственности.“

Формирование общих для всех юридических наук понятий и категории на основе алгебры логики производится с помощью логико-алгебраической теории государства (территории)

и права. Такая теория отличается от теории государства и права тем, что абстрактные понятия алгебры логики наполняются юридическим содержанием и понятие государства ограничивается понятием основного признака государства — территорией. Абстрактные понятия алгебры логики, наполненные юр. содержанием называются логико-юридические понятия.

Логико-юридические понятия, сформированные на основе логико-алгебраической теории государства (территории) и права:

А.) имеют два состояния:

— достоверное (1) при документальном подтверждении;

— не достоверное (0) при отсутствии документального подтверждения;

Б.) делятся: — на исходные, заданные лог. юр. понятия,

— на искомые, определяемые лог. юр. понятия;

В.) подвергаются действиям алгебры логики:

— логическому умножению **И** (конъюнкции), когда требуется одновременная достоверность логико-юридических понятия (логических сомножителей) для получения достоверного результата конъюнкции,

— логическому сложению **И Л И** (дизъюнкции), когда допускается

разновременная достоверность логико-юридических понятия (логических

слагаемых) для получения достоверного результата дизъюнкции,

— логическому отрицанию **НЕ**, когда требуется логическое отрицание

исходных логико-юридических понятия при определении искомых

логико-юридических понятий,

— в пределах соответствующих логико-юридических форматов ПРАВА.

Если для получения искомого логико-юридического понятия требуется переходить от логико-юридических понятий одного формата к логико-юридическим понятиям другого формата, тогда производится конвертация понятий одного формата в понятия другого формата в полном соответствии с законодательством ПМН Пользователя;

Г.) оцениваются на предмет достоверности;

Д.) вначале выводятся как логико-алгебраические формулы логико-юридических понятий и категорий, которые затем отображаются в текстовой форме для всех юридических наук;

Е.) ранжируются по частоте их использования при определении искомого логико-юридических понятий;

Ж.) классифицируются по определенным признакам не только сами логико-юридических понятий, но и действия производимые над ними;

З.) имеют специально разработанные методики для доступности, достоверности, упрощения в понимании и использования юридических понятий.

Для лучшего уяснения формирования юридических понятий и категорий на основе алгебры логики с помощью логико-алгебраической теории государства (территории) и права рассмотрим пример в главе 4.

4. Формирование и классификация личных законов ФЛ в РФ на основе логико-алгебраической теории государства (территории) и права (Л1, гл.4)

А. Формирование личных законов ФЛ в РФ

4.1. Рассмотрим перечни логико-юридических понятий, необходимых для формирования личных законов физических лиц (ЛЗ ФЛ) в российском праве:

- перечень статусов физических (ФЛ) лиц: Иностраный гражданин (Ин.Гр);

Лицо без гражданства [Л-(не) Гр]; Беженец;

- перечень видов и продолжительности нахождения ФЛ в РФ:

Вр. пребывание (Вр.Пр); Вр.проживание (Вр.МЖ); Пост. проживание (ПМЖ). - перечень ЛЗ ФЛ: личный закон иностранного гражданина (ЛЗ Ин.Гр);

личный закон лица без гражданства ЛЗ [Л-(не) Гр];

личный закон беженца ЛЗ Беженца.

Достоверность личных законов ФЛ (ЛЗ ФЛ) устанавливается ст.1195 ГК РФ

„ 1. Личным законом физического лица считается право страны, гражданство которого это лицо имеет.

2. Если лицо наряду с гражданством другого государства имеет российское гражданство, его личным законом является российское право.

3. Если иностранный гражданин имеет место жительства в РФ, его личным законом является российское право.

4. При наличии у лица нескольких иностранных гражданств личным законом считается право страны, в котором это лицо имеет место жительства.

5. Личным законом лица без гражданства считается право страны в которой это лицо имеет место жительства.

6. Личным законом беженца считается право страны, предоставившей ему убежище.“

Рассмотрим п. 3 ст. 1195 ГК РФ в логико-юр. понятиях в виде формулы

ЛЗ Ин.Гр = Право РФ (п.3 ст. 1195 ГК РФ) И [(Ин.Гр) И (МЖ РФ)] [1]

Считывание формулы [1]: Для ФЛ, имеющего статус Ин.Гр и МЖ в РФ, ЛЗ в соответствии с п. 3, ст. 1195 ГК РФ является Право РФ.

Отметим, что МЖ в РФ является необходимым условием, чтобы ФЛ имело достоверный ЛЗ и этим ЛЗ было Право РФ.

ЛЗ Ин.Гр будет достоверным тогда, когда будут одновременно достоверны Право РФ в части пункта 3 ст. 1195 ГК РФ, то есть эта статья узаконена и не отменена, а так же Статус ФЛ Ин.ГР и его МЖ в РФ, временное или постоянное, пребывание или проживание в РФ, должны быть документально подтверждены. Проведенные обоснования справедливы и для ЛЗ других статусов ФЛ:

ЛЗ [Л-(не) Гр] = Право РФ (п.5 ст.1195 ГК РФ) **И** [(Л-(не) Гр) **И** (МЖ РФ)] [2]

ЛЗ Беженца = Право РФ (п.6 ст. 1195 ГК РФ) **И** [(Беженец) **И** (МЖ РФ)] [3]

Помимо статусов ФЛ и видов их нахождения на территории РФ используются и классифицируются еще и производимые действия над приведенными логико-юридическими понятиями:

— конъюнкция **И**, логическое умножение, когда требуется одновременная достоверность логических сомножителей для получения достоверного результата логического умножения;

— дизъюнкция **И Л И**, логическое суммирование, когда допускается разновременная достоверность логических слагаемых для получения достоверного результата суммирования.

— логическое отрицание (**не**). Лицо без гражданства Л-(**не**) Гр

— конвертирование Статусов ФЛ в ЛЗ ФЛ.

4.2 Конвертирование Статусов ФЛ, находящихся на территории РФ, в ЛЗ ФЛ на основе передаточной функции права РФ по ст. 1195 Гражданского Кодекса РФ.

Область Права — область многоформатная. Ранее рассматривались только перечни статусов физических лиц в форматах статусов ФЛ, в форматах видов и продолжительности нахождения ФЛ в РФ. Теперь рассматривается перечень ЛЗ ФЛ в формате ЛЗ ФЛ.

Возникает на практике необходимость рассмотрения конвертации, т. е. перевода логико-юридических понятий одного формата в логико-юридические понятия другого формата. Для примера, требуется перейти для классификации ЛЗ ФЛ из формата Статусов ФЛ в формат ЛЗ ФЛ, то есть по заданным Статусам ФЛ, находящихся на территории РФ, которые являются исходными данными, «ВХОДОМ» российского права, требуется определить ЛЗ ФЛ, которые являются „ВЫХОДОМ“ российского права. Конвертация производится в соответствии со ст. 1195 ГК РФ. Рассмотрим п.3 ст.1195 ГК РФ: „п.3. Если иностраный гражданин имеет место жительства в РФ, его личным законом является российское право.“

Из этого п. 3 ст.1195 ГК РФ составим перечень, множество выделенных жирным шрифтом и подчеркнутых автором юр. понятий, состоящий из:

Ин. Гр — статус ФЛ Иностранный гражданин;

МЖ Ин.Гр РФ — место жительства Ин.Гр в Российской Федерации;

ЛЗ Ин.Гр — личный закон иностранного гражданина;

ПРАВО РФ — российское право.

Отметим, что информация, содержащаяся в текстовой форме в п. 3 ст.1195 ГК РФ, может быть отражена в виде передаточной функции права, как отношение ВЫХОДА (ЛЗ Ин.Гр) ко ВХОДУ [(Ин. Гр) И (МЖ Ин.Гр в РФ)].

Если „изъять“ из п. 3 ст.1195 ГК РФ ВЫХОД и ВХОД, тогда в нем останется только право РФ, что позволяет запи-

сать формулу передаточной функции российского права для ЛЗ Ин.Гр:

ВЫХОД [ЛЗ Ин.Гр.] : ВХОД [(Ин. Гр) И (МЖ Ин.Гр в РФ)] =
Право РФ [4]

ЛЗ Ин. Гр=[Право РФ п.3,ст.1195 ГК РФ] И [(Ин. Гр) И (МЖ
Ин.Гр в РФ)] [5]

Приведенные рассуждения являются правовым основанием для конвертации Статусов ФЛ, имеющих МЖ в РФ, в ЛЗ ФЛ.

Для лучшего понимания целесообразности перехода к рассмотрению области права как „черный ящик“, имеющий „ВХОД“ и „ВЫХОД“, отметим, чтобы найти нужное решение в области права, иногда целесообразно выйти за пределы этой области и перейти в область алгебры логики и конвертировать логико-юр. понятия одного формата в логико-юр. понятия другого формата:

— переход из области права в область алгебры логики и формирование логико-юридических понятий позволило упростить понимание и использование юридических терминов, а так же классифицировать их и оценивать достоверность;

— конвертирование логико-юридических понятий одного формата права в логико-юридические понятия другого формата права наглядно можно отобразить, используя понятие Право РФ как „черный ящик“, у которого „ВХОД—Статусы ФЛ“ и „ВЫХОД – ЛЗ ФЛ“.

Отообразим графически все сказанное о конвертации на рис. 1

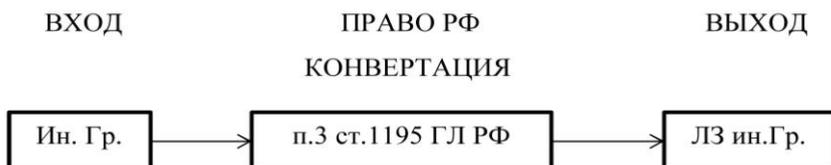

Рис.1 Конвертация Статуса ФЛ Ин. Гр в личный закон Ин.Гр.

ВЫХОД: ЛЗ Ин.Гр. В п. 3 ст.1195 ГК РФ необходимым условием достоверности ЛЗ Ин.Гр является место жительства в РФ .

ВХОД: Статус ФЛ Ин. Гр. Федеральным законом от 25.07.2002 №115 определен статус ФЛ Ин. Гр: — “Иностран- ный гражданин – физическое лицо, не являющийся гражда- нином Российской Федерации и имеющее доказательства на- личия гражданства (подданства) иностранного государства.”

Отообразим приведенную формулировку (Ин. Гр) в виде формулы (Л1):

$$\text{Ин.Гр} = (\text{ФЛ}) \text{ И } [(не) \text{ Гр.РФ}] \text{ И } (\text{Гр.ин.Гос})$$

[6]

В приведенной формулировки Статуса ФЛ Ин. Гр и в формуле [6] место жительства ФЛ в РФ отсутствует, что ха- рактеризует этот статус как не достоверный для его конвер- тации в ЛЗ Ин.Гр.

Достоверному **ВЫХОДУ ПРАВА** в РФ (ЛЗ Ин. Гр), где для достоверности ЛЗ Ин Гр требуется, чтобы ФЛ имело ме- сто жительства в РФ, должен соответствовать достоверный **ВХОД** права РФ.

(Ин.Гр, также должен иметь МЖ в РФ). Поэтому, введем в формулу [6] местожительство в РФ:

$$\text{Ин.Гр} = (\text{МЖ РФ}) \text{ И } (\text{ФЛ}) \text{ И } [(не) \text{ Гр.РФ}] \text{ И } (\text{Гр.ин.Гос})$$

[7]

4.3 Ранжирование по частоте использования ВН ФЛ в РФ и статусов ФЛ, для определения достоверности последних при нахождении их в РФ.

Будем определять значимость иск. лог. юр. понятий по частоте их использования при определении иск. лог. юр. понятий. Для этого будем рассматривать логико-юридическое понятие (МЖ ФЛ РФ) как вид и продолжительность нахождения ФЛ на территории РФ (ВН ФЛ в РФ) (Л1, гл 3).

Подобные рассуждения справедливы и для Статусов ФЛ [(Л-(не) Гр)] и [Беженец] Теперь можно написать логико-алгебраические уравнения статусов ФЛ, временно прибывающих, временно проживающих, постоянно проживающих на территории РФ (Л 3):

Ин.Гр в РФ = (ВН ФЛ в РФ) И [(не) Гр.РФ] И (Гр.ин.Гос)

Л-(не) Гр в РФ = (ВН ФЛ в РФ) И [(не) Гр.РФ] И [(не) Гр.ин.Гос] [8]

Беженец в РФ = (ВН ФЛ в РФ) И (Беженец)

Из анализа систем уравнений [8] следует, что ранжирование по частоте использования для определения достоверных Статусов ФЛ устанавливает, что (ВН ФЛ в РФ) используется три раза; (не) Гр.РФ) используется два раза;

(Гр.ин.Гос), [(не) Гр.ин.Гос], (Беженец) используются по одному разу при определении статусов ФЛ, находящихся на территории РФ.

Отообразим все вышесказанное в виде блок схемы на рис. 2.

Б. Классификация личных законов физических лиц в РФ.

4.5. Классификация ЛЗ ФЛ РФ требует классификацию:

форматов права на территории РФ, которые в свою очередь классифицируются:

— по форматам статусов ФЛ в праве РФ;

— по форматам видов нахождения ФЛ на территории РФ;

4.4 Блок схема конвертации Статусов ФЛ в личные законы ФЛ.

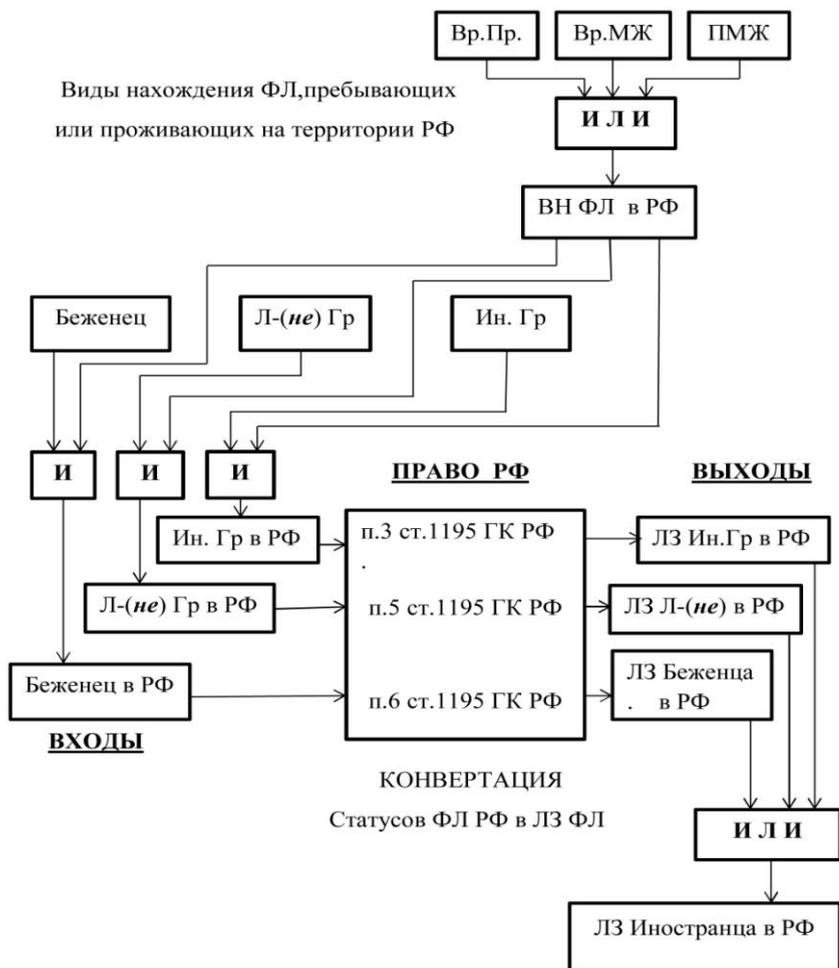

Рис. 2. Конвертация статусов ФЛ, имеющих местожител-ства в РФ, в ЛЗ ФЛ.

- по форматам видов конвертации статусов ФЛ в ЛЗ ФЛ в соответствии с правом РФ на её территории;
- по форматам ЛЗ ФЛ в праве и на территории РФ.

Для облегчения понимания обобщим представленные на рис. 4 статусы ФЛ в праве РФ, виды пребывания ФЛ на территории РФ, ЛЗ ФЛ в праве и на территории РФ, передаточные функции перевода статусов ФЛ в ЛЗ ФЛ и отобразим на рис. 3.

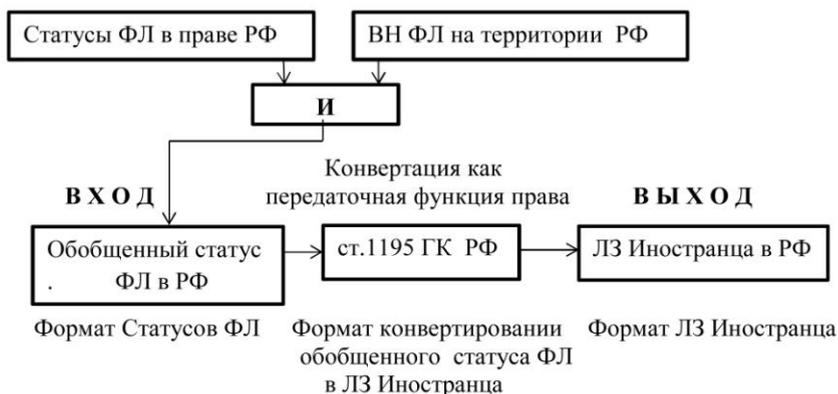

Рис. 3 Конвертация обобщенного статуса ФЛ в праве и на территории РФ в ЛЗ Иностранца.

4.6 Классификация статусов ФЛ в одноименном формате права РФ (Л1,гл 3):

по наличию или отсутствию гражданства у ФЛ в РФ или в ин. государствах

и по их различным сочетаниям, а так же при наличии политического

убежища определен перечень статусов ФЛ: Ин. Гр; Л – (не) Гр; Беженец.

Ин.Гр = (ФЛ) **И** [(не) Гр.РФ] **И** (Гр.ин.Гос)

Л- (не) Гр = (ФЛ) **И** [(не) Гр. РФ] **И** [(не) Гр.ин.Гос]

Беженец = (ФЛ) **И** (Полит. Убежище)

Обобщенный статус ФЛ — Иностранец — определяется формулой:

Иностранец = (Ин.Гр) **И Л И** (Л-(не) Гр) **И Л И** (Беженец)

4.7 Классификация ВН ФЛ в одноименном формате на территории РФ [ВН ФЛ РФ].

Искомое, определяемое логико-юридическое понятие — ВН ФЛ на тер.РФ.

Временное пребывание — Вр.Пр; Временное проживание — Вр. МЖ;

Постоянное проживание — ПМЖ.

Такая классификация заимствована из (Л 4). В (Л1, гл. 3) введена конъюнкция этих понятий и выведена формула вида обобщенного нахождения ФЛ на территории РФ: ВН ФЛ в РФ = (Вр.Пр) **И Л И** (Вр.МЖ) **И Л И** (П М Ж) [9]

4.8 Классификация по видам конвертации статусов ФЛ в ЛЗ ФЛ в одноименном формате в соответствии с правом РФ на её территории.

На рис.5 представлена обобщенная конвертация как передаточная функция права на территории РФ (ст.1195 ГК РФ), имеющая ВХОД (Обобщенный статус ФЛ в РФ) и ВЫХОД (Обобщенный ЛЗ ФЛ = ЛЗ Иностранца в РФ)

На рис. 4 обобщенная конвертация конкретизируется тремя пунктами ст. 1195 ГК РФ для статусов ФЛ: Ин. Гр, Л-(не) Гр, Беженец. Такая же конкретизация произведена для ВХОДА И ВЫХОДА. Отсюда следует, что признаком классификации конвертации (передаточной функции) является статус ФЛ. Таким образом, классификации по видам конвертации (передаточной функции) по признаку статуса ФЛ может быть представлена:

— конвертация (передаточная функция) иностранного гражданина;

- конвертация (передаточная функция) лица без гражданства;
- конвертация (передаточная функция) беженца.

4.9 Классификация ЛЗ ФЛ в одноименном формате права на территории РФ.

ЛЗ ФЛ являются ВЫХОДОМ, результатом конвертации Статусов ФЛ.

Поэтому признаком классификации ЛЗ ФЛ является статус ФЛ. Классификация ЛЗ ФЛ по признаку статуса ФЛ может быть представлена:

ЛЗ Ин.Гр; ЛЗ Л-(не) Гр; Беженец;

В. Классификация действий, производимых над статусами и

личными законами физических лиц в праве и на территории РФ.

При классификации действий над статусами физических лиц и их личных

законов используются:

- логические отрицания;
- конъюнкции (логические умножения **И**);
- дизъюнкции (логического сложения **И Л И**),
- конвертации (передаточные функции права) по статье 1195 ГК РФ;
- частоты использования исходных логико-юридических понятий при их ранжирование для определения Статусов ФЛ.

Логико-юридическое понятие ЛЗ Иностранца на территории РФ является обобщением ЛЗ ФЛ и результатом их дизъюнкции:

ЛЗ Иностранца в РФ =

(ЛЗ Ин.Гр в РФ) **И Л И** [ЛЗ Л-(не) Гр в РФ] **И Л И** (ЛЗ Беженца в РФ).

5. Методика формирования личного закона иностранца в праве и на территории РФ на основе логико-алгебраической теории государства (территории) и права.

Методика формирования личного закона иностранца в праве и на территории РФ, содержащая:

— статусы физических лиц:

Беженец, Лицо без гражданства, Иностраннный гражданин;

— виды нахождения физических лиц на территории РФ:

временное пребывание, временное проживание, постоянное проживание;

— Право РФ в части пункта 3, пункта 5, пункта 6 статьи 1195 Гражданского

Кодекса РФ, позволяющих конвертировать статусы физических лиц,

имеющих разные виды нахождения на территории РФ, в личные законы физических лиц,

отличающаяся тем, что с целью упрощения понимания и использования личных законов физических лиц, а так же оценки их достоверности

в неё введены:

— первая дизъюнкция **И Л И**, своими входами соединенная с выходами блоков временного пребывания, временного проживания, постоянного проживания, а выходом соединенная с входом блока видов нахождения физических лиц на территории РФ;

— первая конъюнкция **И**, своим первым входом соединенная с выходом статуса Беженец, вторым входом соединенная с первым выходом блока видов нахождения физического лица на территории РФ, а выходом соединенная со статусом физического лица Беженец на территории РФ;

- вторая конъюнкция **И**, первым входом соединенная с выходом статуса лицо без гражданства, вторым входом соединенная с с вторым выходом блока видов нахождения физических лиц на территории РФ, а выходом соединенная с входом статуса лицо без гражданства на территории РФ;
- третья конъюнкция **И**, своим первым входом соединенная с выходом статуса иностранный гражданин, вторым входом соединенная с третьим выходом блока видов нахождения физических лиц на территории РФ, а своим выходом соединенная со статусом иностранный гражданин на территории РФ;
- вторая дизъюнкция **И Л И**, своим первым входом соединенная с выходом блока личный закон беженца, вторым входом соединенная с выходом блока личный закон лица без гражданства, третьим входом соединенная с выходом блока личный закон иностранного гражданина, а выходом соединенная с входом блока личный закон иностранца.

6. Выводы.

1. В логико-юридической триаде: Пользователь (П), Право (Пр), Территория (Т)

существуют правовые взаимоотношения между ними. Право и Территория неотделимы друг от друга (нет Права без территории, нет Территории без Права)

В статье рассматривается Государство как конъюнкция Территории и Права. А правовые отношения Пользователя (ФЛ с разными статусами или ЮЛ, как статус организации) и Государства характеризуются выполнением Пользователем законов выбранных им Государств и учетом Государством потребностей Пользователя. Для того, чтобы Пользователь выполнял законы Государства, он должен их знать и иметь возможность их выполнять. Для этой цели существующие нормы закона должны быть для Пользователя доступны, дос-

товерны, просты для понимания и использования. Алгебра логики и предназначена для решения такой задачи.

2. Теория Государства и Права формирует общие для всех юридических наук понятия и категории, которые определяются пречнем исходных юр. понятий.

А в теории на базе алгебры логики все искомые юр. понятия определяются логическими умножениями **И** (конъюнкциями) или логическими сложениями **И Л И** (дизъюнкциями) исходных юр. понятий. Применение дизъюнкций и конъюнкций при формировании юр. понятий и категорий позволяет оценивать их достоверность, упрощает их понимание и использование, исключает инакотолкование, не требует дополнительных толкований в широком смысле, создает прозрачность, доступность, уточняет место и значимость каждого юридического термина и его правовых взаимосвязей, Все вышесказанное является обоснованием для требования к теории Государства и Права, которая вырабатывает понятия и категории для всех юридических наук: Все понятия и категории для всех юридических наук должны быть доступны, достоверны, просты для понимания и использования Пользователями.

3. Для выполнения представленного в выводе 2 требования к понятиям и категориям для всех юридических наук предлагается формировать эти понятия и категории на основе алгебры логики. Для этого требуется наполнять юридическим содержанием абстрактные понятия алгебры логики, над которыми производить логические умножения и сложения, исходя из физического смысла искомых юридических понятий. В начале выводить логико-алгебраические формулы искомых логико-юридических понятий, а затем отображать их в привычной текстовой форме для использования в нормативно-правовых документах.

4. Показано применение алгебры логики по разработанной методики на примере формирования и классификации ЛЗ Иностранца в праве и на территории РФ.

5. Сформулирована не только постановка задачи по применению алгебры логики в юриспруденции, но и показано решение этой задачи (Л1) при формировании и классификации статусов ФЛ и ЛЗ ФЛ в российском праве, при формировании ЛЗ ЮЛ в праве ЕС, при формировании юридического лица, как статуса организации, в праве РФ и его постоянного места нахождения и личного закона в праве ЕС, при формировании сделки слияния корпорации.

6. Применение алгебры логики в юриспруденции позволит:

— облегчить пользователям понимание и использование законодательства государств, которые они выбирают для своего постоянного места нахождения

или для пребывания или проживания разной продолжительности;

— облегчить юристам формирование и корректировку юридических понятий и категорий, а так же их использование. Кроме того повысится существенно эффективность юридической деятельности за счет сокращения временных и финансовых затрат.

Библиографический список

1. Иоффе Э., Иоффе Л., Иоффе А. Применение алгебры логики в юридической деятельности. М.: Изд-во «LAMBERT Academic Publishing», 2015.

2. Регламент № 44/2001 Совета Европейского Союза «О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам» [рус., англ.] (Принят в г. Брюсселе 22.12.2000) (с изм. и доп. от 06.04.2009).

3. Википедия. Триада // <https://ru.wikipedia.org/wiki/Триада>

4. Деменкова Н.Г., Игнатова М.С., Стариков И.Ю. Административное право в схемах и таблицах: Учеб. пособие. М.: Изд-во «Проспект», 2012. С. 19.

5. Теория государства и права // Википедия // <https://ru.wikipedia.org/wiki>

Д.С. ДЕРХО,
судья Челябинского областного суда,
соискатель ученой степени кандидата юридических наук
E-mail: derxo@list.ru

**К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ И СОЦИАЛЬНОМ
ЗНАЧЕНИИ КОНСТИТУЦИОННОГО
ПРАВOTВOPЧЕСТВА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

В статье рассматривается вопрос о сущности и социальном значении конституционного правотворчества в Российской Федерации. Автор указывает на необходимость широкой общественной дискуссии на данную тему и серьезной научной работы в целях установления единых оптимальных подходов к определению сущности конституционного правотворчества для последующего его совершенствования и развития на благо общества и государства.

Ключевые слова: Конституция РФ, конституционное право, конституционное правотворчество, конституционные нормы, субъекты правотворчества.

D.S. DERKHO,
the judge of the Chelyabinsk regional court,
the competitor of a scientific degree of candidate of legal sciences
E-mail: derxo@list.ru

**TO THE QUESTION ABOUT THE NATURE
AND SOCIAL MEANING
OF CONSTITUTIONAL LAWMAKING
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

The article considers the question about the nature and social meaning of constitutional lawmaking in the Russian Feder-

ation. The author points to the need for broad public debate on this topic is serious and scientific work in order to establish a single optimal approaches to determining the nature of constitutional lawmaking for its further improvement and development for the benefit of society and the state.

Keywords: *Constitution of the Russian Federation, Constitutional Law, constitutional lawmaking, constitutional norms, the subjects of law-making.*

Конституционное правотворчество в Российской Федерации, понимаемое как процесс принятия, изменения и отмены конституционных норм, является одной из наиболее значимых категорий отечественного конституционного права.

В результате этого процесса Конституция РФ была разработана, принята и наделена юридической силой. Его дальнейшая динамика связана с поддержанием актуальности конституционных положений, приведением их в соответствие с меняющимися с течением времени политическими, экономическими и социальными условиями.

Очевидно, что принятие конституционных норм (как и изменение их содержания) должно происходить на системной, объективной и научно проработанной основе, так как в иных условиях сохранение Конституцией РФ в долгосрочной перспективе признаков стабильности, устойчивости, актуальности и юридической корректности окажется невозможным. Внесистемное, хаотичное правотворчество по принципу «*ad hoc*» (в пер. с лат. «для данного случая», «для конкретной цели») способно не только внести разлад в сферу конституционных правоотношений, но и полностью разбалансировать основанную на Конституции РФ систему права. В этой связи особое значение приобретает максимально полное теоретическое исследование процесса конституционного правотворчества в Российской Федерации, начиная с анализа основопола-

гающих начал, выражающих его сущность и социальное назначение.

Вопрос о сущности, т.е. о конкретном содержательном наполнении процесса конституционного правотворчества, казалось бы, не представляет особой сложности для его осмысления, поскольку сводится к определению состава субъектов правотворчества, описанию характера их деятельности по принятию, изменению и отмене конституционных норм.

Однако более тщательное изучение этого вопроса, первая же попытка анализа и систематизации мнений различных ученых-конституционалистов показывает, что подходы к определению сущности конституционного правотворчества в науке конституционного права отнюдь не одинаковы, причем различия являются весьма существенными.

Основные споры возникают вокруг вопроса о том, каким содержанием наделить процесс конституционного правотворчества, как именно его описать и какую деятельность с ним отождествить.

Так, Е.С. Аничкин отмечает, что Конституция подобно живому организму имеет собственное существование и обладает потенциальной способностью к изменению. Такого рода изменение может быть текстуальным и нетекстуальным. К текстуальной форме изменения Конституции РФ Е.С. Аничкин относит «пересмотр» (ст. 135), поправки в гл. 3-8 и изменения в ст. 65 (ст. 137). Нетекстуальное изменение Конституции РФ, по его мнению, осуществляется в виде «преобразования», т.е. изменения смысла отдельных положений Конституции без формального вторжения в конституционный текст через развивающее ее предписания федеральное законодательство и решения Конституционного Суда РФ [Аничкин Е.С. «Преобразование» Конституции Российской Федерации

и развитие конституционного законодательства в конце XX - начале XXI вв.: Дис. ... д-ра юрид. наук. Барнаул, 2010. С. 168, 169].

Таким образом, Е.С. Аничкин в качестве самостоятельного способа изменения Основного Закона, а значит, и формы конституционного правотворчества рассматривает нетекстуальное преобразование Конституции РФ, указывая на него как на «своеобразную альтернативу ее текстуальной модификации» [Там же. С. 174].

Именуя такой процесс «адаптацией» [Бланкенагель А. Пробелы в Конституции Российской Федерации и возможности ее совершенствования // Пробелы в Конституции Российской Федерации и возможности ее совершенствования / Под ред. К.Г. Гагнидзе. М., 1998. С. 5 - 19], «ростом» [Танчев Е. Рождение и развитие конституционного контроля // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 1. С. 93, 95] Конституции, «ползучей» конституционной реформой [Добрынин Н.М. Российский конституционализм и проблема конституционной реформы // Свободная мысль. 2007. № 7. С. 21 - 33], способом преодоления текстуально-правовых конфликтов [Белкин А. Текстуально-правовые конфликты в Конституции Российской Федерации 1993 года и проблемы их преодоления // Пробелы в Конституции Российской Федерации и возможности ее совершенствования / Под ред. К.Г. Гагнидзе. С. 25 - 31], новацией или «молчаливым превращением» Конституции [Эбзеев Б.С. Толкование Конституции Конституционным Судом РФ: теоретические и практические проблемы // Государство и право. 1998. № 5. С. 5 - 12], модернизацией Конституции без изменения ее текста [Медушевский А.Н. Конституционная модернизация // Конституция как фактор социальных изменений: Сб. докладов. М., 1999. С. 75], формированием «живой» [Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации //

Журнал рос. права. 2004. № 12. С. 3 - 9] или «фактической» [Кабышев В.Т. Российский конституционализм на рубеже тысячелетий // Правоведение. 2001. № 4 (237). С. 65] Конституции, многие авторы соглашаются с существованием этого правового феномена, допуская возможность развития конституционных положений при сохранении текстуальной неприкосновенности Основного Закона страны.

При этом сторонники идеи нетекстуального развития Конституции РФ по-разному видят смысл и содержание этого процесса, неодинаково представляют себе формы «преобразования» конституционных положений и роль данного механизма в общей системе конституционного правотворчества.

Предлагаемые ими подходы в ряде случаев являются полярными. Так, В.И. Крусс рассматривает органы национальной конституционной юстиции в качестве единственных безоговорочно легитимных субъектов внутригосударственного правотворчества, а принимаемые ими акты – единственными, вкупе с национальными конституциями, источниками и формами аутентичного современного права [Крусс В.И. Конституционный нормоконтроль как аутентичное правотворчество // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 6. С. 4]. Традиционное же правотворчество он считает условным (предварительным), поскольку необходимое количество конституционности не получило в нем надлежащего подтверждения через акты конституционной юстиции [Там же. С. 6]. По смыслу приведенных утверждений акты Конституционного Суда видятся В.И. Круссом в качестве первично легитимной формы правотворчества, в том числе конституционного.

Т.Т. Алиев и Е.В. Бердникова придерживаются более умеренных взглядов. Они не признают за органами конституционной юстиции монополии на конституционное право-

творчество, но указывают на то, что Конституционный Суд РФ по отношению к Конституции играет роль органа, фактически наделенного правом нетекстуального преобразования конституционных норм, что дает ему возможность формировать конституционную реальность [Алиев Т.Т., Бердникова Е.В. Конституция Российской Федерации: пределы стабильности и перспективы модернизации // Современное право. 2013. № 12. С. 13]. В развитие такой точки зрения А. Белкин отмечает, что функция толкования Конституции используется Конституционным Судом в гораздо больших пределах, чем это определено самим техническим назначением толкования юридических норм и оказывается наиболее интенсивно применяемым способом преодоления текстуально-правовых конфликтов, оставляя в забвении иные такие способы [Белкин А. Указ. соч. С. 31, 32].

А. Бланкенагель, напротив, отводит законодателю роль основного субъекта нетекстуального развития конституционных норм, которые, по его мнению, довольно часто являются «несовершенными законами», т.е. законами, которые нуждаются в дальнейшей детализации актами меньшей юридической силы [Бланкенагель А. Указ. соч. С. 9].

Вместе с тем большинство авторов (например, В.Т. Кабышев, А.Н. Медушевский) [Кабышев В.Т. Указ. соч. С. 61 - 70; Медушевский А.Н. Указ. соч. С. 75], признающих возможность нетекстуального развития Конституции, придерживаются общей позиции, заключающейся в том, что конституционная модернизация может выступать в разнообразных формах, в том числе в форме принятия поправок, а также постепенных эволюционных изменений Конституции, осуществляемых путем толкования Конституции Конституционным Судом, абстрактного и конкретного нормоконтроля, модернизации Конституции без изменения ее текста. В этом контексте М.А. Митюков утверждает, что современную Консти-

туцию РФ в широком смысле слова фактически составляют не только текст Конституции РФ 1993 г., но и развитие ее положений в федеральных конституционных законах и постановлениях Конституционного Суда об официальном и казуальном толковании Основного Закона [Митюков М.А. Поправки к Конституции: некоторые политико-юридические аспекты // Конституция как фактор социальных изменений: Сб. докладов. С. 81].

Между тем охарактеризованные выше подходы к определению сущности конституционного правотворчества представляются спорными и не поддерживаются многими учеными.

Так, С.А. Авакьян видит правомерный путь изменения положений Конституции РФ в реализации предусмотренных ей самой процедур принятия поправок и пересмотра [Авакьян С.А. Современные проблемы конституционного и муниципального строительства в России // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 3. С. 5 - 12]. При этом в своих трудах, посвященных Конституции РФ 1993 г., названный автор особое внимание уделяет тому, что нарушение процесса принятия конституционных норм дает юридические основания говорить об их нелегитимности [Авакьян С.А. Практика конституционных реформ: некоторые проблемы // Вестник МГУ. Сер. 11 «Право». 2011. № 1. С. 27].

В.В. Киреев определяет категорию конституционного правотворчества как регламентируемую Конституцией и другими нормативными правовыми актами процедурную усложненную целенаправленную деятельность по разработке и принятию поправок к Конституции либо ее пересмотру [Киреев В.В. Теоретические проблемы реформирования Конституции Российской Федерации: Дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2010. С. 193], и не рассматривает в таком качестве

внеконституционную деятельность законодателя и практику Конституционного Суда РФ. Указанный автор отмечает, что при разработке действующей Конституции, выделяя отдельную гл. 9 для регламентации процесса конституционных поправок и пересмотра Конституции, законодатель попытался охватить все варианты изменения Конституции [Там же. С. 218].

Подобной позиции придерживается, например, и М.И. Байтин, который считает неприемлемыми попытки обосновать возможность (при формальном сохранении существующего текста Конституции и в обход предусмотренного в ней порядка) вносить в Конституцию поправки путем ее толкования Конституционным Судом [Байтин М.И. О юридической природе решений Конституционного Суда РФ // Государство и право. 2006. № 1. С. 6].

Таким образом, основное различие в подходах исследователей к определению сущности процесса конституционного правотворчества в Российской Федерации заключается в ответе на вопрос о том, являются ли неотъемлемой (полноправной) содержательной частью этого процесса «нетекстуальные» способы изменения Конституции РФ, состоящие в развитии ее положений через федеральное законодательство и постановления Конституционного Суда РФ, либо он ограничен рамками легально установленных форм «текстуального» изменения Основного Закона в виде принятия поправок к Конституции и ее пересмотра.

Дискуссия такого рода не нова, не исчерпывается пределами конституционного правотворчества и уходит своими корнями вглубь истории юриспруденции, к истокам правовой мысли. Еще Ульпиан утверждал, что, поскольку законом введено то или иное правило, имеется удобный случай, чтобы было восполнено путем толкования или во всяком случае пу-

тем судебной практики то, что имеет ввиду те же потребности [Дигесты Юстиниана. Избр. фрагменты в пер. и с замеч. И.С. Перетерского / Под ред. Е.А. Скрипилева. М.: Наука, 1984. С. 32]. Павел же указывал, что тот, кто, сохраняя слова закона, обходит его смысл, поступает в обход закона [Там же. С. 33], т.е. действует незаконно.

Для того чтобы определиться с тем, какой из предлагаемых авторами подходов к определению сущности конституционного правотворчества является более предпочтительным, необходимо оценить предлагаемые формы «нетекстуального» развития Конституции РФ с нескольких позиций, а именно: с точки зрения соответствия их действующему законодательству; через призму реально сложившейся законодательной и правоприменительной практики; исходя из необходимости научного поиска путей дальнейшего развития конституционализма в современной России.

Анализ действующего законодательства позволяет однозначно установить, что единственной правомерной, легальной формой конституционного правотворчества в России является текстуальное изменение Основного Закона путем принятия поправок к Конституции РФ либо ее пересмотра. На это прямо указывают положения гл. 9 Конституции РФ, которые не содержат в себе указаний на какие-либо иные, в том числе «нетекстуальные», формы преобразования конституционных положений.

Основной Закон, безусловно, устанавливает начала всех базовых отраслей права, что предполагает издание на основе и во исполнение Конституции конкретизирующих и углубляющих ее законов и подзаконных нормативных актов [Байтин М.И. Указ. соч. С. 8].

Однако в соответствии с ч. 1 ст. 15 Конституции РФ этот нормативный правовой акт имеет высшую юридическую

силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции РФ.

Таким образом, законодательная деятельность, осуществляемая Федеральным Собранием путем принятия федеральных законов, в силу прямого указания Конституции РФ не должна приводить к появлению нормативных предписаний, противоречащих положениям Основного Закона, а значит, и направленных на «нетекстуальное» изменение их содержания (преобразование).

В свою очередь, согласно ч. 4, 5 ст. 125 Конституции РФ в компетенцию Конституционного Суда РФ входит проверка конституционности закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле, а также толкование Конституции РФ по запросам Президента РФ, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства РФ, органов законодательной власти субъектов Федерации.

Следовательно, полномочия Конституционного Суда РФ, исходя из существующих нормативных предписаний, сводятся к проверке соответствия законов положениям Конституции РФ и толкованию этих положений, но так же, как и в случае с деятельностью законодателя по изданию федеральных законов, не включают в себя права на изменение (преобразование) норм Основного Закона.

Что касается реально сложившейся в России законодательной и правоприменительной практики, то ее анализ дает определенные основания утверждать, что «нетекстуальное» развитие конституционных положений в ряде случаев действительно имеет место.

С.А. Авакьян по этому поводу с сожалением замечает: «Налицо то, что отдельные авторы называют “преобразованием” Конституции, когда по вопросу, который в принципе

должен быть предметом конституционного уровня регулирования, принимается федеральный закон», а то и Указ Президента РФ [Авакьян С.А. Конституция Российской Федерации: итоги развития // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 23. С. 8; Его же. Конституция Российской Федерации: нормы и действительность // Неприкосновенный запас. 2008. № 5. С. 73].

Очевидные примеры этому: фактическая модификация административно-территориального устройства Российской Федерации путем создания федеральных округов в качестве укрупненных субъектов внутригосударственного структурирования; неоднократное изменение принципов формирования Федерального Собрания в части порядка как избрания депутатов Государственной Думы, так и комплектования Совета Федерации; неоднократное изменение порядка приведения к должности и отрешения от должности глав регионов.

В деятельности Конституционного Суда РФ по факту также имеются случаи «сотворения» и «преобразования» конституционных предписаний. Примером такого «квазизаконотворчества» может служить Постановление от 28 ноября 1995 г. № 15-п [СЗ РФ. 1995. № 49. Ст. 4868], где Конституционный Суд РФ истолковал норму ч. 2 ст. 137 Конституции РФ, фактически наполнив ее новым содержанием и позволив вносить изменения в ст. 65 Конституции РФ (в части изменения наименования субъектов Федерации) на основании указов Президента РФ.

Вместе с тем наличие ряда примеров фактического «нетекстуального» преобразования Конституции РФ отнюдь не означает, что этот способ конституционного правотворчества общепринят, имеет право на существование и является структурной составляющей процесса создания, изменения или отмены конституционных норм. Скорее здесь речь идет

об исключениях, которые должны лишь засвидетельствовать верность основного правила – сущность конституционного правотворчества в Российской Федерации заключается в деятельности компетентных субъектов по принятию поправок к Конституции РФ либо ее пересмотру в порядке, который определен гл. 9 Конституции РФ.

В противном случае, как справедливо указывает С.А. Авакьян, «нетекстуальное» преобразование Конституции приведет к фактическому размыванию конституционной основы нашей жизни, поскольку Конституцию принимал народ, а приноровление ее правил к обновляющимся условиям жизни будет производить узкий круг законодателей и конституционных судей. А кто сказал, что у них есть на это абсолютное, ничем не ограниченное право? [Авакьян С.А. Нужна ли конституционная реформа в России? // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 9. С. 3].

Этот риторический вопрос открывает глаза на очевидное обстоятельство – любое «нетекстуальное» вторжение в существо конституционных норм (например, Е.С. Аничкин рассматривает в качестве преобразования конституционной нормы только крупное, существенное изменение первоначального смысла нормы вплоть до полной дискредитации ее буквальной сущности) [Аничкин Е.С. Указ. соч. С. 174] представляет собой фактическое присвоение высших нормотворческих полномочий, что не может быть признано допустимым, поскольку противоречит основам конституционного строя и реализованному в Конституции РФ принципу разделения властей. Ведь еще Ш. Монтескьё писал, что не будет свободы в том случае, если судебная власть не отделена от законодательной и исполнительной. Если она соединена с законодательной властью, то жизнь и свобода гражданина окажутся во власти произвола, ибо судья будет законодателем

[Монтескьё Ш.Л. Избр. произв. / Под ред. М.П. Баскина. М.: Госполитиздат, 1955. С. 290].

Безусловно, реальная практика сегодня такова, что Конституционный Суд РФ довольно часто выполняет функции законодателя, устанавливая новые или корректируя существующие общеобязательные правила поведения. Формулируемые им правовые позиции отвечают основным признакам законодательного акта и фактически имеют нормативный характер. В.Д. Зорькин знает, о чем говорит, когда указывает на то, что Конституционный Суд выступает субъектом правотворчества [Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. М.: Норма, 2008. С. 127]. Этот факт неоспорим и практически не ставится под сомнение юридическим сообществом, хотя в ряде случаев отдельные авторы (например, М.И. Байтин) [Байтин М.И. Указ. соч. С. 8] отстаивают позицию о том, что акты Конституционного Суда в соответствии с его статусом и функциональным назначением в системе разделения властей по своей юридической природе представляют собой не нормативно-правовые установления, а особую разновидность актов толкования права.

На самом деле многие акты Конституционного Суда РФ суть полноценные нормативные предписания. Весь вопрос состоит лишь в уровне этого правотворчества, в том, является ли Конституционный Суд РФ субъектом «преобразования», в том числе и конституционных положений, или формируемые им правила поведения, встраиваясь в иерархию источников права, уступают по своей юридической силе конституционным нормам и не сливаются с ними в единое целое.

Так, В.Д. Зорькин, являясь последовательным проponentом судебного активизма, считает, что юридическая сила итоговых решений Конституционного Суда превышает юридическую силу любого закона, а соответственно, практически

равна юридической силе самой Конституции, поэтому любое толкование высшего закона страны, которое дается Конституционным Судом в его правовых позициях, имеет конституционную силу [Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации. С. 6]. Иными словами, Председатель Конституционного Суда РФ уверен, что возглавляемый им орган судебной власти вправе творить «живую» Конституцию. Похожую точку зрения выражает и Б.С. Эбзеев, отмечая, что Конституция может меняться под влиянием объективных обстоятельств путем «молчаливого превращения», т.е. без изменения конституционного текста [Эбзеев Б.С. Толкование Конституции Конституционным Судом РФ: теоретические и практические проблемы. С. 5 - 12].

Однако такой подход к роли Конституционного Суда РФ отнюдь не бесспорен и может быть предметом дискуссии. Один из основных аргументов, которые приводятся в подтверждение тезиса о «надзаконной» силе решений Конституционного Суда РФ, состоит в том, что при проверке конституционности закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле, орган конституционной юстиции вправе лишить его юридической силы, признав неконституционным. Это действительно так, подобные полномочия имеются в арсенале Конституционного Суда РФ. Вместе с тем ни действующее законодательство, ни существующая правоприменительная практика не придают «надзаконной» конституционной силы тем законам, которые направлены на изменение или отмену ранее принятых нормативных актов. Напротив, и первоначальный закон, и тот, который направлен на его отмену, обладают равной юридической силой. Так почему же в отношении постановлений Конституционного Суда РФ должен быть сделан иной вывод? Принятие Конституционным Судом РФ постановления о признании закона не соот-

ветствующим Конституции РФ не приводит к созданию новой конституционной нормы, последствия такого решения проявляются на более низком уровне правового регулирования, поскольку изменяется законодательная, а не конституционная правовая реальность. Фактически здесь имеет место «негативное правотворчество» Конституционного Суда РФ [Голубицкая С.Г. Решения Конституционного Суда Российской Федерации в правовой системе России (Теоретические и практические вопросы): Дис. ...канд. юрид. наук. М., 2002; Захаров В.В. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права: Дис. ...канд. юрид. наук. Пенза, 2004], которое в любом случае не создает «положительных» конституционных норм [Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: Комментарий / Под ред. К.Н. Кондратова. М.: Юрид. лит., 1996. С. 12].

Толкование Конституции РФ по запросам Президента РФ, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства РФ, органов законодательной власти субъектов Федерации также не должно служить «закулисной» формой «нетекстуального» преобразования, изменения Конституции РФ.

То обстоятельство, что Конституционный Суд посредством издания актов нормативного толкования придает своему видению Конституции общеобязательное значение, вовсе не означает, что он является «соучредителем», «соавтором» Конституции [Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. С. 569]. На заре развития правовой культуры уже считалось очевидным, что более милостивым (справедливым) является такое толкование законов, при котором сохраняется их воля [Дигесты Юстиниана. Избр. фрагменты в пер. и с замеч. И.С. Перетерского / Под ред. Е.А. Скрипилева Е.А. С. 33].

В полной мере этот постулат применим и к деятельности Конституционного Суда РФ по толкованию Основного Закона, что поддерживается и многими его судьями. Г.А. Гаджиев, в частности, отмечает, что если конституция хорошо «сработана», то она является кладовой «неявных» знаний. Многовариантность, многослойность конституционных норм и принципов создают широкие возможности для судебной интерпретации. При этом деятельность Конституционного Суда РФ направлена на выявление смысла конституционных положений, а не на создание новых норм [Гаджиев Г. К вопросу о пробелах в Конституции // Пробелы в Конституции Российской Федерации и возможности ее совершенствования / Под ред. К.Г. Гагидзе. С. 22]. К.В. Арановский и С.Д. Князев также полагают, что Конституционный Суд РФ, оставаясь в рамках конституционных предписаний и не подвергая сомнению их изначальный смысл, вправе посредством конституционного судебного контроля добиваться того, чтобы требования Конституции были ясными и понятными в любой правоприменительной ситуации. При этом, по их мнению, следует избегать ревизии содержания Конституции, когда под видом ее истолкования, по сути, отрицалось бы истинное значение конституционных норм [Арановский К.В., Князев С.Д. Роль Конституции в политико-правовом обустройстве России: исходные обстоятельства и современные ожидания // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 3. С. 57, 58].

Весьма удачно эту мысль выразила Л.В. Бойцова, указав, что парадокс конституционной интерпретации состоит в том, что удачная Конституция должна оставаться прежней, но всегда меняться. Она содержит в концентрированной форме огромные супериндивидуальные неявные знания, подлежащие выявлению Конституционным Судом с учетом изменений социальной среды [Бойцова Л.В. Конституционная юсти-

ция. Теория интерпретации и демократический процесс // Вестник КС РФ. 1997. № 2. С. 3].

Указанная позиция представляется наиболее взвешенной, поскольку, с одной стороны, в полной мере соответствует положениям самой Конституции РФ в части предусмотренного ей порядка пересмотра конституционных положений, а с другой - позволяет реализовать в деятельности Конституционного Суда РФ весь потенциал Основного Закона страны, раскрыть истинный смысл его предписаний на конкретном историческом этапе развития общества и государства.

Для рассмотрения вопроса о сущности конституционного правотворчества с точки зрения поиска наиболее рациональных путей дальнейшего развития конституционализма в Российской Федерации представляется необходимым выявить, уяснить и проанализировать те доводы, которые сторонники «нетекстуального» преобразования Конституции РФ приводят в обоснование своих убеждений.

Так, А. Бланкенагель настаивает на существовании целого ряда доводов в пользу активной «квазизаконотворческой» деятельности Конституционного Суда [Бланкенагель А. Указ. соч. С. 12], указывая в таком качестве на устаревание Конституции, результатом которого становится ее «омертвление»; стабильность и преемственность Конституции, ущерб которым способно нанести частое внесение в нее поправок; сложность процедуры изменения Конституции. Е. Танчев дополнительно указывает на то, что «нетекстуальный» путь изменения Конституции позволяет снизить издержки, связанные с формальной процедурой внесения изменений в ее текст, требующей в ряде случаев созыва Конституционного Собрания [Танчев Е. Указ. соч. С. 95].

Факт постепенного устаревания конституционных положений в процессе непрерывного развития общественных

отношений, которое приводит к необходимости изменения Основного Закона, очевиден и признается российскими конституционалистами [Авакьян С.А. Нужна ли конституционная реформа в России? / С. 2 - 9; Его же. Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 8. С. 3 - 12; Киреев В.В. Указ. соч.; Его же. К вопросу о понятии и методологии и исследования конституционной реформы // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 4. С. 6 - 11; Лебедев В.А., Киреев В.В. Об инструментальной роли науки конституционного права в период социальных преобразований // Там же. 2007. № 22. С. 7 - 11; Троицкая А.А. Пределы пересмотра Конституции: формальный и содержательный аспекты // Вестник МГУ. Сер. 11 «Право». 2010. № 1. С. 58 - 67; Боброва Н.А. 20 лет и 20 недостатков Конституции России // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 3. С. 33 - 37] в качестве аксиомы. Между тем сама по себе необходимость приведения конституционных положений в соответствие с меняющимися общественными отношениями не означает, что этот процесс должен осуществляться именно путем «нетекстуального» развития Конституции РФ.

Необратимое, базовое, структурное изменение политических, экономических и социальных реалий, безусловно, должно находить свое отражение в нормах Основного Закона страны, но при этом, как замечает В.Б. Исаков, обязано оставаться строго в рамках конституционного процесса, в рамках действующих государственных институтов, без всяких «политических новаций» и «ноу-хау» [Исаков В.Б. Конституция как фактор социальных изменений // Конституция как фактор социальных изменений: Сб. докладов. С. 40]. Только такой («текстуальный») механизм изменения конституционных положений может служить гарантией того, что Основной Закон останется единым, целостным, сбалансированным докумен-

том, нормативным актом прямого действия, доступным для объективного, справедливого толкования и применения.

Принятие поправок к Конституции РФ, если такие поправки являются следствием научно обоснованного эволюционного процесса конституционного развития и ответом на реально состоявшееся изменение базовых общественных отношений, не способно причинить ущерб стабильности и преемственности Основного Закона, особенно при условии разработки и введения в действие адекватного механизма конституционного мониторинга. Напротив, в гораздо большей степени риск наступления подобных негативных последствий связан с признанием возможности «нетекстуального» преобразования Конституции РФ в результате деятельности федерального законодателя (не связанной с реализацией предусмотренной гл. 9 Конституции РФ процедур) или Конституционного Суда РФ. Именно в этом случае разрастание «живого конституционного права» в конституционной практике неизбежно приведет к образованию зазора между этой практикой и конституционными принципами, который со временем грозит превратиться в пропасть [Пастухов В. Чем болеют конституции? Российский конституционализм: поэзия принципов и проза правоприменения // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 1. С. 80].

Сложность процедуры изменения Конституции РФ также не является убедительным аргументом в пользу легитимации и активации механизмов «ползучей конституционной реформы».

Во-первых, внесение поправок имеет хотя и сложный, но вполне реальный механизм [Российский конституционализм: итоги первого десятилетия действия Конституции РФ (Обзор «круглого стола») // Юридическое образование и наука. 2004. № 12. С. 28]. Нельзя сказать, что Конституция РФ

защищена от изменений настолько, что легальное вмешательство в ее содержание оказывается чем-то трудновыполнимым и недоступным. Конституционная практика последних лет показывает, что это совсем не так.

Установленный ч. 1 ст. 135 Конституции РФ запрет на пересмотр Федеральным Собранием положений гл. 1, 2 и 9 ограничивает возможности оперативного (без использования дополнительно усложненной процедуры) вмешательства в нормы, регулирующие основы конституционного строя, а также гарантирующие основные права и свободы человека. Вместе с тем эти базовые положения имеют настолько высокий уровень обобщения, так неразрывно взаимосвязаны с общепризнанными международным сообществом ценностями-константами, что вопрос об их пересмотре не является актуальным и фактически не стоит на повестке дня.

Что касается поправок к остальным положениям Конституции РФ, то они не требуют созыва Конституционного Собрания и могут быть реализованы при наличии общественного консенсуса, обеспечивающего возможность их принятия большинством не менее трех четвертей голосов от общего числа членов Совета Федерации и не менее двух третей голосов от общего числа депутатов Государственной Думы.

Такая процедура вполне доступна и, более того, уже неоднократно апробирована в ходе принятия Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ «О контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства Российской Федерации» [СЗ РФ. 2009. № 1. Ст. 2], Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ «Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы» [СЗ РФ. 2009. № 1. Ст. 1] и Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верхов-

ном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» [СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 548].

Довод о том, что «нетекстуальное» преобразование Конституции позволит снизить издержки, связанные с формальной процедурой внесения изменений в ее текст, вообще не выдерживает критики.

Вопрос об объеме (целесообразности) затрат, связанных с необходимостью реализации тех или иных управленческих процедур, является актуальным в период, когда соответствующая процедура находится в стадии разработки и законодательно не утверждена. Поскольку гл. 9 Конституции РФ прямо определен механизм принятия поправок к Конституции РФ и ее пересмотра, апелляция к его экономической неэффективности (затратности) лишена всякого юридического смысла. Кроме того, последователи идеи судебного активизма не учитывают в этой части, что подсчитать и сопоставить те издержки, которые повлечет за собой неконтролируемое «нетекстуальное разрастание» Конституции, а значит, и появление новых правил, экономический эффект которых не проработан и не учтен, вовсе не представляется возможным. Думается, что такие издержки (прямые и косвенные расходы по реализации произвольно созданных (измененных) конституционных предписаний) окажутся неизмеримо большими и несопоставимыми с номинальной «стоимостью» легально закреплённых законодательных процедур.

Главным же недостатком идеи «нетекстуального» преобразования Конституции является именно то свойство этого подхода, которое его сторонники называют в числе основных достоинств, - гибкость.

Так, по мнению, например, М.А. Митюкова, Конституция РФ не исключает «различного прочтения» в зависимости от политической ситуации. Одно прочтение – сугубо дог-

матическое – обусловлено противоположной политической ориентацией президента и парламентского большинства. Другое – более гибкое – вполне возможно, если предположить совпадение политической ориентации названных государственных институтов, поэтому нынешняя Конституция под влиянием юридической практики Конституционного Суда может гибко приспосабливаться к новым политико-правовым реалиям [Митюков М.А. Указ. соч. С. 77 - 84].

Подобный подход к содержанию конституционных положений представляется небесспорным, поскольку сопряжен с представлением об Основном Законе страны как о некоей аморфной субстанции, не имеющей внутреннего конституирующего стержня и легко принимающей нужную форму в угоду интересам доминирующей политической группы. В случае совпадения позиций Президента РФ и парламентского большинства Конституция РФ наделяется одним содержанием, при отсутствии такого единства – другим. При этом, следуя логике названного автора, содержание Конституции РФ при изменении политической конъюнктуры должно меняться посредством актов Конституционного Суда РФ, который, видимо, в такой ситуации обязан ориентироваться на политические реалии и каждый раз подстраивать под них суть принимаемых решений, что на деле является невыносимым и недопустимым, дискредитирует саму идею конституционной юстиции.

Другой недостаток такой идеи «гибкой» Конституции заключается в том, что «размытые границы» Основного Закона страны очень сильно затрудняют установление его реального содержания в процессе как правоприменения, так и обычной хозяйственной деятельности, что рано или поздно приведет к созданию ситуации, при которой Конституция будет напоминать пустую сцену, в глубине которой находится «Конституция за Конституцией» - иные нормативные акты,

имеющие в реальности большую значимость, чем Основной Закон [Бойцова Л.В. Указ. соч. С. 5].

На самом деле Конституция РФ как Основной Закон страны должна иметь осязаемые границы, стабильное содержание, предсказуемый механизм развития. Она должна быть устойчивой и диктовать равные правила поведения для каждого гражданина и каждой организации вне зависимости от расклада политических сил в каждый конкретный момент времени. Только в этом случае она сможет качественно выполнять возложенные на нее задачи.

Таким образом, стремление привить Конституции РФ гибкость и адаптивность в несвойственных ей пределах априори является незаконным и контрпродуктивным, поскольку позволяет под вывеской конституционализма полностью отойти от конституционных завоеваний последних лет [Добрынин Н.М. Российский конституционализм и проблема конституционной реформы // Свободная мысль. 2007. № 7. С. 29]. Это стремление противоречит самой сути российской Конституции, как достаточно «жесткой» правовой конструкции, положенной в основу всей системы права.

С учетом изложенного представляется очевидным, что поиск эффективных путей дальнейшего развития конституционных положений должен вестись на основе существующей законодательной базы в рамках возможностей «текстуального» развития Конституции РФ. Попытки же научного обоснования «нетекстуальных» форм преобразования Основного Закона фактически служат способом легитимации разрозненной неконституционной юридической практики и не имеют реальных перспектив.

Изложенное выше позволяет выделить ряд взаимосвязанных признаков, определяющих сущность легитимного конституционного протворчества в Российской Федерации:

это всегда деятельность компетентных субъектов конституционного правотворчества, состав которых исчерпывающе определен ст. 134-136 Конституции РФ; это всегда деятельность, направленная на изменение текста Основного Закона путем принятия поправок к Конституции РФ либо ее пересмотра; это всегда строго структурированная деятельность, подчиненная жесткой процедуре, которая предусмотрена гл. 9 Конституции РФ.

Таким образом, сущность конституционного правотворчества в Российской Федерации заключается в регламентированной гл. 9 Конституции РФ деятельности компетентных субъектов правотворчества по принятию, изменению и отмене конституционных норм. Целью и (в идеальном представлении) конечным результатом такой деятельности являются усовершенствование Конституции РФ, достижение максимально возможного соответствия между содержанием конституционных предписаний и запросом на нормативное регулирование, который существует в обществе. При этом, учитывая, что процесс изменения общественных отношений необратим, неизбежен и, по сути, бесконечен, процесс конституционного правотворчества, направленный на дальнейшее совершенствование Основного Закона страны, также не имеет временных границ и должен рассматриваться в качестве необходимой и непрерывной специально-юридической деятельности.

Вопрос о сущности конституционного правотворчества тесно переплетается с вопросом о социальном назначении этого института. Стабильное существование современного социума возможно лишь в условиях достижения и сохранения баланса между политическими, экономическими, правовыми и социальными аспектами общественной жизни. В свою очередь, именно Конституция РФ как Основной Закон страны есть тот фундамент и базовый нормативный каркас, который

призван обеспечить гармоничное развитие всего спектра общественных отношений. Эволюция этих отношений, постепенное изменение ими своей сущности, структуры и субъектного состава приводят к тому, что они выходят за рамки запрограммированных Конституцией общеобязательных предписаний и образуют напряжение, деформирующее конституционно-правовую реальность. В этих объективных условиях непринятие мер к приведению Конституции в соответствие с содержанием изменившихся общественных отношений может стать причиной образования дисбаланса между императивным требованием и фактическими условиями жизни, следствием чего будет неизбежное нарушение стабильности общенациональной социальной среды. Поэтому социальное назначение конституционного правотворчества состоит в том, чтобы обеспечить своевременное выявление потребностей в регламентации изменившихся общественных отношений и качественное восполнение найденных «пробелов».

Эффективное конституционное правотворчество, обеспечивающее соответствие содержания конституционных предписаний велениям времени, является залогом решения широкого спектра социально-правовых задач, в том числе позволяет закрепить и поддерживать в актуальном состоянии основы правового статуса человека и гражданина, гарантировать ему именно тот объем прав и охраняемых законом интересов, который позволяет на каждом конкретном временном отрезке в полной мере реализовать свои трудовые, творческие и иные способности и возможности, а также удовлетворить биологические и социальные потребности; помогает наладить и сохранить эффективную структуру органов государственной власти и местного самоуправления, что служит необходимым условием для стабильного существования и развития общества и государства; создает предпосылки (формирует

нормативную базу) для межнационального и межгосударственного диалога, что приобретает особую актуальность в условиях развития процесса глобализации, разрастания и усложнения структуры социальных взаимосвязей между различными народами.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что институт конституционного правотворчества, с одной стороны, имеет большое социальное значение, а с другой - недостаточно полно проработан, поскольку не выступал предметом комплексных теоретических исследований. Указанное обстоятельство свидетельствует о необходимости широкой общественной дискуссии на данную тему и серьезной научной работы в целях установления единых оптимальных подходов к определению сущности конституционного правотворчества для последующего его совершенствования и развития на благо общества и государства.

Библиографический список

1. Авакьян С.А. Конституция Российской Федерации: итоги развития // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 23. С. 8.
2. Авакьян С.А. Конституция Российской Федерации: нормы и действительность // Неприкосновенный запас. 2008. № 5. С. 73.
3. Авакьян С.А. Нужна ли конституционная реформа в России? // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 9. С. 2 - 9.
4. Авакьян С.А. Практика конституционных реформ: некоторые проблемы // Вестник МГУ. Сер. 11 «Право». 2011. № 1. С. 27.
5. Авакьян С.А. Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 8. С. 3 - 12.

6. Авакьян С.А. Современные проблемы конституционного и муниципального строительства в России // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 3. С. 5 - 12.
7. Алиев Т.Т., Бердникова Е.В. Конституция Российской Федерации: пределы стабильности и перспективы модернизации // Современное право. 2013. № 12. С. 13.
8. Аничкин Е.С. «Преобразование» Конституции Российской Федерации и развитие конституционного законодательства в конце XX - начале XXI вв.: Дис. ... д-ра юрид. наук. Барнаул, 2010. С. 168, 169, 174.
9. Арановский К.В., Князев С.Д. Роль Конституции в политико-правовом обустройстве России: исходные обстоятельства и современные ожидания // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 3. С. 57, 58.
10. Байтин М.И. О юридической природе решений Конституционного Суда РФ // Государство и право. 2006. № 1. С. 6, 8.
11. Белкин А. Текстуально-правовые конфликты в Конституции Российской Федерации 1993 года и проблемы их преодоления // Пробелы в Конституции Российской Федерации и возможности ее совершенствования / Под ред. К.Г. Гагнидзе. М., 1998. С. 25 - 32.
12. Бланкенагель А. Пробелы в Конституции Российской Федерации и возможности ее совершенствования // Пробелы в Конституции Российской Федерации и возможности ее совершенствования / Под ред. К.Г. Гагнидзе. М., 1998. С. 5 - 19.
13. Боброва Н.А. 20 лет и 20 недостатков Конституции России // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 3. С. 33 - 37.
14. Бойцова Л.В. Конституционная юстиция. Теория интерпретации и демократический процесс // Вестник КС РФ. 1997. № 2. С. 3, 5.
15. Гаджиев Г. К вопросу о пробелах в Конституции // Пробелы в Конституции Российской Федерации и

- возможности ее совершенствования / Под ред. К.Г. Гагнидзе. М., 1998. С. 22.
16. Голубицкая С.Г. Решения Конституционного Суда Российской Федерации в правовой системе России (Теоретические и практические вопросы): Дис. ...канд. юрид. наук. М., 2002.
 17. Дигесты Юстиниана. Избр. фрагменты в пер. и с замеч. И.С. Перетерского / Под ред. Е.А. Скрипилева. М.: Наука, 1984. С. 32, 33.
 18. Добрынин Н.М. Российский конституционализм и проблема конституционной реформы // Свободная мысль. 2007. № 7. С. 21 - 33.
 19. Захаров В.В. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права: Дис. ...канд. юрид. наук. Пенза, 2004.
 20. Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал рос. права. 2004. № 12. С. 3 - 9.
 21. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. М.: Норма, 2008. С. 127.
 22. Исаков В.Б. Конституция как фактор социальных изменений // Конституция как фактор социальных изменений: Сб. докладов. М., 1999. С. 40.
 23. Кабышев В.Т. Российский конституционализм на рубеже тысячелетий // Правоведение. 2001. № 4 (237). С. 61 - 70.
 24. Киреев В.В. К вопросу о понятии и методологии и исследования конституционной реформы // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 4. С. 6 - 11.
 25. Киреев В.В. Теоретические проблемы реформирования Конституции Российской Федерации: Дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2010. С. 193, 218.
 26. Крусс В.И. Конституционный нормоконтроль как аутентичное правотворчество // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 6. С. 4, 6.
 27. Лебедев В.А., Киреев В.В. Об инструментальной роли науки конституционного права в период социальных

- преобразований // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 22. С. 7 - 11.
28. Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. С. 569.
 29. Медушевский А.Н. Конституционная модернизация // Конституция как фактор социальных изменений: Сб. докладов. М., 1999. С. 75.
 30. Митюков М.А. Поправки к Конституции: некоторые политико-юридические аспекты // Конституция как фактор социальных изменений: Сб. докладов. М., 1999. С. 77 - 84.
 31. Монтескьё Ш.Л. Избр. произв. / Под ред. М.П. Баскина. М.: Госполитиздат, 1955. С. 290.
 32. Пастухов В. Чем болеют конституции? Российский конституционализм: поэзия принципов и проза правоприменения // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 1. С. 80.
 33. Российский конституционализм: итоги первого десятилетия действия Конституции РФ (Обзор «круглого стола») // Юридическое образование и наука. 2004. № 12. С. 28.
 34. Танчев Е. Рождение и развитие конституционного контроля // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 1. С. 93, 95.
 35. Троицкая А.А. Пределы пересмотра Конституции: формальный и содержательный аспекты // Вестник МГУ. Сер. 11 «Право». 2010. № 1. С. 58 - 67.
 36. Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: Комментарий / Под ред. К.Н. Кондратова. М.: Юрид. лит., 1996. С. 12.
 37. Эбзеев Б.С. Толкование Конституции Конституционным Судом РФ: теоретические и практические проблемы // Государство и право. 1998. № 5. С. 5 - 12.

РЕЦЕНЗИЯ

на статью Д.С. Дерхо «К вопросу о сущности и социальном значении конституционного правотворчества в Российской Федерации»

В статье ставится целью выявить сущность конституционного правотворчества, правомерность и допустимость такого вида правотворчества со стороны Конституционного Суда РФ. Эти вопросы относятся к весьма дискуссионным в теории и практике современного российского конституционализма. Сама природа конституционной правотворческой деятельности, порядок ее осуществления по-прежнему вызывают острые споры.

Статья содержит критический анализ теории так называемого «нетекстуального» изменения Конституции, ее преобразования, состоящего в развитии нормативного содержания конституционных положений без формального вторжения в конституционный текст. Автором приведены убедительные аргументы в поддержку высказанных на страницах юридической печати точек зрения ученых, отрицающих обоснованность анализируемой теории. Особо важным представляется четкое выражение авторской позиции относительно признаков определения легитимности конституционного правотворчества в Российской Федерации как непрерывной специально-юридической деятельности. При написании статьи широко использована специальная литература по избранной тематике, материалы конституционной судебной практики.

Отдельные суждения автора заслуживают критической оценки. В частности, признавая единственно правомерной формой конституционного правотворчества принятие поправок к Конституции либо ее пересмотр, автор неожиданно заявляет, что наличие примеров фактического «нетекстуально-

го» преобразования конституционных предписаний, имеющих место в деятельности Конституционного Суда, свидетельствует о возможных исключениях из этого общего правила. Помимо того что указанные суждения обедняют материал статьи, делая менее убедительными выводы автора, неразрешенным остается вопрос: на основании каких критериев в связи с практикой «нетекстуального» изменения Конституции будет проводиться дифференциация способов такого рода изменений на правомерные и неправомерные?

Недостаточно полно в статье отражены вынесенные в ее заголовок вопросы о социальном значении конституционного правотворчества. При общем объеме статьи в 21 страницу рассмотрению этих вопросов отведено всего лишь 1.5 страницы. В этой связи предлагается скорректировать заголовок статьи, определив им только проблему сущностных характеристик конституционного правотворчества, анализу которой собственно и посвящена статья.

Статья может быть рекомендована к опубликованию с учетом замечаний.

**Ведущий научный сотрудник отдела
теории законодательства Института
законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве РФ,
кандидат юридических наук**

А.И. Абрамова

28. 05. 2014

А.А. БОРИСЕНКОВ,
доктор философских наук
E-mail: alex.borisenkov@mail.ru

ПОНЯТИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ИНТЕРЕСА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ

В статье анализируются представления о сущности интереса, сложившиеся в научной литературе. Новизна исследования состоит в определении понятия индивидуального интереса, который характеризуется как особое свойство человека присваивать предмет своей потребности. Предлагается анализ различных подходов к определению интереса. Показано отличие интересов от потребностей как различных факторов человеческой активности. Раскрываются взаимосвязь и взаимная обусловленность интересов и потребностей в процессе их осуществления. Особо выделена роль сознания в формировании интересов, которое (сознание) применительно к материальным интересам служит фактором их осознания и понимания, а применительно к духовным интересам образует основу их существования. И главное - выясняется значение представлений об индивидуальном интересе для изучения сущности и содержания национальных интересов.

Ключевые слова: *потребность, интерес, индивидуальный интерес, общественный интерес, материальный интерес, духовный интерес, национальный интерес, государственный интерес.*

А.А. BORISENKOV,
Doctor of Philosophy
E-mail: alex.borisenkov@mail.ru

PRIVATE INTEREST CONCEPTION AND ITS SIGNIFICATION FOR NATIONAL INTEREST RESEARCH

The article is an analysis of view on an essence of the interest in scientific literature. Research novelty consists on definition of the private interest, the last is special property of a human being to embezzle an item of his / her need. An analysis of various ways to define the interest is suggested. A difference between the interests and the needs is shown as the different factors of human activity. Interconnection and relative causality of the interests and the needs are explained during they are implemented. Role of consciousness is underlined in creating of the interests, the consciousness is a factor of recognition and understanding of material interests, and the consciousness forms a base for existence of the moral interests. And main thing, meaning of view on private interest is found out for researching an entity and a content of the national interest.

Keywords: *need, interest, private interest, social interest, material interest, moral interest, national interest, state interest.*

Изучение национальных интересов предполагает учёт двух важных обстоятельств. Одно из них состоит в том, что национальные интересы представляют разновидность социальных интересов, т.е. интересов, рождённых различными объединениями людей и сопряжённых с ними. Эти интересы находятся в ряду интересов, которые обусловлены, например, существованием общественных классов или гражданских объединений. Но, в отличие от других видов социальных интересов, носителями национальных интересов являются нации. Социальный характер национальных интересов означает, что они являются интересами общими, и эта их особенность, как и всяких социальных интересов, раскрывается прежде всего в сравнении с индивидуальными интересами.

Другое важное обстоятельство заключается в том, что национальные интересы вследствие своей социальной формы являются интересами сложными. Эта их особенность также раскрывается посредством индивидуальных интересов, которые представляют на их фоне более простое явление. Оба обстоятельства подводят к выводу, что изучение национальных интересов необходимо начинать с выяснения сущности индивидуального интереса, который показывает своим содержанием направление осмысления национальных интересов.

Индивидуальные интересы (в отличие от социальных) заключены в отдельно взятом человеке, который является их носителем. Такой человек выступает как индивид, автономно существующий в системе общественных связей. Его главная цель - он сам. Его интересы непосредственно сопряжены с ним самим, а его активность, обусловленная его интересами, направлена на обеспечение его собственной жизни. Помимо индивидуальных интересов отдельно взятый человек выступает носителем индивидуальных потребностей, которые также сосредоточены в нём. Индивидуальные интересы и потребности предполагают друг друга и образуют два внутренних фактора человеческой активности. В процессе своего осуществления они оказываются взаимосвязанными, вследствие чего интересы нередко рассматривают как форму существования потребностей и тем самым смешивают их между собой. На самом деле это разные явления, которые необходимо отличать друг от друга.

Отличие интересов от потребностей

Смешение интересов и потребностей обусловлено некоторыми особенностями толкования интересов. Один из известных подходов опирается на традиции субъективизма. Его сторонники стремятся представить интересы в качестве субъективной формы существования потребностей. В результате объяснение интересов, с одной стороны, приобретает упро-

щённый характер, поскольку они так или иначе сводятся к потребностям, с другой – искажает понимание природы и тех, и других. В частности, получается, что объективно существующие интересы трактуются как опосредованные сознанием потребности, например, «национальные интересы – как в той или иной степени осознанные потребности» [Задохин А.Г. Категория «национальные интересы» в российском политическом сознании // Обозреватель-Observer. 2013. № 1. С. 12]. Однако не сложно видеть, что осознанная потребность есть потребность, отражённая в сознании, и это никак не меняет её качества как особого явления. Но, поскольку она выдаётся уже за интерес, т.е. за другое явление, то это усложняет понимание самого интереса.

Подход, который так или иначе сводит интересы к потребностям, получил определённое распространение в научной литературе. Его особенности можно подробнее показать на примере следующего суждения: «Итак, что же такое национальный интерес? По нашему мнению, это осознанная, официально выраженная объективная потребность общества, вытекающая из его национальных ценностей, направленная на сохранение, создание или достижение благоприятных условий для его стабильного существования и устойчивого прогрессивного развития» [Улитин Р.Р. Соотношение понятий «национальный интерес» и «национальная безопасность» в трудах западных и отечественных исследователей // Вестник Нижегородск. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер. «Международные отношения, политология, регионоведение». 2003. № 1. С. 131].

При всех достоинствах этого определения, стремящегося подчеркнуть особую значимость общественных условий для национального развития, оно, тем не менее, является противоречивым, что подтверждается рядом аргументов. Во-

первых, автор сводит национальный интерес к потребности общества, которая заключена в обеспечении благоприятных условий его существования. Наличие такой потребности отрицать нельзя. Общество – это сложное образование, имеющее в своём содержании целую совокупность (иерархию) различных потребностей, которые определённым образом сопряжены между собой и значимы для его функционирования. Но из факта существования общественных потребностей совсем не следует, что соответствующие им и обусловленные ими общественные интересы тождественны этим потребностям. То же относится и к национальным интересам. Эти интересы связаны с особыми общественными (национальными) потребностями. При этом национальные интересы не подменяют собой национальные потребности, а существуют наряду с ними и являются столь же объективными и также нуждаются в своём осознании.

Во-вторых, осознание любого явления есть лишь форма отражения его в голове человека, которое (отражение) ничего не меняет в отражаемом явлении. Осознаются потребности или нет – они не перестают оставаться всё теми же потребностями, т.е. особыми явлениями, существующими наряду с интересами. Осознание потребностей не изменяет форму их существования и не может превратить их в интересы. Но оно делает эти потребности понятными для человека, что побуждает его к определённой активности, направленной на создание условий, благоприятных для удовлетворения этих потребностей. Осознание потребностей служит особым фактором последующего осуществления интересов, обусловленных этими потребностями.

В-третьих, сложная природа человека, который сочетает в себе естественное и духовное начала, приводит к тому, что наряду с материальными интересами и потребностями у него формируются также духовные интересы и потребности,

которые, разумеется, сопряжены с его сознанием. Это означает, что индивидуальные интересы и потребности разделяются на два вида – материальные и духовные. Сторонники отмеченного выше подхода недостаточно учитывают этот факт и, в частности, не вполне осознают, что духовные интересы (и потребности) присущи только индивиду. Как следствие, ими не полно осознаётся особый, а именно – материальный характер всех общественных интересов, включая национальные интересы. Например, некоторые исследователи усматривают национальные интересы в области духовной жизни [Отюцкий Г.П. Методологические проблемы обеспечения духовной безопасности в основополагающих государственных документах // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2014. № 10. С. 219], что не может не быть парадоксальным. Происходит смешение объективно существующих национальных интересов и задач, которые стоят перед нацией (или обществом) в указанной области.

Примером духовных потребностей может служить потребность человека в познании (например, потребность в изучении национальных интересов), которой соответствует духовный интерес, связанный с приобретением этих же знаний. Такая потребность и сопряжённый с нею интерес не являются материальными. Они формируются и существуют в сознании человека. При этом полученные знания могут стать общественным достоянием и служить обществу, но духовный характер лежащих в их основе индивидуальных потребностей и интересов от этого не исчезает.

В свою очередь, материальные потребности и интересы формируются и существуют вне сознания человека и независимо от него. Они могут осознаваться, но при этом остаются материальными и не превращаются друг в друга. Например, еда для человека является предметом его естественной,

материальной потребности. В системе общественных связей человек вынужден вступать в различные отношения с другими людьми, чтобы получить возможность удовлетворять свои материальные потребности, приобретать необходимые для этого предметы, включая пищу. В результате еда помимо того, что она составляет предмет его материальной потребности, становится для него также предметом его материального интереса.

Это означает, что всякий интерес является производным от соответствующей ему потребности, он обусловлен ею, возникает на её основе. В свою очередь, удовлетворение потребности опосредуется осуществлением сопряжённого с ней интереса, который побуждает человека к присвоению предмета своей потребности. В итоге оказывается, что потребность и рождённый ею интерес переплетены между собой в процессе осуществления. Тем не менее они остаются разными явлениями, которые по-разному возникают, по-разному осуществляются и по-разному влияют на активность человека.

Полученные результаты анализа можно применить к другому варианту толкования интересов, которое характеризует интерес как *единство* потребности и её осознания. В научной литературе есть немало высказываний, рассматривающих интерес как некое единство объективного и субъективного. По существу, это тот же подход, который отмечен выше, но в нём усилена роль субъективного начала. Например, говорят: «Большинство сторонников социологической и психологической трактовки видят природу интереса диалектически, рассматривают его сквозь призму единства объективных и субъективных составляющих. В частности, рядом авторов выделяется трехчленная структура интереса: 1) необходимость удовлетворения потребности (что, в свою очередь, предполагает наличие самой потребности); 2) возможность удовлетворения потребности (для этого требуется наличие

условий и средств ее удовлетворения); 3) осознание необходимости удовлетворения потребностей и возможностей их удовлетворения» [Федякин А.В. Теоретико-методологические и философские аспекты изучения национальных интересов // Аспекты: Сб. статей по философским проблемам истории и современности. М.: МГУ, 2003. Вып. II . С. 321].

Несмотря на попытку раскрыть структуру интереса, этот взгляд не приближает к пониманию его сущности. Главное, не ясно, почему осознание необходимости и возможности удовлетворения потребности является компонентом интереса. Здесь происходит сведение интереса к не очень ясному «единству объективных и субъективных составляющих», которые на самом деле по своей природе не могут быть едиными. Можно согласиться с автором только в одном – интерес действительно как-то связан с потребностью.

Привлекает внимание ещё один взгляд, также смешивающий интересы и потребности. Он представлен в официальном документе, который называется «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.». В этом документе, утверждённом Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537, отмечается, что ««национальные интересы Российской Федерации» – совокупность внутренних и внешних потребностей государства в обеспечении защищённости и устойчивого развития личности, общества и государства» [Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. // <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html> (Дата обращения: 17.03.2015 г.)].

Особенность данного высказывания состоит в том, что в нём переплелось несколько противоречий, которые основательно запутывают толкование национальных интересов. Рассмотрим эти противоречия. Прежде всего нельзя не видеть

простого сведения национальных интересов к государственным потребностям, что само по себе парадоксально. Возникает естественный вопрос: почему и каким образом интересы нации превращаются в потребности государства? Возможно, что авторы пытались таким образом показать связь стоящих перед государством задач с национальными интересами. Однако такие задачи, как и назначение государства в целом, и его собственные потребности – это разные явления.

Ситуацию осложняет ещё одна проблема – это смешение национальных и государственных интересов. Она не так очевидна в этом высказывании. Она заключена в словосочетании «национальные интересы Российской Федерации». Понятно, что термином «Российская Федерация» обозначается не общество или нация, а государство. В результате получается, что речь идёт о «национальных интересах государства». Такое словосочетание действительно часто используется в научной литературе. Не претендуя здесь на окончательное решение данной проблемы, отметим предварительно, что вследствие определённой игры слов в этой фразе происходит соединение (смешение) двух разных видов интересов, а именно: национальных интересов и интересов государства. С формально-логической точки зрения говорить о национальных интересах государства - всё равно, что говорить, например, об общественных интересах отдельно взятого человека. И то, и другое словосочетание являет собой логический парадокс.

На самом деле всякое государство, вырастая из национального общества, образует в нём надстройку, призванную управлять обществом и совсем не тождественную самой нации и потому имеющую свои особые, а именно - государственные интересы. Как, впрочем, и отдельный человек является носителем не общественных, а только своих, т.е. индивидуальных интересов. Точно так же и национальные интересы

сопряжены со своим особым носителем, который называется нацией. Здесь важно подчеркнуть, что каждое социальное образование – нация или государство – содержит в себе свои потребности и интересы. Это естественно и обусловлено наличием у каждого из них своей особой жизни и своего развития. Поэтому вполне закономерным является вопрос: на каком основании национальные интересы нужно причислять к государству, превращая их в государственные интересы? Этот вопрос хотя и поставлен в научной литературе, но пока не получил необходимого разрешения. Тем не менее с формально-логической точки зрения достаточно очевидно, что национальные интересы и интересы государства (государственные интересы), как и интересы индивидов – это всё разные виды интересов, которые, конечно, как-то связаны между собой. Но как виды они остаются различными, их нельзя смешивать и уж тем более - соединять таким образом (Подробнее о соотношении национальных и государственных интересов в отдельной статье.)

Помимо сказанного в отмеченном суждении содержится ещё один парадокс. Он представлен разделением государственных потребностей на внутренние и внешние. Как показывает жизнедеятельность человека, такое разделение потребностей искажает их природу. Оно отрицает очевидный факт, что всякая потребность сопряжена с её носителем и существует только в нём самом. Это означает, что потребности (как и интересы) не могут быть внешними по отношению к своему носителю, в отличие от *предметов* этих потребностей и интересов. Внешние потребности государства – это такой же нонсенс, как и внешние потребности человека.

Дополнительно к сказанному отметим стремление некоторых обществоведов соотносить понятия интересов и потребностей по своему объёму, что также предполагает их

смещение, а значит, искажённое толкование. Например, говорят: «Понятие потребности шире, чем понятие интереса, оно рассматривается в качестве основного стимула всякой жизнедеятельности, биологической и социальной» [Гончарова А.Н. Проблема согласования общественных и личных интересов в процессе построения гражданского общества. Красноярск, 2001//http://www.allpravo.ru/library/doc108p0/instrum4247/item4250.html#_ftn20 (Дата обращения: 15.01.2015 г.)]. На самом деле эти понятия несравнимы. У них разное содержание. Они представляют разные явления. Не говоря уже о том, что стимулом являются не сами потребности и интересы, а только их предметы, составляющие собой внешние факторы человеческой активности. Допуская все эти неточности, указанный автор пытается таким образом сопоставить некоторые функции рассматриваемых явлений, но в итоге неверно излагает толкование связи и соотношения интересов и потребностей.

В целом анализ суждений, которые стремятся трактовать интересы как особую форму существования потребностей, подводит к выводу, что данный подход следует признать ошибочным. Как бы ни были переплетены между собой интересы и потребности в процессе своего осуществления, они остаются качественно различными явлениями. Каждое из этих явлений имеет свою сущность и оказывает своё влияние на активность человека. Будучи различными явлениями, интересы и потребности определяют различное отношение человека к предмету своих потребностей, а значит, играют разную роль в жизнедеятельности людей и совсем по-другому соотносятся между собой, в отличие от того, что иной раз утверждают. Но между ними действительно существует связь. Их связывает между собой, во-первых, их носитель, который содержит в себе и потребности, и интересы. Например, индивидуальная материальная потребность и обусловленный ею индивидуальный материальный интерес принадлежат одному

и тому же человеку. Данная потребность и соответствующий ей интерес заключены в этом человеке и выступают в качестве его особых *свойств*, которые рождены, с одной стороны, природой, поскольку человек есть природное существо, а с другой – обществом, поскольку человек есть общественное существо. Во-вторых, потребности и интересы связывает между собой возможное единство их предметов. Интересы и потребности – это разные свойства их носителя, но предмет потребности в определённой ситуации может стать предметом соответствующего ей интереса. Это обусловлено тем, что носителем, например, индивидуальной потребности и носителем соответствующего ей индивидуального интереса является один и тот же человек. Вследствие этого и потребность, и связанный с нею интерес, воздействуя на человека, направляют его внимание на один и тот же предмет, стимулирующий его активность. При этом потребность служит основой и предпосылкой формирования интереса, сопряжённого с этой потребностью. В свою очередь, интерес возникает на основе сложившейся у человека потребности. Человек оказывается *заинтересованным* в предмете своей потребности, который становится одновременно предметом его интереса.

Ошибочность отмеченного выше подхода заключается ещё и в том, что при характеристике интереса как осознанной потребности преувеличивается роль сознания. Получается, что осознание потребности превращает её в интерес. Тем самым не только искажается сущность интересов, но также преувеличивается роль сознания в формировании интересов.

Роль сознания в формировании интересов

В зависимости от вида интересов роль сознания может быть различной. Если рассматривать материальные интересы, то, разумеется, они складываются объективно и в своём существовании не зависят от сознания человека. Формирование

и существование этих интересов определяется его материальными потребностями. Очевидно также, что сознание человека помогает ему понять свои интересы, чем и способствует их воздействию на его активность. Осознание интересов выступает как субъективный фактор человеческой активности, который в сочетании с самими интересами приводит к её осуществлению. Чем точнее человек осознаёт свой интерес, соотнося его с общественными интересами, тем более осознано его стремление к осуществлению соответствующей активности, тем меньше у него возможности совершить в результате ошибку.

Однако при анализе сущности интересов не всегда складывается правильное толкование их связи с сознанием. В частности, существует преувеличение роли сознания в формировании интересов, которое достигает, пожалуй, своей наивысшей точки в утверждении о том, что осознанность интересов есть их особая сущностная характеристика. Например, говорят: «Еще одна важнейшая сущностная характеристика национальных интересов – их *осознанность*» [Трухачёв В.В. Сущность и содержание политических механизмов формирования и реализации национальных интересов // Вестник РУДН. Сер. «Международные отношения». 2010. № 2. С. 20]. Очевидно, что производное от интересов явление – их отражение в сознании – рассматривается здесь как черта самих интересов. Если учесть, что каждый человек по-своему осознаёт и трактует различные интересы, то получается, что они могут иметь огромное количество таких сущностных характеристик. Приведённое высказывание искажает сущность интересов и ведёт к субъективизму в их толковании.

В научной литературе по поводу связи и соотношения интересов и сознания выделяется два разных подхода. Условно их называют социологическим и психологическим. Сторонники социологического подхода считают, что интересы

выступают как нечто объективное, сопряжённое с материальными условиями жизни людей и потому независимое от сознания. В свою очередь, приверженцы психологического подхода понимают интересы как что-то ценное и привлекательное для человека, рождённое его сознанием и психикой. Например, говорят: «Интересы выступают в виде чувств, желаний, настроений и устремлений к удовлетворению потребностей, которые отражаются, осмысливаются и осознаются в индивидуальном и коллективном сознании» [Федякин А.В. Указ. соч. С. 320, 321]. Сторонники психологического подхода описывают интерес в терминах увлеченности предметом потребности, вовлеченности в задачу, в процесс деятельности. Или же трактуют интерес как одну из эмоций, близких к удивлению, любопытству [Большой психологический словарь. М.: АСТ, 2009. С. 247, 248]. В целом же интерес выступает в данном случае как некий результат деятельности сознания и психики человека.

Если проанализировать отмеченные два подхода, то можно увидеть, что они не столько противостоят друг другу, сколько дополняют друг друга. В их различных трактовках речь идёт, по сути, об одном и том же интересе. Различие состоит в том, что в одном случае интерес выступает как объективно существующее явление, а в другом – он же представлен как результат осознания и отражения его в психике человека. При этом осознанный и преломлённый через психику интерес не может быть особым видом интереса. Особенность психологического подхода заключается в том, что он концентрирует внимание на отражении интереса в сознании и психике и выдаёт это отражение за особый вид интереса. В результате же оказывается, что оба подхода обращаются к интересу как явлению, но по-разному трактуют роль сознания в процессе осуществления обусловленной интересом активности челове-

ка, а именно: в одном случае говорится о самом интересе, который действительно осознаётся и воздействует на человека, а в другом - отмечается особая роль сознания и психики человека, которые, способствуя осознанию его интересов, служат субъективным фактором в осуществлении его активности.

Кроме того, психологическая трактовка интереса скрывает в себе ещё одну проблему. Она заключается в том, что с сознанием человека связано не только отражение его объективных интересов, но ещё и формирование его духовных интересов, обусловленных его духовными потребностями. И то, и другое – отражение интересов в сознании и формирование в сознании духовных интересов – есть явления духовного порядка, которые вследствие своей принадлежности к сознанию вполне могут смешиваться между собой. Возникает необходимость проведения различий между ними.

Обратимся для решения этого вопроса к следующей иллюстрации. Один из исследователей в области психологии описывает интерес как наиболее часто испытываемую положительную эмоцию. «Интерес-возбуждение – это чувство захваченности, зачарованности, любопытства; у индивида, испытывающего эмоцию интереса, существует желание исследовать, вмешаться, расширить опыт путём включения новой информации и подойти по-новому к лицу или объекту, возбудившему интерес» [Изард К. Эмоции человека. М.: МГУ, 1980. С. 190].

Анализ этого суждения показывает, что в нём происходит соединение, как минимум, двух разных явлений сознания. С одной стороны, речь идёт об отражении определённого интереса в сознании. Например, подойти по-новому к лицу или объекту, возбудившему интерес, означает, что с этим лицом или объектом связано существование какого-то объективного интереса. С другой стороны, говорится об особом

духовном интересе, обусловленном потребностью в познании, в желании исследовать или расширить опыт путём включения новой информации. Такой интерес называется познавательным.

Познавательный интерес служит одним из видов духовного интереса. Он также требует правильного толкования и, в частности, отделения его от других духовных и психических явлений. Тем не менее он нередко смешивается с этими явлениями. Например, отмечается, что «под познавательным интересом нами понимается смыслообразующий мотив познания, который представляет собой побуждение к деятельности, выражающееся в познавательной активности, направленной на удовлетворение познавательной потребности» [Меньшикова Е.А. Психолого-педагогическая сущность познавательного интереса // Вестник Томск. гос. пед. ун-та. 2008. № 3. С. 19]. Не сложно видеть, что познавательный интерес здесь сводится к познавательному мотиву, т.е. к явлению, которое обусловлено познавательным интересом и, следовательно, производно от него. На самом деле познавательный мотив выступает как следствие сложившегося познавательного интереса. При этом познавательное отношение определяется и тем, и другим: и познавательным интересом, и познавательным мотивом.

Итак, с одной стороны, существуют интересы и их отражение в сознании и психике людей. С другой - интересы разделяются на материальные и духовные. Роль сознания состоит, во-первых, в отражении, познании прежде всего объективных интересов. При этом понимание интересов становится субъективным фактором соответствующей активности человека. Во-вторых, роль сознания состоит в формировании особого вида индивидуальных интересов, которые называются духовными и которые сопряжены с самим сознанием. И ма-

териальные, и духовные интересы способны вызывать у человека эмоции и желания, настроения и устремления, т.е. порождают определённые психические явления, которые, однако, не заменяют собой интересы и не тождественны им. Интересы – это особое явление. В частности, индивидуальный интерес выступает как рождённое общественными связями определённое свойство человека, т.е. свойство человека как существа общественного. Проявляется индивидуальный интерес в соответствующем отношении человека к предмету своей (материальной или духовной) потребности, отношении, отличном от непосредственного потребления этого предмета.

Индивидуальный интерес – свойство человека

О сущности и природе интереса в научной литературе не сложилось общего понимания. Как было уже отмечено, одни полагают, что интерес объективен, другие считают, что интерес субъективен. Одни сводят его к потребности, другие – к явлению сознания или к несуществующему единству потребности и её осознания. Есть исследователи, которые стремятся представить интерес в качестве некой ценностной позиции субъекта. Например, говорят: «Таким образом, в дальнейшем под интересом будем понимать ценностную позицию социального субъекта, выраженную в деятельностно-практическом отношении к окружающему его миру и самому себе» [Гончарова А.Н. Указ. соч.]. Похожую трактовку предлагает Д.В. Александров, который опирается при этом на представления об интересе, сложившиеся в современной западной социологии. «Интерес – это рационально-ценностная позиция социального субъекта относительно обеспечения условий и способов своей жизнедеятельности и поведения в обществе» [Александров Д.В. Понятие «интерес» в современной западной социологии // Соц. исследования. 2014. № 8. С. 65].

Ключевая характеристика интереса представлена здесь словами «ценностная позиция социального субъекта». Не сложно видеть, что такая позиция не может не отражать точку зрения самого социального субъекта по поводу окружающей его действительности. Следовательно, по своей сути эта позиция не может не быть субъективной. Всякая позиция субъекта, а значит, человека опосредована его сознанием и потому является субъективной. Она определяется обстоятельствами, которые действительно составляют для человека ценность. При этом ценностью для человека может служить всё, что способно в его представлении удовлетворять его потребности и тем самым быть условием и фактором его существования. Прежде всего речь идёт о предметах его потребностей. На этот счёт позиция человека вполне очевидна: он стремится к таким ценностям. Отсюда вывод: интерес, как и потребность, лежит в основе той или иной позиции человека и, как следствие, его активности. Позиция человека рождена возможностями удовлетворения его потребностей и реализации его интересов и потому является производной от них. Это означает, что характеристика интереса как ценностной позиции мало что даёт для понимания его сущности.

Ближе всех к определению сущности интереса подошёл, пожалуй, М.В. Демин. «Движущей силой человеческой деятельности выступает специфическое отношение людей к окружающей их действительности, стремление овладеть предметом (объектом) и сделать его пригодным к удовлетворению потребности. Это *отношение, выражающее стремление к овладению объектом, к достижению поставленной субъектом цели, и есть интерес*» [Демин М.В. Проблемы теории личности. М.: МГУ, 1977. С. 87].

Действительно, осознание той или иной потребности направляет внимание человека на её предмет и тем самым

приводит к осознанию соответствующего этой потребности интереса. При этом не объект, который противостоит субъекту, а предмет потребности, способный её удовлетворить, вызывает у человека стремление к его овладению. Возникающая в человеке под влиянием этого предмета его заинтересованность в нём как раз и означает появление у него соответствующего интереса. Быть заинтересованным в предмете своей потребности, значит, иметь сложившийся по поводу этого предмета интерес. В свою очередь, реализовать этот интерес, значит, присвоить предмет соответствующей потребности, т.е. овладеть им, вследствие чего создаётся условие для последующего удовлетворения самой потребности. Отношение, выражающее стремление человека к овладению предметом своей потребности, на самом деле есть следствие сложившегося у него интереса. Такое отношение является результатом и показателем интереса. Но сам интерес, т.е. его сущность, заключена в особом свойстве человека, рождённом необходимостью присваивать предмет своей потребности. Если реализация индивидуального интереса означает присвоение человеком предмета своей потребности, то сам интерес выступает как свойство человека присваивать этот предмет.

Таким образом, индивидуальный интерес человека обусловлен необходимостью удовлетворения им своей потребности. Реализованный (осуществлённый) интерес создаёт предпосылку для такого удовлетворения, поскольку состоит в присвоении предмета потребности. В свою очередь, предмет потребности служит внешним выражением самой потребности и позволяет понять, в чём она заключается. Потребность человека – это тоже его свойство, но оно рождено необходимостью воспроизводить им свою жизнь. Удовлетворяя свою потребность, человек воспроизводит свою жизнь и тем самым самого себя. При этом предмет потребности становится для человека также предметом его интереса, поскольку этот

предмет нужно сначала произвести и присвоить, чтобы можно было удовлетворить с его помощью соответствующую потребность. Если потребность человека есть его свойство, состоящее в необходимости воспроизводить свою жизнь, то его интерес есть его свойство, которое заключается в необходимости присваивать предмет своей потребности. Человек не может удовлетворить свою потребность без предварительного присвоения предмета этой потребности. Таковы условия жизни людей в обществе. Удовлетворение человеческой потребности опосредовано реализацией соответствующего интереса, заключенного в присвоении предмета данной потребности. В результате формируются отношения собственности – вид общественных отношений, которые определяют собой взаимодействие людей. *Индивидуальный интерес по своей сущности есть свойство человека присваивать предмет своей потребности.*

Примечательна и такая характеристика интереса: «Объективный интерес – это объективно оптимальный путь к удовлетворению потребности» [Ильин В.И. Социология потребления // <http://www.consumers.narod.ru/author.html> (Дата обращения: 10.02.2015 г.)]. Нельзя с этим не согласиться. Оптимальный путь к удовлетворению потребности сопряжён именно с присвоением её предмета, т.е. реализацией интереса, вследствие чего создаются необходимые условия для этого удовлетворения. При этом материальные и духовные интересы человека имеют свои особенности в процессе осуществления. Помимо того, что качественно различны предметы данных потребностей, материальные и духовные интересы человека предполагают качественно различные способы присвоения предметов этих потребностей. Так, материальный интерес реализуется в процессе объективного присвоения предмета соответствующей потребности, а духовный интерес

связан с присвоением предмета потребности посредством сознания. Духовный интерес формируется и осознается одновременно с развитием самой духовной потребности и реализуется он также в процессе удовлетворения этой потребности. Например, потребность в познании удовлетворяется одновременно с реализацией познавательного интереса, т.е. в результате освоения (присвоения) необходимых знаний. Присвоение предмета духовной потребности означает одновременное его потребление. Поэтому духовный интерес сложнее отделить от духовной потребности.

Кроме того, осуществление духовных интересов и потребностей имеет ещё одну немаловажную особенность. Она состоит в том, что их предметы сопряжены с материальными носителями. Например, потребность в познании может быть реализована в результате освоения содержания той или иной книги, что предполагает наличие самой книги как материального предмета. Получается, что удовлетворение духовной потребности и реализация соответствующего духовного интереса здесь опосредованы присвоением вполне материального предмета (книги). Говоря иначе, для того чтобы реализовался духовный интерес, необходимо сначала реализовать объективно существующий интерес, состоящий в присвоении предмета, носителя знаний.

В отличие от индивидуальных (материальных и духовных) интересов, общественные интересы, включая национальные интересы, являются интересами всегда материальными и потому существуют объективно. Это определяется тем, что различные социальные общности и объединения составляют вполне материальные образования, которые имеют свои особые потребности и интересы. Осуществление этих потребностей и интересов служит условием бытия социальных общностей и объединений. При этом национальные интересы имеют свои особенности, которые можно раскрыть,

опираясь помимо прочего и на представления о сущности индивидуальных интересов.

Библиографический список

1. Александров Д.В. Понятие «интерес» в современной западной социологии // Соц. исследования. 2014. № 8. С. 55 - 66.
2. Большой психологический словарь. М.: АСТ, 2009.
3. Гончарова А.Н. Проблема согласования общественных и личных интересов в процессе построения гражданского общества. Красноярск, 2001 // http://www.allpravo.ru/library/doc108p0/instrum4247/item4250.html#_ftn20 (Дата обращения: 15.01.2015 г.).
4. Демин М.В. Проблемы теории личности. М.: МГУ, 1977.
5. Задохин А.Г. Категория «национальные интересы» в российском политическом сознании // Обозреватель-Observer. 2013. № 1. С. 8 - 29.
6. Изард К. Эмоции человека. М.: МГУ, 1980.
7. Ильин В.И. Социология потребления // <http://www.consumers.narod.ru/author.html> (Дата обращения: 10.02.2015 г.).
8. Меньшикова Е.А. Психолого-педагогическая сущность познавательного интереса // Вестник Томск. гос. пед. ун-та. 2008. №3. С. 16 - 20.
9. Отюцкий Г.П. Методологические проблемы обеспечения духовной безопасности в основополагающих государственных документах // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2014. № 10.
10. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. // <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html> (Дата обращения: 17.03.2015 г.).

11. Трухачёв В.В. Сущность и содержание политических механизмов формирования и реализации национальных интересов // Вестник РУДН. Сер. «Международные отношения». 2010. № 2. С. 17 - 27.
12. Улитин Р.Р. Соотношение понятий «национальный интерес» и «национальная безопасность» в трудах западных и отечественных исследователей // Вестник Нижегородск. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер. Международные отношения, политология, регионоведение. 2003. № 1. С. 129 - 137.
13. Федякин А.В. Теоретико-методологические и философские аспекты изучения национальных интересов // Аспекты: Сб. статей по философским проблемам истории и современности. М.: МГУ, 2003. Вып. II. С. 308 - 326.

РЕЦЕНЗИЯ

**на статью доктора философских наук А.А. Борисенкова
«Понятие индивидуального интереса и его значение для
изучения национальных интересов»**

Актуальность исследования заключена в необходимости совершенствования межнациональных отношений, формирование которых обусловлено национальными интересами, образующими определенное основание данных отношений. В свою очередь, изучение национальных интересов сопряжено с необходимостью раскрытия их сущности и видов, выяснения их значения для жизни национального общества. Категория "национальный интерес" является одной из основных и распространённых в системе понятий, раскрывающих теорию международных отношений. При этом содержание понятия "национальный интерес" остается дискуссионным и в отечественной, и в зарубежной политической науке.

Автор рецензируемой статьи ставит задачу изучения национальных интересов, опираясь прежде всего на содержание понятия индивидуального интереса, представляющего собой более простое явление и способного тем самым послужить методологическим основанием для данного исследования. Статья носит критический характер, в ней анализируются имеющиеся представления о сущности интереса, отмечаются противоречивость и некорректность некоторых определений. Вместе с тем автор предлагает и обосновывает своё толкование этого явления, определяет сущность индивидуального интереса, подчёркивает значение представлений об этом интересе для последующего раскрытия особенностей национальных интересов.

Привлекает внимание стремление провести более последовательное разграничение интересов и потребностей как

различных факторов человеческой активности. Одновременно показана особая связь этих явлений, состоящая в том, что потребности человека образуют основание для возникновения интересов. Немаловажно для понимания сущности всяких интересов правильное толкование роли сознания в их формировании и существовании. Автор подчёркивает независимость материальных и, в частности, национальных интересов от сознания человека и вместе с тем отмечает его значение для их правильного понимания. Интересны размышления об особенностях духовных интересов. Но, пожалуй, главным достижением статьи является определение индивидуального интереса, который трактуется автором как особое свойство человека присваивать предмет своей потребности. Определение оригинально, оно чётко характеризует сущность интереса как явления. Аргументы, приводимые автором в обоснование данного определения, логичны и вполне убедительны.

Вывод: статья вызывает научный интерес, побуждает к дальнейшему размышлению в рамках поставленной проблемы и заслуживает публикации.

**Заместитель главного редактора журнала
«Демократия и социализм XXI»,
доктор философских наук**

М.Е. Котельников

E-mail: mekmoji@gmail.com

И.Р. РУСТАМБЕКОВ,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой
«Международное коммерческое (частное) право»
Ташкентского государственного юридического университета
E-mail: uzmailbox@rambler.ru

**ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ
СЕТИ ИНТЕРНЕТ
(ПРИНЦИПЫ ИНТЕРНЕТ ПОЛИТИКИ)**

Статья посвящена анализу международно-правовых аспектов регулирования сети Интернет, в частности основным принципам Интернет политики, которые получили свое отражение в международных документах. В статье рассмотрены основные принципы и их значения. В заключении указывается на целесообразность разработки и принятия единого международного документа, направленного на регулирование сети Интернет и Интернет отношений, а также унификацию национальных законов.

Ключевые слова: Интернет, Интернет политика, Интернет отношения, Окинавская хартия, принципы Интернет.

I.R. RUSTAMBEKOV,
PhD in Law, associate professor, head of Department
«International commercial (private) law»
Tashkent state University of law
E-mail: uzmailbox@rambler.ru

BASIC PRINCIPLES OF INTERNET REGULATION (PRINCIPLES OF INTERNET POLICY)

Article is devoted to the analysis of international legal aspects of regulation of the Internet, in particular the basic principles of the Internet policy which is reflected in the international documents. In the article the basic principles and their values are considered. In the conclusion it is indicated expediency of development and adoption of the uniform international document directed on regulation of the Internet and the Internet relations, and also unification of national laws.

Keywords: *Internet, Internet policy, Internet-relations, Okinawa Charter, Internet Principles.*

Развитие информационных технологий приносит человечеству огромные достижения и возможности. В то же время это приводит к возникновению новых отношений, которые, в свою очередь, требуют правового регулирования, создания и развития нормативной основы. Одним из самых известных и широко распространенных результатов развития информатизации является всемирная сеть Интернет.

Следует отметить, что мировое сообщество уже давно озабочено вопросами правового регулирования сети Интернет или ее отдельных сфер и признает востребованность ее международно-правового регулирования.

Свое влияние на развитие Интернет сферы и определение направления внутригосударственной и межгосударственной политики в отношении Интернет оказали Принципы политики открытого Интернет [Open Internet Policy Principles // <http://www.well.com>] (далее – Принципы). Данные Принципы были разработаны Институтом «Открытое общество» и представлены в Брюсселе в ноябре 1996 г.

Основной целью указанного документа было привлечение внимания влиятельных политических кругов мира к пожеланиям и требованиям пользователей Интернета при определении направлений своей внутригосударственной и межгосударственной политики в отношении Интернет. Другой целью Принципов можно считать создание специфической универсальной «модели законодательной и властной структуры, которая могла бы применяться по всему земному шару представителями правительства, правовыми и негосударственными организациями, вынужденными принимать решения об использовании Интернета и соответствующих технологий» [Скилингз Д., Эссик К. Каким быть «Принципам политики открытого Internet» // Computerworld. 1997. № 15. С. 29].

Их суть сводится к тому, что национальное законодательство государства, которое обращено на регулирование отношений в киберсреде, должно быть основано на следующих основополагающих началах.

1. Доступ к глобальной сети Интернет

Очевидно, что в настоящее время доступ к сети Интернет является самым простым, общедоступным фактом, т.е. данный принцип обеспечивается почти во всех странах мира.

Согласно этому принципу информация может распространяться свободно и регулироваться на основании международных договоров, анонимность пользователей Сети должна быть их основным правом, а Сеть – децентрализованным средством массовой информации.

2. Свобода слова в сети Интернет

Данный принцип в целом обозначает группу прав и свобод, включая свободу выражения убеждений, свободное

функционирование средств массовой информации, свободу распространения информации любым законным способом.

Свобода информации как свобода выражения своих мыслей не зависит от носителя и способа передачи информации, в том числе и через сеть Интернет.

Следует напомнить, что информационные права стали выделять в отдельную категорию сравнительно недавно. Если рассматривать исторические справки, то первое упоминание о необходимости обеспечения "свободы информации" имело место после Второй мировой войны на американской конференции в Мехико в 1945 г. Однако оно звучало в контексте свободы международного обмена информации [Колосов Ю.М. Массовая информация и международное право. М., 1974. С. 117, 118]. Право на свободу информации, включающее возможность собирать, передавать и обнародовать информацию и оформившееся в качестве одного из фундаментальных прав человека, впервые было закреплено в 1946 г. в Резолюции 59 (I) Генеральной Ассамблеи ООН, именуемой как "Созыв международной конференции по вопросу о свободе информации". В дальнейшем это право документально было закреплено как не имеющее государственных границ.

Согласно ст. 19 Декларации прав человека свобода убеждений и свободное выражение их, составляющие право каждого, включают в себя свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ. Это дает основание утверждать, что свобода информации есть необходимое условие свободы мысли. Само же право на свободу мысли, мнения, печати, использования информации, свободный доступ к ней и проч. проистекает из прав человека.

В соответствии с положениями Международного пакта о гражданских и политических правах такие ограничения

могут быть оправданы, если они являются необходимыми, и возможны при обеспечении следующих условий:

государственное вмешательство возможно лишь на основании закона;

ограничения, предусматриваемые нормативными правовыми актами, «должны достигать и преследовать цель, признанную законной согласно международному праву, и ограничению надлежит быть необходимым для защиты или преследования этой законной цели» [Пособие по свободе слова для стран Центральной Азии. Артикул 19. Лондон, 2007. С. 45].

3. Конфиденциальность коммуникаций в сети Интернет

Согласно данному принципу сведения о пользователях должны оставаться конфиденциальными. Так, в сети Интернет запрещается осуществление незаконного сбора, хранения, использования и передачи персональной информации, а также данных о деятельности в Сети, включая сведения о просматриваемых страницах, ссылках, на которые нажимает пользователь, и другие его действия.

4. Право на анонимность в сети Интернет

Проблемы обеспечения конфиденциальности и безопасности в открытой компьютерно-опосредованной коммуникации являются первоочередными потому, что их игнорирование влечет немедленное нарушение основных прав и свобод человека, способствует процессам разрушения экономических связей. Например, даже поверхностный анализ содержимого сайтов сети Интернет и сетевых электронных СМИ дает большое количество примеров умаления достоинства личности, нарушения права на неприкосновенность частной жизни, права на личную и семейную тайну, попыток лишить граждан чести и доброго

имени. Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не только возможны в сети Интернет, но и заложены в ее идеологию еще при разработке. При всем этом процедуры автоматического обеспечения прав личности в компьютерно-опосредованной коммуникации отсутствуют [Яковлев А.Н. Конфиденциальность и безопасность в открытой компьютерно-опосредованной коммуникации // http://www.russcomm.ru/rca_biblio/ya/yakovlev.shtml].

Как отмечает А. Власенко, принципы «доступа к сети Интернет и интернету» и «право на анонимность в сети Интернет» противоречат принципу о применении гражданской и уголовной ответственности к участника виртуального пространства. В частности, он рассуждает так: если в первом случае информация может распространяться свободно и регулироваться на основании международных договоров, анонимность пользователей Сети должна являться их основным правом, а Сеть – децентрализованным средством массовой информации, то в принципе об ответственности, предусмотренной законодательством, сказано, что государство должно охранять уголовные и гражданские права в Сети. Он указывает на несогласованность этих положений: «пресекая противоправную деятельность участников Сети, мы одновременно обязаны нарушить права анонимности и свободного распространения информации, на котором построена децентрализованная система Интернета» [Власенко А. Формирование механизмов правового регулирования и охраны объектов авторского права в сети Интернет // Право и жизнь. 2009. № 9].

Хотя мы не усматриваем в этом никакого противоречия, поскольку даже в фундаментальных международно-правовых документах предусмотрены

исключения, при которых права граждан могут быть ограничены (например, Пакт о гражданских и политических правах человека и гражданина).

5. Неограниченное право на использование шифрования

По данному принципу в целях обеспечения безопасности и конфиденциальности службы в сети Интернет могут использовать шифрование в нужном и объеме, и сложности. Данное право не может быть ограничено.

6. Универсальная законодательная основа для урегулирования отношений в сети Интернет

Следует отметить, что это является самой злободневной темой в вопросе правового регулирования отношений в сети Интернет. Мировое сообщество и всяческие организации непосредственно утверждают потребность единообразной или универсальной законодательной основы урегулирования отношений в сети Интернет. Это характеризуется глобальностью Сети и проблемами определения юрисдикции.

7. Недопущение нежелательного контента Интернет

Указанный принцип больше сводится к этике пользования Интернет сетью. Данный принцип затрагивает тему о том, что следует относить к "нежелательному контенту" и как контролировать обращение такой информации в глобальной Сети.

8. Гражданская и уголовная ответственность к участникам сети Интернет

В настоящее время каждое государство самостоятельно решает, в каких случаях применить гражданскую или уголовную ответственность к участникам Сети. В тех случаях, когда это возможно, к отношениям виртуального пространства применяют обычное, не

специальное законодательство. В иных же – требуется привлечение сил, возможностей и ресурсов других государств. В данном случае мы находим взаимосвязь этого принципа с принципом 6 и считаем, что для разрешения данной проблемы требуется воля ни одного государства, а целого конгломерата заинтересованных стран.

Согласно данному принципу государство должно охранять уголовные и гражданские права в Сети.

9. Доступ к информации, находящейся в ведении государства посредством сети Интернет

На сегодняшний день данный принцип становится одним из самых актуальных и подразумевает право общества на получение от государственных служб информации, имеющей общественное значение.

Следует отметить, что ныне все развитые государства внедряют систему «Электронное правительство» и стараются обеспечить своих граждан свободным доступом к информации, находящейся в ведении государства, и предоставить возможность электронного обращения посредством сети Интернет.

10. Оказание помощи зарубежным странам по доступу к сети Интернет

Данный принцип подразумевает, что развитые государства должны оказывать помощь другим развивающимся государствам в целях развития информатизации и обеспечения населения доступом в Интернет.

11. Построение свободного Интернет рынка

Безусловно, Интернет рынок развивается стремительно, не ожидая принятия специальных законодательных актов. Однако "за кадром" остается целый пласт нерешенных проблем. Крайне важным является решение вопроса о защите прав потребителей, с одной

стороны, и реализаторов услуг и продавцов - с другой, при совершении сделок посредством сети Интернет.

Другим документом, определяющим направления развития общества в новых условиях, является Окинавская хартия глобального информационного общества 2000 г. [Окинавская хартия глобального информационного общества // <http://www.lawmix.ru/abro/4353>] (далее – Окинавская хартия). В ней говорится о том, что информационно-коммуникационные технологии - одни из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества XXI в. Необходимо приложить усилия для того, что они служили достижению взаимодополняющих целей обеспечения устойчивого экономического роста, повышения общественного благосостояния, стимулирования социального согласия и полной реализации их потенциала в области укрепления демократии, транспарентного и ответственного управления международного мира и стабильности. Хартия призывает все государства, а также частный сектор ликвидировать международный разрыв в области информации знаний и вести эффективное партнерство среди участников, включая совместное политическое сотрудничество, которое является ключевым элементом рационального развития информационного общества.

В Окинавской хартии изложены основные принципы и подходы, направленные на развитие информационного общества:

продолжение содействия развитию конкуренции и открытию рынков для информационной технологии и телекоммуникационной продукции и услуг;

защита прав интеллектуальной собственности на информационные технологии;

обязательство правительств использовать только лицензированное программное обеспечение;

развитие услуг, включая телекоммуникации, транспорт, доставку посылок;

развитие трансграничной электронной торговли;

выработка саморегулирующих инициатив, таких как кодексы поведения, маркировка и другие программы подтверждения надежности, и изучение вариантов устранения сложностей, которые испытывают потребители в ходе трансграничных споров, включая использование альтернативных механизмов разрешения споров;

освобождение электронных переводов от таможенных пошлин;

разработка механизма защиты личной жизни потребителя, а также защиты личной жизни при обработке личных данных, обеспечивая при этом свободный поток информации;

развитие функционирования электронной идентификации, электронной подписи, криптографии и других средств обеспечения безопасности и достоверности операций.

Все эти принципы должны отражаться в национальных законах стран в целях правильного и единообразного урегулирования сети Интернет и Интернет отношений. В целом можно указать, что законодательство, затрагивающее сеть Интернет, должно основываться на данных принципах.

В заключение следует отметить, что динамичность сети Интернет указывает на то, что существует необходимость в принятии мер и разработки механизмов по ряду вопросов как на международном, так и на национальном уровне. В данном аспекте в направлении совершенствования правового регулирования сети Интернет считается необходимым разработка и принятие единого

международного документа, направленного на международно-правовое регулирование сети Интернет и унификацию национальных норм.

Библиографический список

1. Власенко А. Формирование механизмов правового регулирования и охраны объектов авторского права в сети Интернет // Право и жизнь. 2009. № 9.
2. Колосов Ю.М. Массовая информация и международное право. М., 1974. С. 117, 118.
3. Окинавская хартия глобального информационного общества: <http://www.lawmix.ru/abro/4353>
4. Пособие по свободе слова для стран Центральной Азии. Артикль 19. Лондон, 2007. С. 45.
5. Принципы политики открытого Интернета (Open Internet Policy Principles) // <http://www.well.com/~declan/nym/soros.0597.txt>
6. Скилингз Д., Эссик К. Каким быть «Принципам политики открытого Internet» // Computerworld. 1997. № 15. С. 29.
7. Яковлев А.Н. Конфиденциальность и безопасность в открытой компьютерно-опосредованной коммуникации // http://www.russcomm.ru/rca_biblio/ya/yakovlev.shtml

А.Н. ОПРЫШКО,
соискатель Московского института экономики,
политики и права

СПОРТИВНЫЙ КОДЕКС – ОСНОВА СИСТЕМАТИЗАЦИИ СПОРТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Регламентация уголовно-правовых аспектов спортивной деятельности необходима. Примером таковой может служить действующий Спортивный кодекс Франции.

Ключевые слова: Спортивный кодекс Франции, спортивные правонарушения, Международный олимпийский комитет, Спортивный арбитражный суд, Российский футбольный союз.

A.N. OPRYSHKO,
postgraduate of Moscow Institute of Economics, politics and law

SPORT CODE IS - THE BASIS OF SYSTEMATIZATION IN BREAKING SPORT LAWS

Regulation of criminal legal aspects of sports activities required. Example it may serve as a valid Sporting code of France.

Keywords: Sporting code of France, sport offences, the international Olympic Committee, Sports arbitration court, the Russian football Union.

Регламентация уголовно-правовых аспектов спортивной деятельности необходима. Примером таковой может служить действующий Спортивный кодекс Франции.

Что такое спорт сегодня: во-первых, - это социальное явление, во-вторых, - это бизнес, в-третьих, - это трудовые отношения и т.д. Ряд законодательных актов различных от-

раслей права (гражданского, трудового, налогового, административного) регулирует те или иные отношения в области спорта. Однако, как представляется, назрела необходимость выделения их в самостоятельную отрасль – «спортивное право», что требует отдельной кодификации.

Сейчас принята практика использования специализированных третейских судов при решении спортивных споров, так как это позволяет сочетать наличие необходимых знаний в области спорта, независимость и оперативность их функционирования с обязательностью решений. Широкую известность приобрели такие организации, как Бельгийская арбитражная комиссия по спорту, Палата по решению споров в области спорта в Италии, Национальный спортивный центр по разрешению споров в Австралии и др.

Начиная с 1996 г. международный Спортивный арбитражный суд в Лозанне (CAS) обеспечивает функционирование специально создаваемого отделения CAS на крупнейших международных спортивных форумах, таких как Олимпийские игры (с 1996 г.), Игры Содружества (с 1998 г.), чемпионаты Европы и Мира по футболу (с 2000 и 2006 гг. соответственно), Азиатские игры (с 2014 г.).

Фактически CAS имеет статус единственного судебного органа международного спортивного движения, полномочного рассматривать любые споры, возникающие в области спорта. Решения CAS имеют обязательную силу для всех участников международных спортивных соревнований и обжалованию не подлежат. К основным функциям международного Спортивного арбитражного суда относятся:

во-первых, международный Спортивный арбитражный суд непосредственно рассматривает споры, возникшие в области спортивной деятельности, в качестве арбитражного органа первой и последней инстанции;

во-вторых, выступает в качестве органа правовой защиты и последней инстанции по апелляции одной стороны спора на решение, принятое руководящими органами международных или национальных федераций и других спортивных организаций;

в-третьих, дает юридические консультации по основным проблемам спортивной деятельности, не связанным непосредственно с возникновением споров.

В последнее время при разрешении спортивных споров стал использоваться также арбитраж *ad hoc*. Такой вид арбитража предусмотрен, к примеру, Соглашением между Национальной хоккейной лигой США и Международной федерацией хоккея на льду. Соответственно, правовая природа данного арбитража основана на договорном характере субъектов спортивной деятельности.

На международном уровне известность получил Спортивный арбитражный суд в Лозанне. В 1981 г., вскоре после своего избрания Президентом Международного олимпийского комитета (МОК), Хуан Антонио Самаранч выступил с идеей создания специализированного органа, в компетенцию которого входило бы разрешение возникающих споров и решения которого имели бы обязательную силу для всех субъектов международного спортивного движения.

В 1994 г. произошла реформа деятельности CAS, отражённая в Парижском соглашении 1994 г. [Дополнения и изменения в этот документ были внесены 1 июля 2011 г. (см. официальный текст на сайте // <http://www.tas-cas.org>)]. Оно предусматривало значительное реформирование CAS и создание основными субъектами международного спортивного движения (МОК, Ассоциация международных федераций по летним видам спорта, Ассоциация международных федераций по зимним видам спорта, Ассоциация национальных олимпийских комитетов) Международного совета по спорту.

В компетенцию последнего входит организационное и финансовое обеспечение деятельности CAS, утверждение Устава, Регламента рассмотрения дел и Списка арбитров CAS.

Круг сторон спортивных споров чрезвычайно широк. Ими могут быть как непосредственно спортсмены и спортивные организации, так и компании, не имеющие прямого отношения к спорту, такие как телевизионные и радиовещательные каналы, спонсоры, агенты, производители спортивных товаров и т.д.

Суды руководствуются следующими принципами:

1) независимость, которая выражается как в финансовой независимости деятельности спортивных судов в соответствии с их финансовыми регламентами, так и в независимости арбитров от сторон спора;

2) конфиденциальность процедуры, в соответствии с которой арбитры обязуются не разглашать третьим лицам факты и другую информацию, имеющую отношение к спору и процедуре;

3) быстрота процедуры - ускоренная процедура, где предусмотрена возможность по взаимному согласию сторон прибегнуть к ускоренной процедуре, правила которой определяет группа арбитров, рассматривающая спор;

4) экономия средств, связанная с практически полной бесплатностью проведения процедур и консультационной деятельности.

Регулирование определенной сферы общественных отношений, связанной со спортивными соревнованиями, а также применение ответственности за нарушение установленных правил осуществляется спортивными федерациями. Такая деятельность спортивных федераций иногда называется «внутрикорпоративное регулирование» или «спортивное регламентное регулирование».

В сфере спорта есть своя система ответственности, которая призвана обеспечить соблюдение правил, установленных для всех субъектов спортивных отношений (организаторов соревнований, спортсменов, тренеров, судей и т.д.).

Наличие собственных правил является обязательным признаком, содержащимся в определении понятия «вид спорта», данном в Федеральном законе от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». Эти правила должны обеспечить честность и беспристрастность спортивных соревнований.

Практически в каждом виде спорта по мере его развития появились правила, регулирующие деятельность участников соревнований за пределами спортивной площадки. Такие правила могут регулировать, в частности, порядок переходов спортсменов, регистрацию для участия в соревнованиях, подготовку спортивных сооружений к соревнованиям, условия обеспечения общественного порядка в местах проведения спортивных соревнований, соблюдение морально-нравственного облика спортсмена и т.д.

Например, в соответствии с решением Палаты по разрешению споров ФИФА от 16 ноября 2012 г. (мотивировочная часть была направлена сторонам 1 февраля 2013 г.) профессиональный футболист Исмаэль Бангура должен был выплатить ФК «Al Nasr Sports Club» 4.5 млн евро в качестве компенсации за расторжение трудового договора без обоснованных причин в течение защищенного периода (ст. 17 Регламента ФИФА по статусу и переходам футболистов) (далее – Регламент). ФК «Нант» также был признан солидарно ответственным за выплату указанной компенсации (ст. 17.2 Регламента).

Кроме того, футболист был дисквалифицирован от участия в любых официальных матчах на четыре месяца с момента вынесения решения Палаты ФИФА (ст. 17.3 Регла-

мента), три из которых на момент получения решения истекли. На ФК «Нант» была также наложена санкция в виде запрета регистрировать новых футболистов в течение ближайших двух регистрационных периодов за склонение Бангуры к расторжению трудового договора в защищенный период (ст. 17.4 Регламента – спортивные санкции).

Или, например, Спортивный арбитражный суд в Лозанне удовлетворил апелляционную жалобу велокоманды «Катюша» против решения Международного велосипедного союза (UCI) отозвать у велокоманды лицензию на участие в Мировом туре 2013 г.

К лишению «Катюши» лицензии привело решение аудиторов, нанятых Комиссией по лицензированию UCI, которые нашли нарушения командой регламента. 10 декабря 2012 г. решением Комитета по лицензированию команде «Катюша» было отказано в выдаче разрешения на участие в сезоне 2013 г.

20 декабря 2012 г. команда «Катюша» подала апелляцию в CAS с требованием отменить решение Комиссии по лицензированию UCI и допустить команду до соревнований 2013 г.

Слушания в CAS состоялись 8 января 2013 г. По итогам слушаний CAS не пришел к такому же выводу, что и Комиссия по лицензированию UCI, и удовлетворила жалобу «Катюши». Согласно вынесенному решению UCI была обязана выдать команде профессиональную лицензию на сезон 2013 г.

Можно привести ещё один пример. 14 мая стало известно о том, что Спортивный арбитражный суд г. Лозанны отклонил жалобу футбольного клуба «Зенит» на решения КДК и Апелляционного комитета Российского футбольного союза

(РФС) по матчу чемпионата России по футболу между командами «Динамо» и «Зенит».

За петарду, брошенную с трибуны одним из зрителей и попавшую в голкипера бело-голубых Антона Шунина, к санкт-петербургскому клубу были применены санкции: техническое поражение, денежный штраф и проведение двух домашних матчей без зрителей.

Подчинившись вступившему в законную силу решению КДК РФС, «Зенит» провел два домашних матча без зрителей, однако впоследствии клуб обратился с жалобой в CAS, добиваясь отмены технического поражения и пытаясь взыскать с РФС понесенные убытки.

Из сообщения на официальном сайте CAS последовало, что «Спортивный арбитражный суд принял решение по некоторым пунктам дела, чтобы скорее закрепить результат матча: он отклонил апелляцию “Зенита” по этому вопросу и утвердил результат, назначенный органами РФС (3:0). Суд также отклонил требования “Зенита” применить санкции к Московскому “Динамо”».

Спортивная ответственность выполняет функцию обеспечения честной спортивной борьбы и равенства участников соревнований. Эта специфическая функция характерна только для спортивной ответственности.

Так, ФИФА подтвердила пожизненную дисквалификацию нескольких южнокорейских футболистов, участвовавших в договорных матчах в национальном чемпионате летом 2011 г. Футболистам было запрещено какое-либо участие не только в футбольных соревнованиях, но и в любой административной футбольной деятельности.

При этом Дисциплинарный комитет ФИФА распространил указанные санкции в международном масштабе.

Помимо указанных футболистов еще к 21 игрокам, содействовавшим расследованию и признавшим свою вину,

была назначена условная дисквалификация на период от двух до пяти лет. Футболисты также должны были принять участие в общественных работах в течение 200-500 часов.

Испытательный срок означал, что тот футболист, который имел желание вернуться к своей основной футбольной деятельности, должен был посвятить себя выполнению общественно полезных работ, связанных с футболом, на тот срок, на который на него была наложена условная дисквалификация. Такими общественно полезными работами могли быть: проведение футбольных занятий в любительских футбольных клубах, тренировка молодежных команд, преподавание людям с ограниченными возможностями, а также участие в мероприятиях, пропагандирующих запрет на договорные матчи.

Футболисты, участвующие в таких работах, должны были ежемесячно отчитываться о выполненной работе перед Лигой и Федерацией с приложением письменных, а также фото- и видео-доказательств. После окончания указанного испытательного срока разрешение на участие в футбольных матчах давала Федерация футбола Кореи.

Помимо корейских футболистов ФИФА также пожизненно дисквалифицировала 70 итальянских и 58 китайских футболистов за участие в договорных матчах.

К принципам спортивной ответственности относятся следующие:

1) принцип законности - означает, что процедура применения спортивной ответственности к субъектам физической культуры и спорта должна соответствовать положениям спортивных регламентов и правилам видов спорта;

2) принцип обоснованности - означает, что спортивная ответственность должна наступать за совершение спортивного правонарушения (т.е. являться следствием такого наруше-

ния), при этом должны быть все признаки спортивного правонарушения (субъект и объект правонарушения, а также субъективная и объективная сторона правонарушения), а также неопровержимые доказательства его совершения;

3) принцип неотвратимости – означает, что за каждым спортивным правонарушением должно следовать применение спортивных санкций, т.е. наказание должно быть неизбежным;

4) принцип справедливости – означает, что применяемые спортивные санкции должны соответствовать тяжести совершенного спортивного нарушения, а также обстоятельствам совершения;

5) принцип гуманизма – означает, что спортивные санкции не должны унижать человеческое достоинство и причинять физические страдания, при этом при применении спортивных санкций необходимо учитывать мотивы и смягчающие обстоятельства.

Безусловно, спортивному правонарушению также характерны противоправность, виновность и наказуемость.

Дисциплинированный регламент РФС содержит такое понятие, как «дисциплинарное нарушение», под которым понимается виновно совершенное деяние (действие или бездействие), выразившееся в нарушении правил, установленных настоящим Регламентом, регламентами соревнований и правилами игры.

Противоправность означает, что спортивное правонарушение всегда противоречит и противостоит правомерному поведению. Виновность предполагает, что лицо, совершающее правонарушение, понимает фактические признаки ситуации и сознательно направляет умственные и физические усилия на выбор и осуществление определенного варианта поведения.

Наказуемость означает применение спортивных санкций.

Спортивное правонарушение может быть как в форме действия (например, удар соперника, использование ненормативной лексики и т.п.), так и в форме бездействия (например, не предоставление видеозаписи матча в соответствии с регламентом соревнования, не обеспечение общественного порядка на стадионе и т.п.).

Наличие состава спортивного правонарушения является основанием для привлечения виновного лица к спортивной ответственности.

Отсутствие одного или нескольких признаков состава спортивного правонарушения не позволяет привлечь лицо к спортивной ответственности.

Состав спортивного правонарушения не отличается от состава другого правонарушения и включает в себя следующие признаки:

- объект спортивного правонарушения;
- субъект спортивного правонарушения;
- объективная сторона спортивного правонарушения;
- субъективная сторона спортивного правонарушения.

Объекты спортивного правонарушения могут быть общими либо специальными. Общим объектом спортивного правонарушения выступает целостность, зрелищность спортивных соревнований, состязательность и честная спортивная борьба. Специальными объектами правонарушений выступают конкретные блага, честь, достоинство, здоровье спортсмена, безопасность участников соревнований и зрителей и т.д.

Применительно к спортивным нарушениям специальными объектами могут выступать здоровье спортсмена, зри-

тельский интерес болельщика, нормальные условия проведения соревнований и т.д.

Субъектом спортивного правонарушения являются субъекты физической культуры и спорта, признающие нормы, утвержденные общероссийскими спортивными федерациями. Это вытекает из п. 5 ч. 1 ст. 16 Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». Перечень субъектов физической культуры и спорта закреплен в ст. 5 вышеназванного Федерального закона.

Таким образом, субъектом спортивного правонарушения может быть не любое лицо. Субъект спортивного правонарушения во всех случаях имеет характер специального субъекта. Например, субъектом спортивного правонарушения могут быть спортсмен, тренер, иной специалист в области физической культуры и спорта (врач, массажист, руководитель спортивного клуба) и т.д.

В большинстве случаев лицо привлекается к спортивной ответственности независимо от формы вины.

Так, не имеет значения, умышленно или по неосторожности игрок команды отобрал мяч у соперника с чрезмерной грубостью. Возможно только умышленное деяние: вмешательство запасного игрока в ход матча, умышленный толчок или удар соперника без борьбы за мяч и т.п.

Особое внимание следует уделить вине юридических лиц. В данном случае нельзя говорить об умысле или неосторожности, поскольку юридическое лицо, по сути, является юридической фикцией, в отношении него нельзя установить психическое отношение субъекта к своему деянию и его последствиям. Вопрос с виной юридического лица нужно решать так же, как при административной ответственности. Часть 2 ст. 2.1 КоАП РФ устанавливает, что юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась

возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых настоящим Кодексом или законами субъекта Российской Федерации предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению.

По аналогии юридическое лицо признается виновным в совершении спортивного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых предусмотрена спортивная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению. Соответствующая норма закреплена в ч. 2 ст. 5 Дисциплинарного регламента РФС.

Виды спортивных правонарушений могут различаться в зависимости от вида спорта. Организаторы соревнования в каждом виде спорта самостоятельно определяют неправомерные деяния, совершение которых недопустимо и наказуемо.

По моменту совершения спортивные правонарушения могут быть:

соревновательные, т.е. совершенные во время проведения соревнований (например, удар соперника, фол последней надежды и т.п.);

внесоревновательные, т.е. совершенные не в момент проведения соревнований, за пределами спортивной площадки (оскорбительное поведение после матча, использование подложных документов при регистрации для участия в соревнованиях и т.п.);

нарушения установленных правил проведения соревнования (положение вне игры, агрессивное поведение, игра рукой и т.п.);

нарушения установленных правил организации соревнования (нарушение правил дистанции спортсменов для уча-

ствия в матче дисквалифицированного игрока, не обеспечение условий для проведения матча, неучастие в организационном совещании перед матчем и т.п.);

нарушения против здоровья участников соревнований (удар или толчок соперника, умышленное нанесение травмы сопернику и т.п.);

нарушения общественного порядка в местах проведения соревнований (неправомерное поведение зрителей, использование зрителями пиротехнических средств, скандирование зрителями ненормативной лексики и т.п.);

нарушения против экономических интересов организаторов соревнований (срыв телевизионной трансляции, размещение рекламы спонсоров соревнований и т.п.);

иные нарушения в зависимости от специального объекта, на который они посягают.

Спортивные правонарушения также можно классифицировать по совершающим им субъектам: правонарушения спортсменов, тренеров, клубов, спортивных судей и т.п.

По субъективной стороне правонарушения: правонарушения, совершаемые только с умыслом, совершаемые умышленно или по неосторожности.

Следует отметить, что это далеко не полный перечень оснований для классификации спортивных правонарушений. Общероссийские спортивные федерации вправе «утверждать нормы, устанавливающие права и обязанности, в том числе спортивные санкции, для признающих такие нормы субъектов физической культуры и спорта» [Пункт 5 ч. 1 ст. 16 Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»].

Спортивные санкции по своей правовой природе схожи с санкциями, применяемыми к членам саморегулируемых организаций или членам религиозных организаций. Они, как и любые другие санкции, являются мерой ответственности,

применяемой к лицу за нарушение определенного правила поведения.

Действующее законодательство устанавливает возможность применения спортивной дисквалификации спортсмена исключительно по решению международной спортивной федерации по соответствующему виду спорта или национальной федерации. Последующие спортивные санкции применяются за нарушения, допущенные не только во время проведения спортивных соревнований, но и в других ситуациях, предусмотренных спортивными регламентами.

Дисциплинированный регламент КХЛ: сезоны 2011/2012, 2012/2013, 2013/2014 устанавливал, например, следующие виды санкций:

1. Спортивное корпоративное предупреждение - профилактическая мера, являющаяся достаточной в силу малозначительности последствий нарушения, а также признания вины нарушителем и согласия добровольно исполнить решение (определение) уполномоченного органа о применении наказания.

2. Спортивный корпоративный штраф – денежное взыскание на физическое или юридическое лицо, накладываемое уполномоченными органами в системе КХЛ.

3. Штраф за нарушение Правил игры в хоккей, т.е. штраф, накладываемый судьей в случае нарушения хоккеистом во время матча Правил игры в хоккей: малый штраф – 2 мин., малый скамеечный штраф - 2 мин., большой штраф – 5 мин., дисциплинарный штраф - 10 мин., дисциплинарный штраф - до конца игры, матч - штраф, штрафной бросок.

4. Спортивная корпоративная дисквалификация:

для физического лица - лишение права занимать любые должности и исполнять обязанности, в том числе спортсмена-инструктора, спортсмена-хоккеиста, тренера, врача, ме-

неджера, директора и др., либо лишение права быть назначенным лицом, выполняющим управленческие функции в структуре клубов КХЛ, ВХЛ, МХЛ и данных лигах в целом, на определенный срок или бессрочно.

Так, в конце января 2012 г. УЕФА дисквалифицировала вратаря ФК «Шахтер» (Донецк) Александра Рыбку на два года в связи с положительным результатом допинг-пробы. По информации СМИ, голкипер принимал препарат для снижения веса, содержащий запрещенные вещества. В марте апелляционный комитет УЕФА оставил в силе двухлетнюю дисквалификацию вратаря, после чего клуб решил обратиться в CAS;

для юридического лица - предусмотрено лишение права вступать в спортивные корпоративные отношения с другими юридическими лицами, в том числе с клубами, в структуре КХЛ, ВХЛ, МХЛ, быть участником чемпионата на определенный срок или бессрочно.

5. Дисквалификация на определенное количество матчей, на определенный период - запрет на участие в предстоящем матче согласно Правилам игры в хоккей или запрет на участие в соревнованиях, матчах в течение определенного срока согласно указанным Правилам.

6. Спортивная дисквалификация - запрет на участие в предстоящем матче (матчах) или в течение определенного периода в случаях и по основаниям, прямо предусмотренных законодательством Российской Федерации.

7. Запрет на появление в раздевалке и (или) скамейке запасных лишает хоккеиста или иного работника клуба права на вход в раздевалку и (или) нахождение на скамейке запасных, и (или) посещение подтрибунных помещений до, во время или после матча.

8. Проведение матча без зрителей означает, что по решению дисциплинарного комитета или департамента прове-

дения соревнований виновный клуб может быть обязан провести определенный домашний матч без зрителей. На таком матче вправе присутствовать только аккредитованные КХЛ журналисты, работники клубов, представители КХЛ, ВХЛ, МХЛ.

9. Проведение матча в нейтральном дворце спорта в другом городе означает, что решением дисциплинарного комитета или департамента проведения соревнований на виновный клуб может быть возложено обязательство провести определенный домашний матч в другом городе в нейтральном дворце спорта или иной крытой ледовой арене с трибунами для зрителей, соответствующими Правилам игры в хоккей и положениям Технического регламента КХЛ, Регламента ВХЛ, Регламента МХЛ.

10. Техническое поражение засчитывается одной из команд клуба, участвующей в матче, допустившей нарушение, предусмотренное Спортивным регламентом КХЛ, Регламентом ВХЛ, Регламентом МХЛ.

11. Аннулирование результата матча - это отмена фактического результата матча и определение победителя (признание поражения) и результата матча в соответствии с требованиями Спортивного регламента КХЛ, Регламента ВХЛ, Регламента МХЛ по решению дисциплинарного комитета или департамента проведения соревнований.

12. Снятие очков означает, что по решению дисциплинарного комитета или департамента проведения соревнований с виновного лица снимаются очки за достижение спортивного результата в случае допущения лицом нарушений, носящих систематический или длящийся характер.

Дисциплинарный регламент РФС делит все санкции на три вида:

1) общие спортивные санкции, применяемые к физическим и юридическим лицам: замечание, штраф, лишение завоеванных наград;

2) спортивные санкции, применяемые к физическим лицам: предупреждение, удаление, дисквалификация, запрет на осуществление любой связанной с футболом деятельности;

3) спортивные санкции, применяемые к юридическим лицам: проведение матча без зрителей, проведение матча на нейтральном стадионе в другом городе, аннулирование результата матча, присуждение поражения, снятие очков, исключение из числа участников соревнования, перевод в низший по рангу дивизион.

Современный профессиональный спорт – такая же область профессиональной деятельности, как, например, металлургия, юриспруденция или медицина. Сегодня спорт представляет собой не просто набор игровых правил или способ физической или умственной активности. Это - полноценная сфера профессиональной деятельности, которая обладает своими специалистами, правилами и законами развития, своей экономикой и «рынком».

Первая Олимпиада современности в 1896 г. проводилась главным образом за счет пожертвований греков [<http://www.aafia.org/bois/OfficialReports/Mallon/1986.pdf>]. Победитель первого марафонского забега грек Луис Спиридон был почтальоном [[http://ru.wikipedia.org/wiki/Луис Спиридон](http://ru.wikipedia.org/wiki/Луис_Спиридон)], которому власти Греции в награду за победу подарили бочку вина, тонну шоколада, 10 коров, 30 баранов, талон на бесплатное питание в течение года, бесплатный пошив одежды и пользование парикмахерскими услугами на протяжении всей жизни [<http://vespo.com.ua/?con=38cat=27>].

XXX летняя Олимпиада в Лондоне финансировалась спонсорами в размере не менее 2 млрд долл. [[http:](http://)

[//www.guardian.co.uk/sport /datablog/ 2012jul/19 /London - 2012olympic-sponsors-list](http://www.guardian.co.uk/sport/datablog/2012/jul/19/London-2012olympic-sponsors-list)], что составляло, по разным данным, от 5 до 25% всего бюджета игр. Победитель соревнований в беге на 100 и 200 метров Уэйн Болт входит в список 100 самых богатых спортсменов мира, по версии Forbes [[http:// sport.rambler.ru/newstrackandfields/59567763.html](http://sport.rambler.ru/newstrackandfields/59567763.html)].

Следует отметить: чем большую роль имеет финансовая составляющая, тем большей и точной регламентации требуется сфере профессионального спорта.

Так, итальянский футбольный клуб «Рома», разорвавший в одностороннем порядке контракт со своим техническим спонсором – компанией «Карра», готов был встретиться с производителем спортивной экипировки в суде. Пойти на этот шаг руководство футбольного клуба вынудило неудовлетворительное, по их мнению, качество предоставляемой спортивной экипировки. Принимая во внимание ряд серьезных дефектов, обнаруженных в технических материалах линии экипировки сезона 2012/2013, совет директоров клуба решил расторгнуть контракт с «Карра» в связи с невыполнением договорных обязательств.

Или, нападающий московского хоккейного клуба «Динамо» Михаил Анисин выплатил клубу 2/3 суммы заработной платы, не выплаченной за период, оставшийся до истечения срока его контракта. По разным данным, сумма компенсации составила до 25 млн руб. 19 декабря 2012 г. хоккейный клуб «Динамо» (Москва) официально представил в Центральное информационное бюро Континентальной хоккейной лиги пакет документов о досрочном расторжении контракта по инициативе Клуба с профессиональным хоккеистом Михаилом Анисиним по основаниям, относящимся к дисциплинарным взысканиям. Клуб направил документы,

подтверждающие факт отсутствия игрока на рабочем месте в течение всего рабочего дня.

В соответствии с нормами правового Регламента (ст. 29, 32) документы о расторжении контракта были получены от ХК «Динамо», изучены и зарегистрированы ЦИБ КХЛ.

Профессиональный спорт способствует расширению спортивной семьи: чем она больше, тем более она нуждается в своих правилах и даже в своих законах. Поэтому вполне логично, что спорт имеет специальные регулятивные правила. Появление таких правил является необходимым, так как каждую сферу профессиональной деятельности человека невозможно представить без определенных норм поведения. В спорте они могут быть самыми очевидными и базовыми: например, правила самой игры, которых должны придерживаться спортсмены. Однако существуют и более сложные правила и конструкции. Они появляются в первую очередь там, где спорт выходит за границы чисто «спортивного» интереса в сферу экономической.

Так, CAS обязал футбольный клуб «Ростов» расплатиться с московским «Спартаком» за переход в состав донской команды Максима Григорьева, Дмитрия Маляки и Евгения Филиппова. CAS посчитал, что «Ростов» должен заплатить компенсацию за подготовку футболистов Григорьева, Маляки и Филиппова в требуемом «Спартаком» размере. Решение являлось окончательным и обжалованию не подлежало. Была подана жалоба в Палату по разрешению споров РФС по вопросу правомерности переходов игроков. Российская инстанция признала переход игроков не противоречащим Регламенту РФС по статусу и переходам футболистов, а 21 апреля 2011 г. оставила в силе свое решение. «Спартак» впоследствии обратился в вышестоящую инстанцию – CAS, которая удовлетворила иск истца. В качестве компенсации за

подготовку троих футболистов CAS обязал ФК «Ростов» выплатить в пользу ФК «Спартак» около 20 млн руб.

С вступлением в силу Регламента РФС по статусу и переходам футболистов (в ред. 2012 г.) были устранены коэффициенты, применяемые для расчета компенсации за подготовку футболистов, что исключало подобные споры в будущем.

Таким образом, ключевыми предпосылками появления регулятивных норм в сфере спорта являются естественное развитие, качественное (самосовершенствование) и количественное (увеличение количества участников). Это развитие прямо сопряжено с появлением возможности извлечения материальной выгоды и увеличением финансовой составляющей спорта. Появилась необходимость в собственных правилах, которые не подпадают ни под одну из вышеобозначенных категорий. В первую очередь это касается правил игры. Затем с развитием профессионального спорта появляется необходимость собственного, корпоративного регулирования.

Революционное решение было принято ФИФА на 62-м Конгрессе, который прошел в мае 2012 г. в Будапеште. Конгресс утвердил так называемую Программу по защите клубов (Club Protection Program), суть которой заключается в том, что клубы смогут получать от ФИФА компенсацию в случае, если их футболист получит серьезную травму в матче за сборную при наличии одновременно следующих факторов:

футболист получил серьезную травму в матче за сборную «А», внесенном в официальный календарь матчей ФИФА, или находясь в расположении команды при подготовке к такому матчу;

сумма возмещения в пользу клуба будет рассчитана, исходя из заработной платы травмированного футболиста в клубе (но не более 27 тыс. долл. в день и 9.7 млн долл. в год).

При этом ФИФА обязалось платить такую компенсацию не более 365 дней на одного футболиста. Всего на данные программы ФИФА планировало потратить 75 млн долл. за полтора года.

Принятие данной Программы стало логичным завершением длительных переговоров ФИФА и ведущих клубов Европы, которые были недовольны тем, что они вынуждены платить заработную плату дорогостоящим футболистам, которые получили травмы в матчах за сборную.

Так, профсоюз футболистов Швеции выиграл важнейшее дело в своей истории. В феврале 2012 г. Палата по разрешению споров Швеции (ПРС) приняла решение, согласно которому признала, что профессиональный футболист Кеннеди Игбоананике расторг трудовой договор с футбольным клубом «Юргорден» по обоснованной причине. До расторжения своего договора нигерийский форвард Кеннеди Игбоананике провел несколько сезонов за ФК «Юргорден», а в 2010 и 2011 гг. даже становился лучшим бомбардиром 11-кратного чемпиона Швеции. Однако после окончания спортивного сезона 2011 г. ФК «Юргорден» объявил, что более не нуждается в нем и еще нескольких его коллегам, чей контракт действовал до конца сезона 2012 г. Несколько футболистов в этой связи покинули клуб, тогда как Кеннеди Игбоананике остался. Он получал предложения из других клубов, однако они не удовлетворяли его либо по спортивным, либо по финансовым причинам. Единственный клуб, в который он был готов перейти, «АИК» являлся принципиальным соперником ФК «Юргорден», и, соответственно, последний категорически отказался продавать туда Кеннеди Игбоананике.

Футболист предпочел остаться в ФК «Юргорден» до конца контракта, но как только начался сезон, он был отправлен в молодежную команду клуба «U19». В конце июня Кен-

неди Игбоананике был возвращен в первую команду, за которую ему удалось провести несколько матчей, однако вскоре он был опять отправлен в молодежную команду. В январе 2012 г. как только он был отправлен назад, футболист обратился за правовой помощью в Профсоюз Швеции. В дальнейшем они совместно обратились в ПРС Швеции. Даже, несмотря на то что в договоре Кеннеди Игбоананике и ФК «Юргорден» отдельно не упоминается, что право тренироваться с первой командой - неотъемлемое право футболиста, ПРС решила, что ФК «Юргорден» не смог предоставить достаточное количество оснований для того, чтобы отправить футболиста в молодежную команду, и что это было сделано для того, чтобы принудить футболиста покинуть клуб.

После вынесения решения по «делу Кеннеди» Профсоюз указал, что клубы будут понимать, что они должны иметь очень веские основания для того, чтобы запретить своему футболисту тренироваться с основным составом.

Как следует из циркуляра № 1335 от 14 января 2013 г., направленного ФИФА во все национальные спортивные федерации, ФИФА всерьез решила заняться проблемой перехода экономических прав на футболистов в руки третьих лиц. ФИФА отмечает, что эта проблема уже была обсуждена на многих уровнях европейской и мировой футбольной семьи, однако единого подхода так и не было выработано. Некоторые страны запрещают переход экономических прав к третьим лицам (например, Англия), футбольная экономика других стран во многом держится на этой системе (например, Португалия).

ФИФА сообщила своим членам, что она не имеет единого мнения на этот счет - всем федерациям были направлены опросные листы с подробными вопросами по проблеме.

Регламентирующие спортивные нормы, которые вырабатываются организованным спортивным сообществом, не могут претендовать на роль правовых норм в юридическом смысле. Они не только не исходят от государства, но не имеют возможности принудительного исполнения посредством государственных структур - важный признак любой правовой нормы.

Базовым правовым актом, регулирующим общественные отношения в сфере профессионального и любительского спорта в Российской Федерации, является Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». Он устанавливает основы олимпийского движения России. Согласно ч. 1 ст. 11 Закона олимпийское движение в России есть составная часть международного олимпийского движения, целями которого являются: пропаганда и внедрение принципов олимпийского движения, содействие развитию физической культуры и спорта, укрепление международного спортивного сотрудничества, участие в Олимпийских играх и других международных спортивных мероприятиях, проводимых под патронажем МОК.

В силу ч. 2 ст. 11 Закона олимпийское движение в России возглавляется Олимпийским комитетом - общероссийским общественным объединением, осуществляющим свою деятельность в соответствии с законодательством Российской Федерации, Олимпийской хартией и на основе признания Международным олимпийским комитетом, а также в соответствии со своим уставом. Государство признает и поддерживает олимпийское движение, оказывая всемерное содействие Олимпийскому комитету России в реализации его уставных целей.

Олимпийскому комитету России принадлежит исключительное право использования собственного наименования и официального наименования "Олимпийская команда Рос-

сии». Он осуществляет меры по защите принадлежащих МОК прав на использование олимпийских символа, девиза, флага и гимна, наименований «Олимпийские игры», «Игры Олимпиады» на территории Российской Федерации. Олимпийский комитет обладает исключительными правами на олимпийскую эмблему Олимпийского комитета России, девиз, флаг и иную российскую символику.

Такие спортивные нормы содержатся в различного рода инструкциях, сводах правил и регламентах, поэтому их иначе можно называть «регламентным» или «мягким» правом. При этом одна из специфических черт спорта как явления - его интернациональность. Являясь категорией вненациональной, спорт логично регулируется и системой межнациональных норм.

Так, например, Президент РФ В.В. Путин ввел безвизовый режим при въезде в страну для спортсменов, тренеров, руководителей команд, членов зарубежных официальных делегаций, а также судей в связи с международными спортивными соревнованиями [<http://www.Kremlin.Ru.>].

Президент подписал Указ «О порядке въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства в связи с проведением международных спортивных соревнований». Текст Указа гласит: «Установить, что участники международных спортивных соревнований [спортсмены, тренеры, руководители команд и иные члены иностранных официальных делегаций, а также спортивные судьи и другие официальные лица, уполномоченные организатором международного спортивного соревнования] из числа иностранных граждан и лиц без гражданства осуществляют въезд в Российскую Федерацию и выезд из Российской Федерации без оформления виз на основании действительных документов, удостоверяющих и при-

знаваемых Российской Федерацией, аккредитационного удостоверения установленной формы, выданного организатором международного аккредитационного спортивного соревнования, если иное не предусмотрено федеральным законом. Форма удостоверения устанавливается организатором международного спортивного соревнования по согласованию с Федеральной службой безопасности Российской Федерации». Перечень международных спортивных соревнований и сроки пребывания в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства в связи с участием в таких соревнованиях утверждаются Правительством РФ.

На заседании Комиссии по законопроектной деятельности Правительства РФ был рассмотрен проект федерального закона «О подготовке и проведении в Российской Федерации Чемпионата мира по футболу FIFA 2018, Кубка конфедераций FIFA 2018 и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». По итогам заседания было принято решение о вынесении законопроекта на заседание Правительства РФ.

29 сентября 2012 г. в прямом эфире Первого канала состоялась торжественная церемония объявления городов – организаторов Чемпионата мира по футболу FIFA 2018 в России. Президент FIFA Йозер З. Блаттер и министр спорта РФ Виталий Мутко назвали список из 11 городов и 12 стадионов, которые примут матчи крупнейшего спортивного соревнования планеты.

Чемпионат мира по футболу FIFA 2018 пройдет в Москве, Санкт-Петербурге, Калининграде, Нижнем Новгороде, Казани, Самаре, Саранске, Волгограде, Ростове-на-Дону, Сочи и Екатеринбурге. Москва будет принимать матчи Чемпионата мира сразу на двух стадионах – «Лужники» и «Спартак».

Окончательный список городов-организаторов был утвержден на заседании Исполкома FIFA, которое состоялось в Цюрихе 27 сентября. В основу решения Исполкома FIFA лег отчет о процедуре отбора городов - организаторов ЧМ-2018. Отчет содержал данные о городах-кандидатах по пяти критериям: текущая обеспеченность городов инфраструктурой, уровень их социально-экономического развития, инвестиционная программа подготовки и концепция проведения Чемпионата мира по футболу FIFA 2018, а также эффективное использование наследия турнира.

Мировой опыт проведения Олимпийских игр показал, что организация такого масштабного мероприятия невозможна без хорошей правовой базы, обеспечивающей решение в рамках правового поля поставленных перед принимающей стороной задач и предусматривающей наличие необходимого баланса между регламентными нормами и директивами Международного олимпийского комитета и национальным законодательством.

После получения Российской Федерацией права на проведение XXII зимних Олимпийских игр в Сочи встал вопрос о необходимости внесения целого комплекса изменений в законы и подзаконные акты с целью адаптации российской правовой системы проведению Олимпийских игр.

По результатам обсуждений был принят Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 310-ФЗ «Об организации и проведении XXII олимпийских зимних игр и XI паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Олимпийский закон ввел несколько новых понятий, ранее не известных российскому спортивному праву. В первую

очередь это было обусловлено требованиями МОК и необходимостью решения задач, которые не возникали перед организаторами спортивных соревнований.

С принятием Олимпийского закона были внесены изменения в налоговое, таможенное, земельное, градостроительное, жилищное, процессуальное, рекламное, миграционное законодательство и законодательство об интеллектуальной собственности.

По многим вопросам сформировалась судебная практика, особенно в части защиты интеллектуальной собственности.

Принятие правовых актов, направленных на проведение Олимпийских игр, является чрезвычайно полезным для развития спортивного права в целом, так как посредством регулирования принципиально новых для российского спорта отношений законодатель совершенствует всю отрасль. Более того, в связи с проведением на территории Российской Федерации большого количества международных спортивных соревнований, таких как Универсиада 2013 г., Чемпионат мира по футболу 2018 г., опыт Олимпийского закона является крайне важным и необходимым. Многие положения указанного Закона, в частности о защите прав организатора и о противодействии «паразитическому маркетингу» были использованы и при подготовке проекта закона о Чемпионате мира.

На заседании Правительства РФ было утверждено Положение о Министерстве спорта РФ, в соответствии с которым Министерство спорта наделяется полномочиями, ранее осуществлявшимися Минспорттуризмом России, в области физической культуры и спорта, а также новыми полномочиями в части организации, разработки и утверждения федеральных стандартов спортивной подготовки, установления

порядка контроля за соблюдением федеральных стандартов спортивной подготовки организациями.

Указом Президента РФ от 21 мая 2012 г. № 636 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» было принято решение преобразовать Министерство спорта, туризма и молодежной политики РФ в Министерство спорта РФ, передав его функции по выработке и реализации государственной молодежной политики, а также по созданию условий для обеспечения здорового образа жизни, нравственного и патриотического воспитания молодежи, реализации ее профессиональных возможностей Министерству образования и науки РФ, а функции по координации деятельности и реализации приоритетных направлений государственного регулирования туристской деятельности в Российской Федерации - Министерству культуры РФ. Соответственно, Федеральное агентство по делам молодежи передано в ведение Министерства образования и науки РФ, а Федеральное агентство по туризму - в ведение Министерства культуры РФ.

Главная цель законопроекта - создание необходимых условий для подготовки и проведения Чемпионата мира по футболу FIFA 2018, Кубка конфедераций FIFA 2018, а также реализация международных обязательств России перед FIFA. Несмотря на это, то или иное государство может иметь определенное влияние на спортивное право. Например, органы многих международных спортивных федераций расположены на территории Швейцарии и подчиняются праву этой страны, в том числе и в своей текущей деятельности. Спортивный арбитражный суд, расположенный в швейцарской Лозанне, применяет право Швейцарии в случае, если стороны не определили применяемое право [Art R46 STATUTESOFICASANDCAS // [http:](http://)

[//www.tas.cas.org/d2wfiles/document4962/5048/0//Gode20201220.en2001.01pdf](http://www.tas.cas.org/d2wfiles/document4962/5048/0//Gode20201220.en2001.01pdf)].

Фактически появляется так называемый *Lex Sportiva* - «спортивный закон». Это - международные спортивные правила, нормы «спортивного» поведения, которые являются примером норм корпоративного регулирования; они возникают внутри спортивного сообщества, для него с учетом его специфики. Именно этим же сообществом они признаются и исполняются [[http:// sport. newsam/rus/news/8546london-2012-dzyudoistaizsaudovskoiyaravi-budetborotsya-v-khidzabehtm](http://sport.newsam/rus/news/8546london-2012-dzyudoistaizsaudovskoiyaravi-budetborotsya-v-khidzabehtm)].

Государственная Дума во втором и третьем чтении приняла Федеральный закон «О подготовке и проведении в Российской Федерации Чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, Кубка конфедераций FIFA 2018 года и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Указанный Закон закрепляет и реализует правительственные гарантии, которые были даны Россией FIFA в связи с проведением Чемпионата мира, в том числе в области визовых и миграционных вопросов, вопросов оформления разрешений на работы, налоговых льгот, защиты и реализации коммерческих прав, строительства стадионов, бесплатного проезда болельщиков между городами-организаторами и т.д. Закон создает юридический фундамент для подготовки и проведения Чемпионата мира на самом высоком уровне.

Для того чтобы провести Чемпионат мира наиболее успешно с организационной и экономической точек зрения, необходимо обеспечить ряд условий, в том числе: чтобы иностранные специалисты, участники соревнований и зрители смогли приехать в Россию без каких-либо визовых затруднений и проволочек; чтобы все иностранные специалисты, задействованные в подготовке и проведении Чемпионата, получили возможность осуществлять трудовую деятельность в России. Это необходимо, чтобы: FIFA, а также спон-

соры и партнеры Чемпионата мира не несли налоговое бремя в Российской Федерации, поскольку они и так платят налоги в своих странах; на высшем уровне была бы обеспечена безопасность при проведении Чемпионата; не существовало бы проблем с банковскими операциями и обменом иностранной валюты; была бы создана современная телекоммуникационная структура; вовремя были бы построены удобные и суперсовременные арены; зрителям соревнований было бы удобно путешествовать по России. Все эти и многие другие вопросы будут решены благодаря принятию данного Федерального закона.

На определенном этапе развития общественных отношений возникает вопрос: корпоративное «спортивное» право и право национальное - как они между собой соотносятся? Этот вопрос важен потому, что даже правила игры могут противоречить законодательству конкретной страны.

Если речь идет о корпорации внутри страны, то, как правило, государство старается доминировать и подчинять себе корпоративные нормы. Иными словами, допустить существование параллельного закона не может практически ни одно государство мира. Поэтому на национальном уровне «корпоративное» «спортивное» право вынуждено подстраиваться под государственные законы и им следовать. Однако спорт – явление международное. Поэтому с момента, как появляются международные нормы *Lex Sportiva*, система спортивных правил в большинстве национальных ассоциаций начинает унифицироваться. В результате этого процесса национальные спортивные правила постепенно выходят из сферы прямого действия законов конкретной страны.

Это вызывает неизбежные конфликты. Коллизии между законами спортивными и государственными появляются тогда, когда юрисдикционные органы спортивных федераций

активно формируют и применяют *Lex Sportiva* против конкретных субъектов спорта.

Каждый из «субъектов спорта» (клуб, игрок, тренер) подчиняются определенному национальному законодательству конкретной страны. В случае возникновения конфликтов они решаются государственными судами на основе законов.

В то же время эти же субъекты спорта вынуждены следовать и футбольным правилам. В случае споров в этой области они решаются «спортивными» судами, ориентируясь прежде всего на спортивную специфику и *Lex Sportiva*.

Так, апелляционный комитет UEFA смягчил наказание, вынесенное сборной России по футболу за неподобающее поведение болельщиков во время матча чемпионата Европы против команды Чехии. UEFA приняла решение условно снять со сборной России 6 очков в отборочном турнире Чемпионата Европы 2016 г. и оштрафовать РФС на 120 тыс. евро.

Российский футбольный союз обжаловал данное решение UEFA. Позднее апелляционный комитет UEFA отменил решение дисциплинарного комитета и постановил наложить на РФС условную санкцию в виде трех домашних матчей без зрителей в ходе отборочного турнира Евро 2016 и оставить в силе штраф в размере 120 тыс. евро.

Таким образом, по одному и тому же спору могут быть вынесены два разных решения. Поэтому в случае, если установленная государством норма поведения нарушается, для защиты своего права можно обратиться, например, в суд. Последний вынесет определенный акт, который можно затем принудительно исполнить через санкционированную государством систему исполнения.

Так, один из мировых судов Санкт-Петербурга удовлетворил иск футбольного клуба «Зенит» к болельщикам во время матча СОГАЗ Чемпионата России по футболу с «Тере-

ком». Клуб был оштрафован на 20 тыс. руб. решением КДК РФС. Нарушитель, выбежавший на поле, был задержан полицией, и в отношении него был составлен административный протокол. Клуб потребовал от него выплатить 20 тыс. руб., которые заплатил Российскому футбольному союзу.

Таким образом, в российской судебной практике создан прецедент, согласно которому клубы смогут требовать с болельщиков возмещения наложенных на них штрафов организаторами соревнований.

Однако *Lex Sportiva* в рассматриваемом контексте не является государственным законом.

Юрисдикционные органы спортивных федераций не всегда имеют статус даже международного арбитража (третейского суда). По этой причине механизма их принудительного исполнения на правовом уровне, как правило, нет.

Спортивное сообщество смогло выработать действительный механизм воздействия, который полностью вытекает из корпоративной природы спорта. Его принцип предельно прост: либо субъект подчиняется нормам, которые признаны всеми или большинством участников «корпорации», либо выходит из её состава.

Если рассматривать *Lex Sportiva* именно как набор корпоративных правил, то основное условие их существования - это соответствие основным актам международного права в сфере охраны прав и свобод человека.

Добиться полной гармонизации норм *Lex Sportiva* с каждым правопорядком объективно не возможно. По крайней мере до тех пор, пока не будет существовать единое законодательство. *Lex Sportiva* - это правовое явление, с которым будет сталкиваться любой, причастный к профессиональному спорту. Следует констатировать, что деятельность специальных юрисдикционных органов, особенно на уровне

международных ассоциаций в какой-то степени будет параллельна национальным правовым системам. Это не исключает вынесения противоречащих друг другу решений «спортивным судом» и государственным судом. Однако, имея совершенно разные механизмы принуждения и исполнения, они пересекаются формально. Если один из таких спортивных форумов (например, Палата РФС по разрешению споров) вынесет решение о взыскании в пользу спортсмена с его клуба задолженности, а государственный суд, наоборот, признает правоту клуба и обяжет футболиста выплатить клубу компенсацию, каждое из этих решений должно быть исполнено. Но исполняться каждое из них должно в своей плоскости.

Представляется возможным выделить некоторые наиболее интересные особенности Спортивного кодекса Франции.

1. Спортивный кодекс - это комплексный, весьма развернутый и детализированный нормативный правовой акт.

2. Кодекс носит межотраслевой характер и включает в себя нормы, относящиеся к конституционному, административному, гражданскому, уголовному праву. Кроме того, он содержит положения, отсылающие к отраслевому законодательству, а также подзаконным актам (в основном декретам Государственного совета).

3. Спортивный кодекс практически лишен свойственных многим отечественным нормативным актам в данной области декларативности и размытости, поскольку содержит вполне четкие и ясные правовые предписания, одновременно предусматривая механизм их реализации.

4. В силу особенностей французского правотворческого процесса Спортивный кодекс объединяет как законодательные предписания, так и нормы, имеющие подзаконный характер.

Среди источников особое место занимают нормы международного права. Статья 55 Конституции Французской Республики устанавливает, что договоры или соглашения, должным образом ратифицированные или утвержденные, имеют с момента их опубликования силу, превышающую силу внутренних законов, при условии для каждого соглашения или договора его применения другой стороной [Официальный текст Конституции Французской Республики в действующей редакции // [http: //www.conseilconstitutionnel/francais /page-d-accueil.htm](http://www.conseilconstitutionnel/francais/page-d-accueil.htm)].

Основной массив законодательных положений действующего Уголовного кодекса Франции был принят 22 июля 1992 г., когда Президент Республики утвердил четыре закона, соответствовавших первым четырем книгам кодекса. Книга V регулируется отдельным законом 1992 г. Эти книги вступили в силу с 1 марта 1994 г. Книга VI «Нарушения» законодательной части Уголовного кодекса не содержит законоположений, поскольку определение признаков, видов нарушений и санкций за их совершение отнесено Конституцией Французской Республики к компетенции регламентной власти. Каждая книга Уголовного кодекса делится на разделы, а разделы - на главы.

Книга первая «Общие положения» является Общей частью Уголовного кодекса и содержит нормы об уголовном законе, уголовной ответственности и наказании. Наказание увеличивается до семи лет тюремного заключения и штрафа в размере 150 тыс. евро, когда деяния совершены организованной группой лиц, в силу ст. 132-71 Уголовного кодекса, или когда они совершены по отношению к несовершеннолетнему или лицом, имеющим властные полномочия в отношении одного или нескольких спортсменов (ст. 232-26).

5. Физические лица, виновные в совершении правонарушений, предусмотренных ст. 1, 232-26 Кодекса, также могут быть подвергнуты следующим дополнительным видам наказаний:

1) конфискация вещей, средств, предметов или документов, посредством которых было совершено правонарушение или которые способствовали его совершению;

2) публичное объявление и распространение приговора в порядке, предусмотренном ст. 131-35 Уголовного кодекса;

3) закрытие на один год и более одного или нескольких, или всех подразделений организации, принадлежащей осужденному лицу и служившей для совершения правонарушения;

4) запрет на условиях, предусмотренных в ст. 131-27 Уголовного кодекса, на ведение профессиональной или общественной деятельности, во время осуществления или по причине которой правонарушение было совершено;

5) запрет на условиях, предусмотренных в ст. 131-27 Уголовного кодекса, на осуществление государственной службы (ст. 1, 232-27).

6. Юридические лица, признанные в порядке, предусмотренном в ст. 121-2 Уголовного кодекса, виновными в совершении правонарушений, указанных в ст. 1, 232-25 и 1, 232-26 Спортивного кодекса, подвергаются следующим наказаниям:

1) штраф, в соответствии с условиями, предусмотренными в ст. 131-38 Уголовного кодекса;

2) за нарушения, определенные ст. 232-26 Спортивного кодекса:

а) дополнительные наказания, предусмотренные п. 2, 8 и 9 ст. 131.39 Уголовного кодекса;

б) закрытие на один год и более одного или нескольких подразделений организации, принадлежащей осужденному юридическому лицу и служившей для совершения правонарушения (ст. 1, 232-28).

7. Покушение на совершение указанных выше правонарушений влечет за собой те же наказания, что и совершение правонарушений (ст. 232-29).

8. Выступать в качестве гражданских истцов при рассмотрении дел о совершении указанных выше правонарушений могут:

1) Французский национальный олимпийский и спортивный комитет по фактам совершения правонарушений во время соревнований, за которые он ответствен;

2) спортивные федерации по делам, относящимся к их деятельности, за исключением случаев, когда лицо, совершившее правонарушение, находится у них в подчинении.

Правонарушения в области обеспечения безопасности использования спортивных объектов и спортивного оборудования (ст. 1, 312-14–1, 312-17, 322-8, 312-7, К. 322-38, К. 322-38). Например, организация общественного спортивного мероприятия в помещении, не получившем официального согласования или с нарушением предписаний, содержащихся в официальном согласовании, наказывается двумя годами тюремного заключения и штрафом в размере 75 тыс. евро.

Повторное нарушение наказывается пятью годами тюремного заключения и штрафом в размере 150 тыс. евро (ст. 312-15).

9. В случае осуждения за одно из правонарушений, указанных в ст. 1, 312-14 1, 312-16, суд вправе запретить организацию общественных спортивных мероприятий на спортивном объекте. Может быть вынесено постановление о немедленном исполнении этого запрета (ст. 312-17).

10. Нарушения положений Спортивного кодекса, предусматривающих, что любое платное место для купания и бассейн в течение времени, когда они открыты для общего пользования, должны постоянно находиться под надзором штатного квалифицированного персонала, обладающего государственным дипломом, определённым в нормативных документах, наказываются штрафом, предусмотренным за нарушения пятого класса.

Суд может, кроме того, вынести постановление о закрытии места для купания или бассейна. Повторное нарушение наказывается одним месяцем тюремного заключения и штрафом в размере 3750 евро.

Незаконное использование государственного диплома влечет наказание, предусмотренное ст. 433-17 Уголовного кодекса (ст. 322-8).

11. Несоблюдение обязанностей по предоставлению информации об открытии спортивного сооружения, а также обустройстве какой-либо территории или местности для занятия естественным спортом наказывается штрафом, предусмотренным за нарушения второго класса (ст. К. 312-7).

12. Наказывается штрафом, предусмотренным за нарушения пятого класса:

1) изготовление, приобретение, владение с целью продажи, выставление на продажу, продажа, безвозмездная передача, сдача в аренду или предоставление для публичного доступа спортивного сооружения, не снабженного фиксирующим устройством или системой противовесов или снабженного устройством, не соответствующим положениям, установленным Спортивным кодексом;

2) выпуск ворот для футбола, гандбола, хоккея и щитов для баскетбола, не снабженных инструкцией по эксплуатации или не содержащих установленных предупредительных надписей;

3) предоставление потребителю бесплатно или за плату спортивных сооружений без соблюдения установленных требований и условий по безопасности.

Повторное совершение указанных выше нарушений наказывается в соответствии со ст. 132-11 и 132-15 Уголовного кодекса, ст. К. 322-26.

13. Наказываются штрафом, предусмотренным за нарушения пятого класса:

1) изготовление, импорт, хранение с целью продажи или безвозмездной передачи, выставление на продажу, продажа, бесплатное распространение оборудования и средств индивидуальной защиты, используемых для занятия спортом и активного отдыха, а также средств контроля за такой деятельностью (EPI – SL) с нарушением положений, предусмотренных Спортивным кодексом;

2) предоставление EPI - SL в пользование любого вида с нарушением положений, предусмотренных Спортивным кодексом;

3) отсутствие у любого производителя, его уполномоченного представителя или лица, ответственного за размещение продукции, или ее предоставление каким-либо образом возможности предоставления уполномоченным должностным лицам контролирурующих органов документов, предусмотренных Спортивным кодексом;

4) неоказание ответственным лицом содействия уполномоченным должностным лицам контролирующих органов, предусмотренного Спортивным кодексом.

Повторное совершение правонарушений, указанных в предыдущем абзаце, влечет ответственность, предусмотренную ст. 132-11 и 132-15 Уголовного кодекса.

Наказывается штрафом, предусмотренным за нарушения третьего класса:

1) размещение на EPI - SL, его упаковке или сопроводительной документации информации производителя и помеченных, способных вызвать смешение с маркировкой «ЕС», ухудшить ее видимость или читаемость;

2) демонстрация на ярмарках и салонах EPI - SL с нарушением положений ст. К. 322-30 (ст. К. 322-38).

Правонарушения в области обеспечения безопасности спортивных мероприятий (ст. 1, 332-3 - 1, 332-14, 1, 332-9 - 1, 332-21, Д. 331-45, Д. 331-52):

1. Распространение или попытка распространения насильно или путем обмана в спортивном помещении во время проведения или публичной трансляции спортивного мероприятия алкогольных напитков наказывается одним годом тюремного заключения и штрафом в размере 7500 евро.

Данные положения не применяются к лицам, имеющим разрешение на продажу или распространение таких напитков (ст. 332-3).

2. Пребывание в состоянии алкогольного опьянения в спортивном помещении во время проведения или публичной трансляции спортивного мероприятия наказывается штрафом в размере 7500 евро. Лицо, совершившее это нарушение, признанное виновным в насильственных действиях, повлекших полную потерю трудоспособности на срок менее недели, наказывается одним годом тюремного заключения и штрафом в размере 15 тыс. евро (ст. 1, 332-4).

3. Проникновение или попытка проникновения в состоянии алкогольного опьянения силой или путем обмана в спортивное помещение во время проведения или публичной трансляции спортивного мероприятия наказывается одним годом тюремного заключения и штрафом в размере 15 тысяч евро (ст. 1, 332-5).

4. Разжигание каким бы то ни было способом ненависти или побуждение зрителей к насилию по отношению к арбит-

ру, спортивному судье, игроку или любому другому лицу или группе лиц во время спортивного мероприятия или его публичной трансляции в спортивном помещении наказывается одним годом тюремного заключения и штрафом в размере 15 тыс. евро (ст. 332-6).

5. Принесение, распространение или демонстрация на спортивном объекте во время проведения или публичной трансляции спортивного мероприятия значков, эмблем или средств наглядной агитации, призывающих к расизму или ксенофобии, наказываются одним годом тюремного заключения и штрафом в размере 15 тыс. евро.

За попытку совершения данного правонарушения предусмотрены те же наказания (ст. 1, 332-7).

6. Принесение на спортивный объект во время проведения или публичной трансляции спортивного мероприятия взрывных устройств, пиротехнических средств или без наличия на то законного основания любых предметов, способных быть использованными в качестве оружия, в силу ст. 132-75 Уголовного кодекса наказывается тремя годами тюремного заключения и штрафом в размере 15 тыс. евро.

За попытку совершения данного правонарушения предусмотрены те же наказания.

Суд может также вынести решение о конфискации предмета, который послужил или был предназначен для совершения правонарушений (ст. 1, 332-8).

7. Бросание предмета, представляющего опасность для людей, на спортивном объекте во время проведения или публичной трансляции спортивного мероприятия наказывается тремя годами тюремного заключения и штрафом в размере 15 тыс. евро.

Использование или попытка использования движимого или недвижимого оборудования спортивного объекта в

качестве предмета бросания влечет за собой то же наказание (ст. 1, 332-9).

8. Нарушение порядка проведения соревнования или посягательство на безопасность людей или имущество в результате проникновения на территорию спортивного объекта во время проведения соревнования наказывается одним годом тюремного заключения и штрафом в размере 15 тыс. евро (ст. 1, 332-10).

9. Лица, виновные в совершении одного из правонарушений, предусмотренных в ст. 1, 332-3, 332-10 и 1, 332-19 Спортивного кодекса, также подвергаются дополнительной мере наказания, запрещающей находиться около и входить в помещение, где проходит спортивное мероприятие, на срок, который не может превышать пяти лет. На лицо, к которому была применена эта мера наказания, судом возлагается обязанность явки по вызову любого органа власти или уполномоченных должностных лиц, назначенных судом, во время проведения спортивных мероприятий.

После объявления приговора суд уточняет обязательства, вытекающие для осужденного в связи с применением данной меры наказания.

Эта дополнительная мера наказания также применяется к лицам, виновным в одном из правонарушений, определенных ст. 222-11-22В, 322- 322-4, 322 б, 322 Н и 433-6 Уголовного кодекса, когда деяние совершено там, где проходит спортивное мероприятие или около него, при условии, что оно прямо связано со спортивным мероприятием (ст. 1, 332-П).

10. Когда лицо осуждено в состоянии рецидива за одно из правонарушений, указанных в ст. 1, 332-11, дополнительная мера наказания, предусмотренная в этой статье, может быть также применена (ст. 1, 332-12).

11. Нарушение запрета, предусмотренного в ст. 1, 332-11 и ст. 1, 332-12, а также неисполнение обязанности по явке во время спортивных мероприятий наказывается двумя годами тюремного заключения и штрафом в размере 30 тыс. евро (ст. 1, 332-13).

12. Постоянно проживающим вне Франции суд может с учетом тяжести и обстоятельств совершения правонарушения вместо дополнительной меры наказания, предусмотренной в ст. 1, 332-11, запретить посещение французской территории на срок не более двух лет (ст. 1, 332-14).

13. Участие в открытом или тайном продолжении возобновления деятельности ассоциаций или объединений, расформированных за совершение их членами действий, нанесших ущерб имуществу, насильственных действий или действий, направленных на разжигание ненависти или дискриминации в отношении людей по причине их происхождения, сексуальной ориентации, пола, а также их действительной или предполагаемой национальной и религиозной принадлежности, наказывается одним годом тюремного заключения и штрафом в размере 15 тыс. евро.

Организация открытого или тайного продолжения или возобновления деятельности указанных ассоциаций или объединений наказывается двумя годами тюремного заключения и штрафом в размере 30 тыс. евро.

Наказания, предусмотренные в первом и втором абзацах, увеличиваются, соответственно, до трех лет тюремного заключения и штрафа в размере 45 тыс. евро и до пяти лет тюремного заключения и штрафа в размере 75 тыс. евро, если нарушения, ставшие причиной для расформирования ассоциации или объединения, были совершены в связи с происхождением, сексуальной ориентацией, полом, а также дейст-

вительной или предполагаемой национальной и религиозной принадлежностью пострадавших лиц (ст. 332-19).

14. Юридические лица, признанные в порядке, предусмотренном в ст. 121-2 Уголовного кодекса, виновными в совершении указанных выше правонарушений, подвергаются следующим наказаниям:

1) штраф в порядке, предусмотренном в ст. 131-38 Уголовного кодекса;

2) в случаях, предусмотренных ст. 1, 332-11 (второй абзац и ст. 1, 332-19) Спортивного кодекса, применяются наказания, указанные в ст. 131-39 Уголовного кодекса.

Запрет, указанный в п. 2 ст. 131-19 Уголовного кодекса, касается деятельности, во время или по причине осуществления которой было совершено правонарушение (ст. 1, 332-20).

15. Физические или юридические лица, виновные в совершении правонарушений, предусмотренных ст. 1, 332-19, также подвергаются следующим наказаниям:

1) конфискация движимого и недвижимого имущества;

2) конфискация формы, значков, эмблем, средств наглядной агитации и любых материалов, используемых или предназначенных для использования ассоциацией или объединением, деятельность которых продолжена или возобновлена (ст. 1, 332-21).

16. Организация без соответствующего разрешения гонок наземных моторных транспортных средств на дорогах общего пользования, организация без предварительного уведомления или разрешения сбора или состязания с участием наземных моторных транспортных средств наказывается санкциями, предусмотренными за нарушения пятого класса.

Наказывается санкциями, предусмотренными за нарушения пятого класса, несоблюдением или не обеспечение соблюдения организатором спортивного мероприятия пред-

писаний, содержащихся в административном разрешении, которое ему было выдано.

Наказывается штрафом, предусмотренным за нарушения третьего класса, участие в неразрешенном сборе или состязании с участием автотранспортных средств, если оно требовало разрешения (ст. К. 331-45).

17. Организация публичных состязаний по боксу без обращения за получением разрешения наказывается штрафом, предусмотренным за нарушения четвертого класса.

Предоставление недостоверных сведений в заявлении на разрешение или организацию публичных состязаний по боксу, несмотря на отказ на получение разрешения, наказывается санкциями, предусмотренными за нарушения пятого класса (ст. R. 391-52).

Правонарушения, связанные с нарушением конфиденциальности сведений в области спортивной деятельности (ст. 141-4, 232-7, 232-11, К. 231-1).

К уголовной ответственности за нарушение конфиденциальности сведений (разглашение секретной и конфиденциальной информации, профессиональной тайны) в области спортивной деятельности, предусмотренной ст. 226-13 Уголовного кодекса, могут быть привлечены, в частности:

посредники, уполномоченные Французским национальным олимпийским и спортивным комитетом на урегулирование конфликтов между лицензиатами, спортивными ассоциациями, обществами и признанными спортивными федерациями (ст. 1, 141-4);

члены и служащие Французского агентства по борьбе с употреблением допинга, а также агенты, подведомственные министру по делам спорта, и лица, утвержденные агентством и приведенные к присяге (ст. 1, 232-7, 1, 232-11);

лица, которым в связи с исполнением служебных, профессиональных, общественных и иных обязанностей стала известна информация об индивидуальных данных, касающихся медицинского наблюдения спортсменов, внесенных в официальный список спортсменов высших достижений или в Программу «Пути доступа к спорту высших достижений» наказываются санкциями, предусмотренными за нарушения пятого класса (ст. К. 331-52).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью А.Н. Опрышко «Спортивный кодекс – основа систематизации спортивных правонарушений»

Автору удалось исследовать весьма актуальную тему, связанную с предполагаемыми основами регулирования уголовно-правовых отношений в сфере спорта.

Представляется, суть представленного в статье анализа определена указанием о «необходимости выделения отношений в области спорта в самостоятельную отрасль – “спортивное право”». Автор детально излагает перечень возможных направлений кодификации этого социального явления.

В статье на основании детального анализа деятельности Спортивного арбитражного суда и иных субъектов права обозначены процессуальные аспекты разрешения «спортивных споров».

Последовательно раскрываются суть «спортивной ответственности», а также её принципы. Она соотносится с последствиями «дисциплинарного нарушения», закрепленного в тексте Федерального закона от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации».

Интересен анализ спортивной ответственности юридических лиц; разграничение последней с существующей административной ответственностью и основами ответственности согласно тексту Дисциплинарного регламента РФС.

Автору удалось систематизировать виды спортивных правонарушений; виды санкций, применяемых при спортивной дисквалификации (международный и российский опыт).

В статье дан исторический анализ Олимпийского движения (основы непрофессионального спорта). Последний увязан с приведением регламентов и специальных регулятив-

ных правил профессионального спорта (особенно его финансовая составляющая).

Раскрывается суть «регламентирующих спортивных норм», определяющих так называемое «регламентное» или «мягкое» право, систему межнациональных норм.

Интересно исследование влияния российского Олимпийского закона на налоговое, таможенное, земельное, градостроительное, жилищное, процессуальное, рекламное, миграционное законодательство, на законодательство об интеллектуальной собственности.

Дан анализ деятельности Министерства спорта РФ в части разработки организации утверждения федеральных стандартов спортивной подготовки.

Рассмотрен прецедентный характер появления так называемого *Lex Sportiva* - «спортивный закон», дан ответ на вопрос о соотношении спортивного права (корпоративные нормы) с национальным; определены направления их унификации.

Выделены особенности Спортивного кодекса Франции, являющегося в настоящее время единственным систематизированным нормативным документом в мире спорта и имеющего межотраслевой характер, т.е. включающем нормы, относящиеся к конституционному, административному, гражданскому и уголовному праву.

Статья А.Н. Опрышко «Спортивный кодекс – основа систематизации спортивных правонарушений» будет интересна для научных работников, преподавателей юридических вузов, адвокатов, практикующих в сфере спорта.

Доктор юридических наук

В.А. Нерсесян

Б.Б. АЛИМОВ,
преподаватель кафедры
«Государственное право и управление»
Ташкентского государственного юридического университета
E-mail: bw10w2969@mail.ru

РОЛЬ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН В ПРОЦЕССЕ ОТСТАВКИ КАБИНЕТА МИНИСТРОВ

В статье на основании сравнительно-правового анализа законодательства и практики зарубежных стран подробно изучены факторы, причины и особенности отставки Кабинета министров и участие в нём Президента Республики Узбекистан, проанализированы правовая природа и механизмы реализации института вотума недоверия. В процессе изучения данного вопроса выявлены также некоторые противоречия и правовые коллизии, по устранению которых разработаны предложения и рекомендация.

Ключевые слова: Республика Узбекистан, Кабинет министров, Конституция, законодательство, вотум недоверия, вотум доверия, президент, парламент, правительство, премьер-министр, отставка.

B.B. ALIMOV,
the lecturer of the department
«State law and governance»
at the Tashkent State University of Law
E-mail: bw10w2969@mail.ru

PARTICIPATION OF THE PRESIDENT OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN IN THE PROCESS OF RESIGNATION OF THE CABINET OF MINISTERS

In the article on the basis of the comparative legal analysis of the legislation and practice of foreign countries are researched factors, reasons and features of resignation of the Cabinet of Ministers and participation in it the President of the Republic of Uzbekistan, are analyzed legal nature and mechanisms of realization of the institute of the vote of no confidence. Also in the process of studying of the given subject are revealed some contradictions and legal collisions, are developed proposals and recommendations for theirs elimination.

Keywords: *the Republic of Uzbekistan, the Cabinet of Ministers, Constitution; legislation, vote of no confidence, vote of confidence, president, parliament, government, prime minister, resignation.*

Сопоставляя нормативно-правовую базу процесса отставки Кабинета министров Республики Узбекистан и зарубежных государств, следует отметить, что в зависимости от правовых систем в одних странах правовые основы отставки правительства детально закреплены на конституционном уровне, а в других находят своё отражение в текущем законодательстве и в подзаконных актах. Изучение зарубежного опыта процесса отставки правительства показывает, что (если не учитывать некоторых особенностей) почти во всех государствах причинами отставки правительства, которое функционирует как коллегиальный орган, являются одинаковые факторы.

Сложение правительством своих полномочий. В некоторых странах (Беларусь, Азербайджан, Грузия, Казахстан, Таджикистан, Туркменистан, Украина, Россия) правительства

слагают полномочия перед вновь избранным президентом, а в других (Венгрия, Польша, Эстония, Болгария, Литва, Португалия, Румыния, Турция Чехия) - перед вновь избранным высшим представительным органом. Это есть своего рода традиционный процесс, который используется во всех странах, где правительство функционирует как коллегиальный орган. Так, например, в Италии Совет министров подает в отставку всегда, когда избирается новый президент. Но следует одновременно с этим подчеркнуть, что это только формальная, так называемая «отставка из вежливости», которая никогда не провоцировала кризис, так как всегда автоматически отставка отвергалась Президентом Республики. По настоящему Совет министров подает в отставку, когда после парламентских выборов формируется новый Совет министров [Марино И. Сравнительно-правовой анализ конституционно-правовых отношений президента с иными высшими органами государственной власти (Опыт России, Италии, США и Франции): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 107]. Институт сложения правительством своих полномочий является показателем ответственности данного органа перед тем или иным субъектом государственной власти и тем самым даёт возможность разграничить сроки полномочия высшего органа исполнительной власти.

Аналогичная норма закреплена в ст. 98 Конституции Республики Узбекистан, согласно которой «действующий Кабинет Министров слагает свои полномочия перед вновь избранным Олий Мажлисом Республики Узбекистан, но продолжает свою деятельность до формирования нового состава Кабинета Министров в соответствии с решением Президента страны» [Конституция Республики Узбекистан. Ташкен: «Узбекистан», 2014. С. 51, 52]. Вместе с тем, по нашему мнению, в законодательстве Республики Узбекистан следует рас-

писать подробный механизм реализации данной конституционной нормы, в результате трактовки которой возникают некоторые коллизии, так как не установлено, когда именно действующий Кабинет министров слагает свои полномочия: в день публикации в печати Постановления Центральной избирательной комиссии Республики Узбекистан о результатах парламентских выборов или с того дня, когда вновь избранный Олий Мажлис Республики Узбекистан начнет свою деятельность. Устранение вышеуказанных коллизий, несомненно, будет способствовать совершенствованию национального законодательства.

Невозможность исполнения главой правительства своих полномочий. Физической невозможностью исполнения главой правительства своих полномочий являются тяжелая, продолжительная и неизлечимая болезнь, смерть и т.д. Например, в законодательстве Венгрии, Македонии, Эстонии, Португалии, Литвы, Молдовы и Украины предусмотрено, что смерть главы правительства влечет за собой отставку всего состава правительства.

Норма, регулирующая данное правоотношение, существует в п. «б» ст. 4¹ «Освобождение от должности Премьер-министра» Закона Республики Узбекистан «О Кабинете Министров Республики Узбекистан», где предусмотрено, что премьер-министр освобождается от должности президентом в случае невозможности исполнения им своих полномочий [Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан. 2003. № 9-10. Ст. 138]. С нашей точки зрения, данная норма дает возможность ее широкого толкования. Кроме того, невольно возникает вопрос: как в случае смерти премьер-министра президент может освободить его от занимаемой должности? Исходя из этого, предлагается переименовать ст. 4¹ вышеуказанного Закона на «Отставка Кабинета Министров» и её первый абзац изложить в следующей редакции: «Кабинет Мини-

стров отправляется в отставку Президентом Республики Узбекистан». Предлагаемое изменение будет способствовать внесению ясности в вышеуказанные коллизии и унифицировать смысл норм статьи.

Отставка правительства по инициативе президента.

Практика отставки высшего органа исполнительной власти по инициативе главы государства существует в президентских и смешанных республиках с сильной президентской властью, где правительство функционирует как коллегиальный орган (Россия, Украина, Беларусь, Казахстан, Армения, Азербайджан, Таджикистан). Особенность данного полномочия состоит в том, что президент в любое время самостоятельно может принять решение об отставке правительства. Чаще всего поводом служит негативное отношение главы государства к деятельности главы правительства и правительства в целом.

Если обратиться к законодательству Республики Узбекистан, то в п. «б» ст. 4¹ Закона Республики Узбекистан «О Кабинете Министров Республики Узбекистан» закреплено аналогичное полномочие главы государства. Но, в отличие от вышеперечисленных стран, в Узбекистане случаи освобождения от должности премьер-министра конкретизированы. Президент по своей инициативе освобождает премьер-министра от должности «в случае возникновения непреодолимых разногласий в составе Кабинета Министров, ставящих под угрозу нормальное его функционирование, а также неоднократно принятия Кабинетом Министров решений, противоречащих Конституции, законам Республики Узбекистан, указам, постановлениям и распоряжениям Президента Республики Узбекистан». Позитивным фактором является то, что конкретизация причин отставки правительства президентом страны ограничивает возможности главы государства по злоупотреб-

лению данным рычагом воздействия на высший орган исполнительной власти и даёт возможность правительству в полной мере реализовать поставленные задачи. В свою очередь, если правительство будет нести перед президентом конкретную ответственность, то на практике оно становится относительно независимым от главы государства [Шеян А.Н. Институт правительственной ответственности в России: Дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 2007. С. 68].

Заявление главы правительства об освобождении от должности. Обращение главы правительства (или всего правительства) к президенту с заявлением об освобождении от должности (или об отставке правительства) – одна из основных причин отставки высшего органа исполнительной власти. Причины такого обращения могут быть разными: негативное отношение президента или парламента к правительству, попытка со стороны правительства стабилизировать политический кризис в стране и т.д. Данное полномочие главы правительства более ярко выражено в парламентских республиках и в республиках с сильной парламентской властью. Причина в том, что в этих государствах президент не имеет полномочий отправить правительство в отставку по собственной инициативе. Основной причиной отставки правительства является либо заявление главы правительства, либо выраженное парламентом недоверие правительству или отказ в выражении доверия. Особенность здесь выражается в том, что в некоторых странах (даже если выражено недоверие правительству) с правовой точки зрения требуется заявление главы правительства об отставке правительства. Значит, в парламентских республиках и в республиках с сильной парламентской властью глава государства «может бесконечно тасовать его состав, но самостоятельно сменить Премьер-министра и весь состав правительства он не может» [Ашаев Д.С. Роль Президента и Правительства Российской

Федерации в осуществлении исполнительной власти: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 89].

В п. «а» рассматриваемой ст. 4¹ уже закреплена норма, регулирующая право премьер-министра обратиться с заявлением об отставке. Однако предлагается закрепить в Регламенте Кабинета министров Республики Узбекистан подробный механизм реализации данной нормы, так как остается открытым вопрос: как и кем принимается решение о добровольной отставке - главой правительства или на заседании правительства? Дело в том, что согласно ч. 2 ст. 4¹ «освобождение от должности Премьер-министра одновременно влечет за собой отставку Правительства Республики Узбекистан», обуславливающее воздействие правовых действий главы правительства на весь состав правительства. Однако в Конституции Беларусь закреплена норма о том, что отставка главы правительства не влечет за собой отставку всего состава правительства [Статья 10 Закона Республики Беларусь от 23 июля 2008 г. № 424-З «О Совете Министров Республики Беларусь» // <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=h10800424&p2={NRPA}>]. Исходя из этого, следует закрепить норму о том, чтобы вопрос об обращении главы правительства обсуждался на заседании правительства. Так, например, в России решение о добровольной отставке правительства обсуждается и принимается на заседаниях правительства [Топоркова М.К. Конституционно-правовой статус членов Правительства Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 22; Постатейный комментарий Конституции Российской Федерации / Под ред. Л.А. Окунькова. М.: Изд-во “БЭК”, 1996. С. 364].

Вотум недоверия. На сегодняшний день вотум недоверия, являясь важным элементом системы сдержек и противовесов, считается широко используемым в зарубежной прак-

тике конституционно-правовым институтом, который имеет место в правовых системах большинства парламентских и президентско-парламентских республик. В мировой практике данный институт именуется по-разному: «вотум недоверия» (Австрия, Греция, Хорватия), «недоверие» (Германия, Венгрия, Россия), «резолюция недоверия» (Италия, Румыния, Украина), «резолюция порицания» (Франция, Португалия) и т.д.

На практике вотум недоверия делится на два вида - конструктивный и деконструктивный [Кильдина Г.С. Институт отставки в постсоветском праве. Вопросы теории и практики: Дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 2003. С. 81]. Распространенным считается деконструктивный вотум недоверия, который используется практически во всех странах, где есть данный институт. При выражении парламентом вотума недоверия правительству деконструктивного вида второй уходит в отставку, и после этого процесс формирования высшего органа исполнительной власти начинается в порядке, предусмотренном в законодательстве. Что касается конструктивного вотума недоверия, то оно используется в некоторых государствах (Венгрия, Германия, Словения, Польша), где голосование о выражении вотума недоверия правительству считается голосованием за избрание нового главы правительства, т.е. это - особая форма вотума недоверия, выражающаяся в избрании ему преемника. При выражении вотума недоверия действующему правительству избранным считается новый глава правительства, который формирует его новый состав.

В результате демократических реформ в 2011 г. [Закон Республики Узбекистан от 18 апреля 2011 г. № ЗРУ-284 «О внесении изменений и дополнений в отдельные статьи Конституции Республики Узбекистан (статьи 78, 80, 93, 96 и 98)» // СЗ Республики Узбекистан. 2011. № 16. Ст. 159] институт вотума недоверия впервые нашел своё отражение в законодательстве Республики Узбекистан. Согласно изменениям «в

случае возникновения устойчивых противоречий между Премьер-министром Республики Узбекистан и Законодательной палатой Олий Мажлиса Республики Узбекистан по предложению, официально внесенному на имя Президента Республики Узбекистан депутатами Законодательной палаты в количестве не менее одной трети от их общего числа, вопрос о выражении вотума недоверия Премьер-министру вносится на обсуждение совместного заседания палат Олий Мажлиса Республики Узбекистан» [Конституция Республики Узбекистан. С. 53]. Анализируя данную конституционную норму, нами были выявлены следующие особенности.

Во-первых, для того чтобы инициировать процесс вотума недоверия, требуется определенная причина, в данном случае - это возникновение устойчивых противоречий между главой правительства и нижней палатой парламента страны. В законодательстве некоторых стран также предусмотрены аналогичные нормы. Так, например, в Казахстане не утверждение парламентом отчета правительства об исполнении республиканского бюджета означает выражение парламентом вотума недоверия правительству [Статья 53 Конституции Казахстана//http://www.kazakhstan.orexca.com/rus/kazakhstan_constitution.shtml], а в Португалии Ассамблея Республики может принять резолюцию порицания правительству по осуществлению его программы или по вопросу, представляющему национальный интерес [Статья 194 Конституции Португалии// <http://worldconstitutions.ru/?p=141&page=8>]. Закрепление в законодательстве определенных причин для выражения парламентом правительству вотума недоверия есть важный фактор по обеспечению стабильности деятельности правительства и продолжительности проводимой им государственной политики.

Во-вторых, инициаторами вотума недоверия премьер-министру могут быть минимум $\frac{1}{3}$ часть депутатов Законодательной палаты ($\frac{1}{5}$ часть всего состава Олий Мажлиса Республики Узбекистан). Этот показатель в зарубежных странах варьируется по-разному. Например, в Венгрии, Албании, Казахстане и Эстонии - $\frac{1}{5}$ часть; во Франции, в Италии и Словении - $\frac{1}{10}$; в Молдове и Румынии - $\frac{1}{4}$ часть; в Македонии - 20 депутатов; в Польше – 46; в Чехии - 50 депутатов; на Украине - $\frac{1}{3}$ часть или по предложению президента [Статья 87 Конституции Украины//<http://meget.kiev.ua/zakon/konstitutsia-ukraini/>]. Установление минимальной численности членов парламента, которые могут инициировать процесс вотума недоверия, является одним из факторов сдерживания от частых использований данного рычага воздействия на главу правительства или на правительство в целом, так как без одобрения установленного количества членов высшего представительного органа процесс вотума недоверия не может быть начат.

В-третьих, по вопросу о выражении вотума недоверия премьер-министру официально вносится предложение на имя Президента Республики Узбекистан. В зарубежных странах, где действует институт вотума недоверия, данная практика отличается, так как в большинстве из них глава государства не имеет возможность активно участвовать в процессе вотума недоверия. В других (Россия, Киргизия, Казахстан) глава государства активно участвует в завершении процесса вотума недоверия, принимая решение об отставке правительства или не соглашаясь с решением парламента. Особенность участия Президента Республики Узбекистан в процессе выражения вотума недоверия заключается в том, что он, рассмотрев предложение депутатов, если сочтет его необоснованным, имеет право не вносить данное предложение на обсуждение совместного заседания палат Олий Мажлиса Республики Узбекистан. По нашему мнению, любая форма активного уча-

ствия президента в процессе вотума недоверия является позитивной, так как глава государства осуществляет данное полномочие, исходя из его функции по обеспечению согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти и тем самым обеспечивает стабильность системы сдержек и противовесов, а также баланс между законодательной и исполнительной ветвями власти.

В-четвертых, в Республике Узбекистан вотум недоверия выражается главе правительства, т.е. премьер-министру. Как отмечает А. Шеян, чаще всего причина правительственной отставки кроется в личности и деятельности главы правительства [Шеян А.Н. Указ. соч.

С. 66]. Если в большинстве зарубежных государств (Австрия, Франция, Армения, Беларусь, Греция, Италия, Казахстан, Киргизия, Македония, Молдова, Польша, Португалия, Россия, Грузия, Румыния, Словения, Украина, Чехия) вотум недоверия выражается правительству, то в других странах (Германия, Албания, Венгрия) - главе правительства. В Хорватии и Эстонии вотум недоверия может выражаться и главе правительства, и правительству в целом. Норма о том, что вотум недоверия выражается главе правительства, свидетельствует о его высоком статусе в системе государственной власти, тем самым является практическим показателем коллегиальной ответственности Кабинета министров перед Олий Мажлисом, так как при выражении вотума недоверия премьер-министру весь состав Кабинета министров уходит с ним в отставку.

В-пятых, вопрос о выражении вотума недоверия премьер-министру вносится на обсуждение совместного заседания палат Олий Мажлиса Республики Узбекистан, в то время как в ряде зарубежных государств, где функционирует двухпалатный парламент (Германия, Франция, Австрия, Беларусь,

Россия, Хорватия, Чехия, Польша), вопрос о выражении вотума недоверия решается нижней палатой. В таких же странах, как Италия, Грузия, Казахстан и Румыния (как и в Республике Узбекистан) решение вопроса о выражении вотума недоверия входит в компетенцию обеих палат парламента. На наш взгляд, позитивным является то, что выразить вотум недоверия премьер-министру входит в совместные полномочия обеих палат Олий Мажлиса Республики Узбекистан и, в свою очередь, свидетельствует об ответственности Кабинета министров, в том числе перед палатой территориального представительства, т.е. перед Сенатом. Необходимо также отметить, что выражение вотума недоверия обеими палатами парламента усложняет механизм реализации указанного института и тем самым является фактором сдерживания нижней палаты верхней палатой от частых и необоснованных использований данного рычага воздействия представительного органа на правительство.

«Вотум недоверия Премьер-министру считается принятым, если за него проголосует не менее двух третей от общего числа соответственно депутатов Законодательной палаты и членов Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан. В этом случае Президент Республики Узбекистан принимает решение об освобождении Премьер-министра от должности. При этом весь состав Кабинета Министров Республики Узбекистан уходит в отставку вместе с Премьер-министром» [Конституция Республики Узбекистан. С. 53, 54]. Значит, для того чтобы выразить вотум недоверия премьер-министру, требуются голоса квалифицированного большинства, т.е. $\frac{2}{3}$ голосов членов обеих палат парламента. При этом следует учесть, что совместное заседание палат Олий Мажлиса считается правомочным, если в нем участвуют $\frac{2}{3}$ членов обеих палат парламента. Аналогичная практика существует в Казахстане, Киргизии и в некоторых других государствах, хотя в

большинстве зарубежных стран для того, чтобы решить вопрос о выражении вотума недоверия правительству или его главе, достаточно голосов абсолютного большинства, т.е. $\frac{1}{2}$ части голосов народных представителей. При выражении вотума недоверия премьер-министру глава государства принимает решение об освобождении его от должности. Значит, в отличие от президентов России, Киргизии и Казахстана, Президент Республики Узбекистан не имеет права не согласиться с решением парламента, так как он уже дал своё согласие на выражение вотума недоверия при рассмотрении официального предложения, внесенного на его имя (ранее мы рассмотрели этот вопрос).

«Новая кандидатура Премьер-министра для представления на рассмотрение и утверждение палатами Олий Мажлиса Республики Узбекистан предлагается Президентом Республики Узбекистан после соответствующих консультаций со всеми фракциями политических партий, представленных в Законодательной палате Олий Мажлиса Республики Узбекистан» [Там же. С. 54]. Исходя из смысла данной нормы, следует вывод о том, что при отставке главы правительства путем вотума недоверия новый премьер-министр утверждается в порядке, предусмотренном в вышеизложенной норме. В других случаях кандидатура премьер-министра предлагается главе государства политической партией, набравшей наибольшее количество депутатских мест на выборах в Законодательную палату Олий Мажлиса Республики Узбекистан, или несколькими политическими партиями, получившими равное наибольшее количество депутатских мест, как это предусмотрено в Конституции Республики Узбекистан [Там же. С. 52].

Вотум доверия. Как показывает мировая практика, вотум доверия - один из важных факторов, показывающий от-

ветственность правительства перед представительным органом (как и вотум недоверия), который широко распространен в полупрезидентских и парламентских республиках. На сегодняшний день закрепление организационно-правовых основ осуществления вотума доверия в законодательстве ряда зарубежных стран (Франция, Беларусь, Болгария, Германия, Греция, Киргизия, Македония, Польша, Португалия, Россия, Хорватия, Словения, Турция, Казахстан, Армения) свидетельствует о том, что данный институт служит эффективным средством обеспечения стабильности системы разделения властей и оптимизации взаимоотношений между парламентом и правительством.

Однако возникает вопрос: в чем разница между вотумом доверия и вотумом недоверия? В отличие от вотума недоверия, инициатором вотума доверия является глава правительства, который ставит вопрос о выражении доверия правительству перед парламентом (процедура и сроки голосования, количество голосов, необходимых для утверждения, почти одинаковые). Если народные представители выразят доверие, правительство будет продолжать свою деятельность, в противном случае глава правительства подает в отставку. Суть вотума доверия состоит в том, что глава правительства использует данный инструмент воздействия в целях изменить отношение парламента к политике, проводимой правительством, так как отказ в выражении доверия может повлечь роспуск самого представительного органа. Дело в том, что при отказе в выражении вотума доверия перед президентом будет стоять выбор: или отправить в отставку правительства, или распустить парламент. Значит, как отмечает Д. Ашаев, в данном случае депутатам приходится думать не только о своём отношении к политике правительства, но и о своей собственной дальнейшей политической судьбе [Ашаев Д.С. Указ. соч. С. 138].

Обычно вопрос о выражении вотума доверия ставится главой правительства перед парламентом в связи с конкретными вопросами. Например, во Франции премьер-министр может после обсуждения в Совете министров поставить в Национальном собрании вопрос об ответственности правительства в связи с голосованием по какому-либо проекту закона о финансах или о финансировании социального обеспечения [Маклаков В.В. Конституции зарубежных государств. М.: “Infotropic media”, 2012. С. 99]. В Армении правительство может поставить вопрос о доверии в связи с принятием внесенного им проекта закона [Конституции государств - участников СНГ. М.: Норма-Инфра М, 1999. С. 104]. В Казахстане премьер-министр вправе поставить на совместном заседании палат парламента вопрос о доверии правительству в связи с неприятием внесенного правительством проекта закона [Статья 61 Конституции Казахстана// http://www.kazakhstan.orexca.com/rus/kazakhstan_constitution.shtml]. В Болгарии Совет министров может потребовать от Народного собрания, чтобы оно проголосовало по вопросу о доверии по проводимой им политике в целом, по программе или по какому-либо конкретному поводу [Конституции мира. Ташкент: Академия МВД Республики Узбекистан, 1997. Т. 1. С. 326]. В Португалии правительство может поставить перед Ассамблеей Республики вопрос о вотуме доверия по общей декларации о политике или по любому другому вопросу, представляющему национальный интерес [Статья 193 Конституции Португалии // <http://worldconstitutions.ru/?p=141&page=8>].

В других государствах (Россия, Словения, Германия и т.д.) причины вотума доверия не закреплены в законодательстве, что, в свою очередь, даёт главе правительства свободу действий по воздействию на высший

представительный орган страны. По нашему мнению, институт вотума доверия может служить эффективным средством обеспечения баланса между законодательной и исполнительной ветвями власти, а также налаживания конструктивных взаимоотношений между ними. В этой связи считаем целесообразным и обоснованным внесение в законодательство Республики Узбекистан нормы, регулирующей институт основ вотума доверия.

Подводя итоги, необходимо отметить, что конституционно-правовые отношения в сфере отставки Кабинета министров Республики Узбекистан многогранны, и в них активно принимают участие основные субъекты государственной власти. Особенно следует подчеркнуть, что главным участником процесса отставки Кабинета министров является Президент Республики Узбекистан (кроме самого Кабинета министров), без правовых действий которого отставка правительства юридически не может быть реализована, на основании чего по результатам научных исследований участие главы государства можно назвать решающим. Вместе с тем представляется целесообразным урегулирование некоторых противоречий и правовых коллизий, связанных с отставкой Кабинета министров и выявленных нами в процессе изучения данной темы.

Библиографический список

1. Ашаев Д.С. Роль Президента и Правительства Российской Федерации в осуществлении исполнительной власти: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 89, 138.
2. Кильдина Г.С. Институт отставки в постсоветском праве. Вопросы теории и практики: Дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 2003. С. 81.

3. Конституции государств - участников СНГ. М.: Норма-Инфра М, 1999. С. 104.
4. Конституции мира. Ташкент: Академия МВД Республики Узбекистан, 1997. Т. 1. С. 326.
5. Конституция Казахстана. Статьи 53, 61 // http://www.kazakhstan.orexca.com/rus/kazakhstan_constitution.shtml
6. Конституция Португалии. Статьи 193, 194 // <http://worldconstitutions.ru/?p=141&page=8>
7. Конституция Республики Узбекистан. Ташкент: «Узбекистан», 2014. С. 50 - 54.
8. Конституция Украины. Статья 87 // <http://meget.kiev.ua/zakon/konstitutsia-ukraini/>
9. Маклаков В.В. Конституции зарубежных государств. М.: “Infotropic media”, 2012. С. 99.
10. Марино И. Сравнительно-правовой анализ конституционно-правовых отношений президента с иными высшими органами государственной власти (Опыт России, Италии, США и Франции): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 107.
11. Постатейный комментарий Конституции Российской Федерации / Под ред. Л.А. Окунькова. М.: Изд-во “БЭК”, 1996. С. 364.
12. Топоркова М.К. Конституционно-правовой статус членов Правительства Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 22.
13. Шеян А.Н. Институт правительственной ответственности в России: Дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 2007. С. 66, 68.

РЕЦЕНЗИЯ
на статью Боту Бабиновича Алимова
«Роль Президента Республики Узбекистан в процессе
отставки Кабинета министров»

Вопросы взаимоотношений основных субъектов государственной власти - президента и правительства, особенно участие главы государства в процессе формирования и отставки правительства имеют важное прикладное значение. Исходя из этого, статья Б.Б. Алимова на тему «Роль Президента Республики Узбекистан в процессе отставки Кабинета министров» является актуальной, имеет достаточную степень новизны и значимости цели исследования.

В статье подробно изучены правовая природа, факторы, причины и механизмы реализации отставки Кабинета министров, особенности участия в процессе его отставки Президента Республики Узбекистан. Автор, рассматривая эти проблемы, использовал аналитико-правовые и методы сравнения законодательства и практики зарубежных стран с национальным законодательством и практикой. В процессе изучения данного вопроса автором выявлены некоторые противоречия и правовые коллизии в законодательстве Республики Узбекистан, по устранению которых разработаны обоснованные предложения и рекомендация, представляющие практический интерес.

Следует отметить грамотность изложения материала. Анализ предмета и выводы в основном соответствуют требованиям к данному виду научных работ. Степень проработки источников и литературы достаточная.

Исходя из вышеизложенного, статья Б.Б. Алимова на тему «Роль Президента Республики Узбекистан в процессе отставки Кабинета министров» рекомендуется для публикации в научных журналах.

**Профессор Ташкентского государственного
юридического университета,
доктор юридических наук**

Х.С. Исламходжаев

15 июля 2015 г.

Ж.Т. ХАЛМУМИНОВ,
доктор юридических наук,
профессор кафедры «Экологическое и аграрное право»
Ташкентского государственного юридического университета

**НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ И ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ
ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ
В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН**

В статье автором осуществлен критический анализ норм законодательства, направленного на регулирование экологической безопасности и охраны окружающей природной среды. Автором выработаны соответствующие предложения по совершенствованию сферы изучения.

Ключевые слова: экологическое право, экологическая безопасность, охрана окружающей среды.

J.T. KHALMUMINOV,
Doctor of Law, professor of the Department
«Ecological and Agrarian Law»,
Tashkent State University of Law

In this article the author carried out the critical analysis of standards of the legislation directed on regulation of ecological safety and protection of surrounding environment, the author developed the relevant proposals on improvement of the studied sphere.

Keywords: ecological Law, ecological safety, environmental protection.

Обеспечение экологической безопасности, загрязнение окружающей среды, истощение природных ресурсов и

нарушение экологических связей в экосистемах стали глобальными проблемами современности. Необходимо отметить, что быстрые и кардинальные изменения природной среды по всему миру, вызванные как климатическими факторами, так и нарастающим антропогенным стрессом, под воздействием хозяйственной деятельности привели к существенным экологическим катастрофам современности.

Президент Республики Узбекистан Ислам Каримов особо подчеркнул, что «сегодня перед человечеством возникают новые глобальные проблемы, в числе которых я хотел бы отметить такие острейшие, как изменение климата, охрана и сохранение экосистемы и биоразнообразия, истощение природных ресурсов и другие, разумное, оптимальное решение которых становится сильнейшим вызовом нашего времени.

Решение этих проблем может потребовать интеллектуального прорыва, переосмысления и нового формулирования сложившихся в течение многих веков законов, организации масштабных научных исследований и экспериментов по самому широкому спектру направлений изучения окружающего нас мира» [Каримов И.А. Великое наследие наших предков - достояние человечества. Выступление Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова на открытии Международной конференции «Историческое наследие ученых и мыслителей средневекового Востока, его роль и значение для современной цивилизации» // Народное слово. 2014. 16 мая].

Поэтому мир на основе своего исторического опыта убедился, что невозможно развивать экономику, не выполняя требования охраны окружающей природной среды и рационального природопользования. В то же время нельзя обеспечить выполнение нормативно-правовых требований охраны

окружающей природной среды и рационального природопользования, не развивая экономику.

Это взаимодействие экологии и экономики есть основа новой экологической политики, которая сейчас взята на вооружение в развитых странах Запада, в деятельности международных организаций. Именно на базе развития этой концепции была созвана в 1992 г. конференция ООН в Рио-де-Жанейро, которая называлась «Окружающая среда и развитие». Речь идет о сочетании общественного прогресса, движения человечества вперед с сохранением окружающей природной среды во имя сохранения и повышения качества жизни человека.

Президент Республики Узбекистан отмечает, что «на рубеже веков человечество, население нашей страны оказалось перед лицом глобальной экологической угрозы. Не замечать этого, бездействовать – значит обречь себя на вымирание» [Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. Ташкент: «Узбекистан», 1997. С. 108]. Тем не менее характерной чертой экологической ситуации в мире в настоящее время является ее межрегиональный характер.

На наш взгляд, это непосредственно имеет отношение к решению экологических проблем современности, в частности, изучению экологических законов, а также проблем защиты и охраны окружающей среды.

Основы экологической политики государства закреплены в ст. 55 Конституции Республики Узбекистан: «Земля, ее недра, воды, растительный и животный мир и другие природные ресурсы являются общенациональным богатством, подлежат рациональному использованию и охраняются государством» [Конституция Республики Узбекистан. Ташкент, 2014].

Данное высказывание имеет непосредственное отношение к области экологической политики, в частности рационального использования и охраны природных ресурсов Республики Узбекистан, где приняты новые экологические законы и другие правовые акты.

В Узбекистане был принят ряд экологических законов, программ, которые соответствуют международным стандартам и нормам, в том числе специальная Программа действий по охране окружающей среды на 2013–2017 годы, законы «Об охране природы», «О воде и водопользовании», «Об охраняемых природных территориях», «О недрах», «Об охране и использовании растительного мира», «Об охране и использовании животного мира», «Об охране атмосферного воздуха», «О лесе», «Об экологической экспертизе», «О земельном кадастре», «Об отходах», «О метрологии», «О безопасности гидротехнических сооружений», «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», «О радиационной безопасности», «О защите сельскохозяйственных растений от вредителей, болезней и сорняков», «О стандартизации», «Об охране здоровья граждан», «О спасательной службе и статусе спасателя», «О пожарной безопасности», «Об экологическом контроле», Воздушный кодекс, Земельный кодекс и другие экологические законы, явно свидетельствующие об объеме проделанной работы в области экологии. Реализация такой экологической политики должна стать одним из условий устойчивого развития народнохозяйственного комплекса и общества в целом.

В частности, Закон Республики Узбекистан «Об охране природы» устанавливает правовые, экономические и организационные основы сохранения нормальной природной среды, рационального использования природных ресурсов, имеет цель обеспечить сбалансированное гармоничное раз-

витие отношений между человеком и природой, охрану экологических систем, гарантировать права граждан на благоприятную окружающую среду [Ведомости Верховного Совета Республики Узбекистан. 1993. № 1. Ст. 38].

Бесспорно, названный Закон является головным, комплексным актом прямого действия, так как, **во-первых**, устанавливает нормы и требования охраны и использования природных объектов и ресурсов; **во-вторых**, все другие акты природоохранного и природоресурсового законодательства должны соответствовать основным принципам и требованиям данного головного акта; **в-третьих**, содержит организационно-правовые, социально-экономические механизмы охраны природной среды.

Сегодня мы наблюдаем ответную реакцию природы на неразумную деятельность человека. Наводнения, сели, торнадо, цунами, землетрясения, оползни, процессы опустынивания, морозы, засуха, извержения вулканов, водная и ветровая эрозия почв, выпадение града и т.п. стали сопутствующими явлениями современной жизни планеты Земля.

Существует множество глобальных, региональных и национальных экологических проблем.

Анализ законодательства об охране окружающей среды зарубежных стран показывает, что система экологического законодательства во всех странах строится с учетом специфики развития общественно-политических и социально-экономических отношений.

Краткий экскурс в современное зарубежное экологическое законодательство показывает, что, несмотря на специфические особенности законов в области окружающей среды, во многих странах действует комплексный, головной акт, определяющий основные направления и принципы экологической политики этих государств.

Экологическая политика Республики направлена на осуществление перехода от защиты отдельных элементов природы к всеобщей защите экосистем, гарантированию оптимальных параметров жизненной среды обитания человека.

Таким образом, анализ экологического законодательства Узбекистана и других стран показывает наличие развитой системы эколого-правовых норм, которые призваны регулировать сложную систему экологических отношений.

Среди иных отраслей законодательства экологическое законодательство занимает особое место, так как является комплексным и взаимодействует со многими другими отраслями законодательства. От степени развития и совершенства механизма реализации экологического и природоресурсового законодательства зависят дальнейшее развитие экологической политики Республики Узбекистан, состояние окружающей природной среды и рационального природопользования.

Стратегия обеспечения экологической безопасности Республики Узбекистан исходит из жизненно важных интересов личности, общества и государства в экологической сфере, определенных Концепцией национальной безопасности и Конституцией Республики Узбекистан.

В этом направлении в Республике осуществляется интенсивное развитие институтов гражданского общества – негосударственных некоммерческих организаций. По инициативе Президента Республики Узбекистан было организовано «Экологическое движение Узбекистана».

Несмотря на принимаемые меры и международную помощь, пока не в полной мере удается смягчить экологическую обстановку, улучшить качество воды и обеспечить устойчивое жизнеобеспечение населения от негативного воздействия вредных выбросов ГУП «ТАЛКО»

на окружающую экологическую среду и здоровье населения. В этой связи в Ташкенте 20–21 августа 2013 г. состоялся международный семинар, организованный Сенатом Олий Мажлиса Республики Узбекистан совместно с «Экологическим движением Узбекистана», принято постановление Сената Олий Мажлиса «О мерах по нейтрализации катастрофического воздействия на экологию и здоровье людей производственной деятельности таджикского предприятия ГУП «Талко»» [Проблемы трансграничного загрязнения окружающей среды: пути решения // Народное слово. 2013. 23 авг.]. 20–23 ноября 2013 г. в Ташкенте прошло шестое заседание Азиатского форума солнечной энергии [Каримов И.А. Выступление Президента Ислама Каримова на шестом заседании Азиатского форума солнечной энергии. Солнечная энергия как локомотив развития мировой экономики // Там же. 2013. 23 нояб.].

Настоящий семинар признан документом, направленным на обеспечение безопасности и стабильности для окружающей среды в целях устойчивого развития с учетом удовлетворения нужд настоящего и обеспечение интересов будущих поколений.

По оценкам «Экологического движения Узбекистана», общий экономический ущерб, нанесенный ГУП «Талко» только за последние пять лет, составляет 447.3 млн долл. При этом невозможно определить реальный ущерб, нанесенный экономике, здоровью людей и окружающей среде региона за весь почти 40-летний период деятельности алюминиевого предприятия [Проблемы трансграничного загрязнения окружающей среды: пути решения // Там же. 2013. 23 авг.].

Эти и другие примеры показывают, что природоохранительное законодательство не соблюдается. Поэтому в практике хозяйствования и природопользования должно действо-

вать одно жесткое, но справедливое по отношению ко всему обществу правило: нарушил закон – отвечай!

Учитывая вышеизложенное, необходимо отметить, что в области экологии и охраны окружающей среды (иными словами, для решения экологических проблем) должен быть наведен принципиальный порядок, который отвечал бы современным законодательствам с учетом следующих требований.

Во-первых, мы добьемся эффекта лишь в том случае, если закон будет выполняться всеми: жителями, предприятиями, учреждениями, организациями. Для этого следует проводить агитационно-пропагандистскую работу, повысить знания и культуру по отношению к окружающей среде. В правоприменении значительная роль принадлежит юристам-экологам, которых нужно готовить. Это - требование времени!

Во-вторых, организовать строгий контроль со стороны государственной экологической экспертизы за выполнением требований закона производственными предприятиями, учреждениями и организациями, результаты деятельности которых оказывают отрицательное влияние на природу и ее богатства, окружающую среду (в случае необходимости останавливать их деятельность).

В-третьих, шире использовать опыт иностранных государств (Англии, Швеции, Германии, Голландии, Израиля, Франции, Китая, Кореи, США и др.), добившихся эффективных результатов в вопросах охраны природы и окружающей среды.

В-четвертых, повысить влияние общественности на нарушителей закона, чтобы каждая махалля и каждый житель несли ответственность за экологическую чистоту природы.

В-пятых, о возмещении ущерба, нанесенного природе. Невозможно деньгами или лишением свободы покрыть его. Поэтому надо усилить экономическую и гражданскую ответственность правонарушителей. Думается, на основе требований гражданского права мы вправе обязать каждого нарушителя материально возместить ущерб.

В-шестых, принимая во внимание серьезное положение, необходимо срочно предпринять конкретные меры. В частности, создать экологический общественный совет, в который вошли бы сотрудники прокуратуры, судов, милиции, научные работники. Целесообразно уделить внимание экологическому образованию и воспитанию во всех учебных заведениях. В частности, в университете необходимо готовить юристов-экологов.

Исходя из этого рационального использования природных ресурсов, в соответствии с постановлением Президента Республики Узбекистан от 28 июня 2013 г. № ПП-1990 «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы подготовки юридических кадров» разработаны требования, предъявляемые к знаниям, квалификации и навыкам магистров на основе программ и учебных планов ТГЮУ.

В этой связи согласно требованиям законов Республики Узбекистан «Об образовании», «Об охране природы и Национальной программы по подготовке кадров, Программы действий по охране окружающей среды на 2013 - 2017 годы», цель которых - подготовка высококвалифицированных кадров, центральное место отводится изучению предметов «Аграрное право», «Экологическое право», «Природоресурсное право», «Энергетическое право», «Международное право трансграничных вод и окружающей среды», которые призваны в первую очередь обеспечить студентов и магистров, а также население знаниями в области экологии и охраны ок-

ружающей среды, а также рационального использования природных ресурсов.

Поэтому в деле рационального использования природных ресурсов большое значение имеет изучение курса «Экологическое право», «Природоресурсное право», «Энергетическое право», «Международное право трансграничных вод и окружающей среды», поскольку рациональное использование природных ресурсов сегодня стало важнейшей составляющей не только национальной, но и глобальной безопасности человечества.

В-седьмых, приоритетными задачами являются повышение экологической культуры населения, развитие системы экологического образования и воспитания, развитие международного сотрудничества в сфере охраны окружающей среды, объединение усилий, координация деятельности негосударственных некоммерческих организаций, действующих в данной сфере. Чтобы закон действовал, есть необходимость, как мы уже отмечали, организовать мероприятия по широкому разъяснению его в трудовых коллективах, учебных заведениях. Общими усилиями мы сможем уберечь родную природу от опасности, сохранить кристальную чистоту наших озер и рек, чистое небо, сберечь наше достояние для будущих поколений.

И последнее. Возможно, положительный эффект даст увеличение налога с предприятий, различных объектов, организаций и жителей, приносящих вред природе, загрязняющих, разрушающих ее.

По данным ЮНЕСКО, можно предположить, что в Центральной Азии в 2025 г. численность населения составит 60-70 млн человек, из них 50-60 млн человек - в бассейне Аральского моря. Для решения экологических проблем Арала и Приаралья, а также проблем использования трансгранич-

ных вод осуществляются совместные действия стран Центральной Азии.

Поэтому Президент Республики Узбекистан Ислам Каримов особо подчеркнул, что «бездумное строительство на крупнейших реках региона крупномасштабных гидротехнических сооружений и зарегулирование естественного водотока трансграничных рек Амударьи и Сырдарьи обернулись одной из самых крупных в новейшей истории планетарных экологических катастроф. Аральское море, бывшее уникальным, красивейшим и одним из крупнейших закрытых водоемов мира, практически в течение жизни одного поколения оказалось на грани полного исчезновения, что обернулось беспрецедентным бедствием и непоправимым ущербом для жизнедеятельности проживающего здесь населения, экосистемы и биоразнообразия Приаралья.

За последние 50 лет суммарный сток рек Амударьи и Сырдарьи в Арал сократился почти в 5 раз, объем водной массы Аральского моря уменьшился более чем в 14 раз, а уровень его засоленности увеличился почти в 25 раз, что привело к почти полному исчезновению рыб и морских организмов, ранее обитавших в водах Аральского моря.

В регионе Приаралья, который еще недавно славился огромным биоразнообразием, стремительно сокращаются количество произрастающих здесь растений и популяция диких животных, на грани полного исчезновения оказались 12 видов млекопитающих, 26 видов птиц и 11 видов растений. Образовавшаяся на месте водоема новая песчаная пустыня Аралкум площадью более 5,5 миллиона гектаров постепенно распространяется на весь регион Приаралья, ежегодно отравляя атмосферу около 100 миллионами тонн пыли и ядовитых солей, переносимых песчаными бурями и ураганами далеко за пределы Приаралья.

Однако сухие цифры статистики не способны отразить весь масштаб разразившейся в Приаралье гуманитарной катастрофы, передать чувства и чаяния проживающих здесь миллионов людей. Нехватка водных ресурсов и снижение качества питьевой воды, деградация земель, климатические изменения, рост заболеваемости населения, в первую очередь детей, сложнейший комплекс связанных с этим социально-экономических и демографических проблем – это те жестокие реалии, с которыми ежедневно сталкиваются жители прилегающих регионов Узбекистана, Казахстана и Туркменистана» [Поздравление Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова участникам Международной конференции «Развитие сотрудничества в регионе Аральского моря по смягчению последствий экологической катастрофы» // Народное слово. 2014. 30 окт.].

Нужно помнить, что многовековая и новая история Центральной Азии убедительно доказывает, что совместное использование воды должно служить объединяющим людей фактором при умелом и согласованном использовании межгосударственных водных источников, водных ресурсов хватит для удовлетворения нужд всех проживающих здесь народов.

Таким образом, мы надеемся, что международное сообщество окажет позитивное и конструктивное содействие в формировании глубокого осознания и ответственности за неукоснительное соблюдение норм международного права при проектировании новых гидротехнических сооружений на трансграничных реках Центральной Азии, что убережет десятки миллионов граждан, проживающих в бассейнах Амударьи и Сырдарьи, от новых авантюр, последствия которых мы с горечью наблюдаем на примере экологической катастрофы Аральского моря и этого региона.

Исходя из вышеизложенного, мы попытались определить теоретические и практические приоритеты правового регулирования состояния экологической обстановки, охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов в Республике Узбекистан.

Библиографический список

1. Каримов И.А. Великое наследие наших предков – достояние человечества. Выступление Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова на открытии Международной конференции «Историческое наследие ученых и мыслителей средневекового Востока, его роль и значение для современной цивилизации» // Народное слово. 2014. 16 мая.
2. Каримов И.А. Выступление Президента Ислама Каримова на шестом заседании Азиатского форума солнечной энергии. Солнечная энергия как локомотив развития мировой экономики // Народное слово. 2013. 23 нояб.
3. Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. Ташкент: «Узбекистан», 1997. С. 108.
4. Конституция Республики Узбекистан. Ташкент, 2014.
5. Поздравление Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова участникам Международной конференции «Развитие сотрудничества в регионе Аральского моря по смягчению последствий экологической катастрофы» // Народное слово. 2014. 30 окт.
6. Проблемы трансграничного загрязнения окружающей среды: пути решения // Народное слово. 2013. 23 авг.